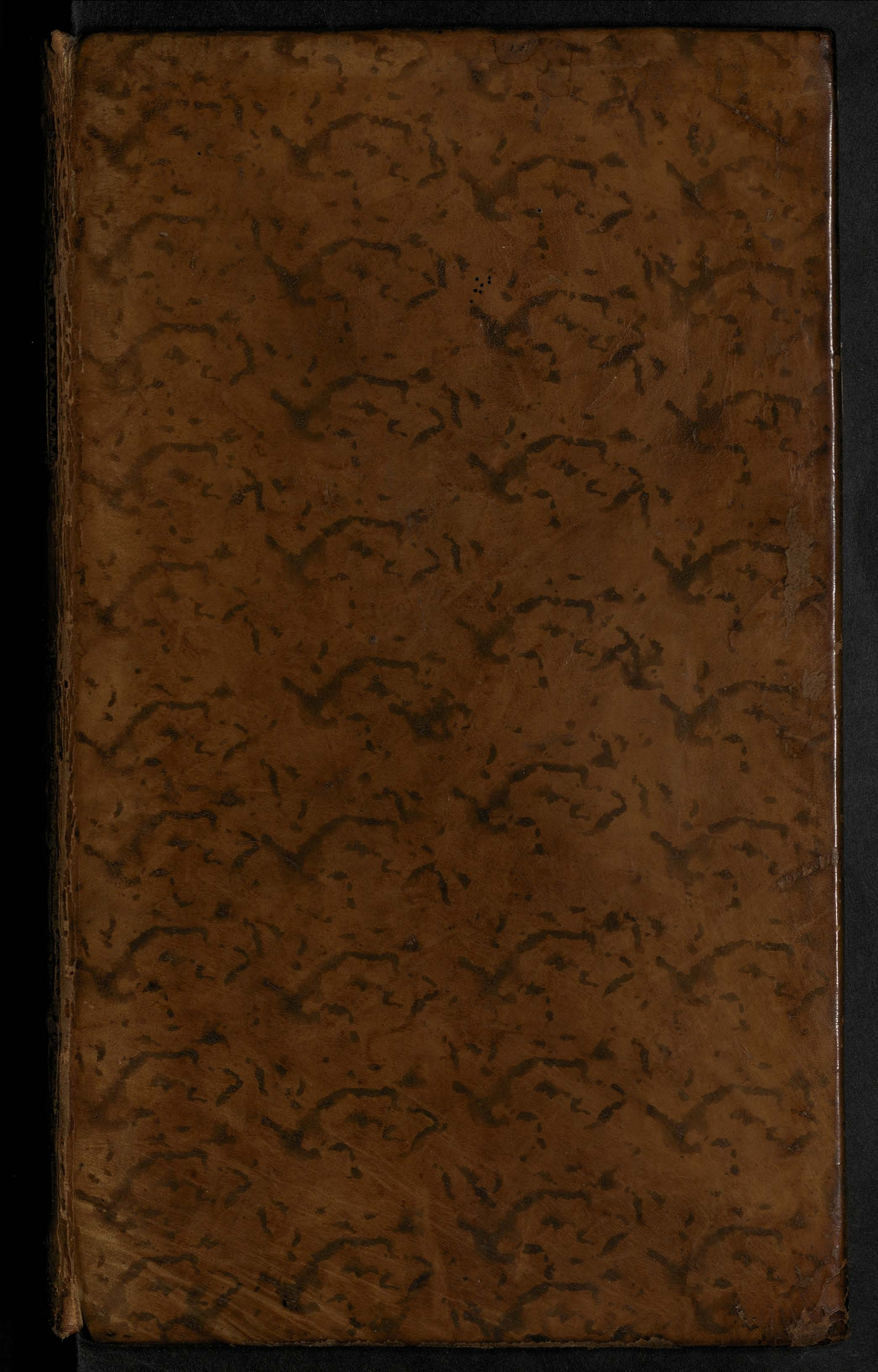

ИСТОЛКОВАНІЯ АГЛИНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ

Г. БЛАКСТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ВЕЛИКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ

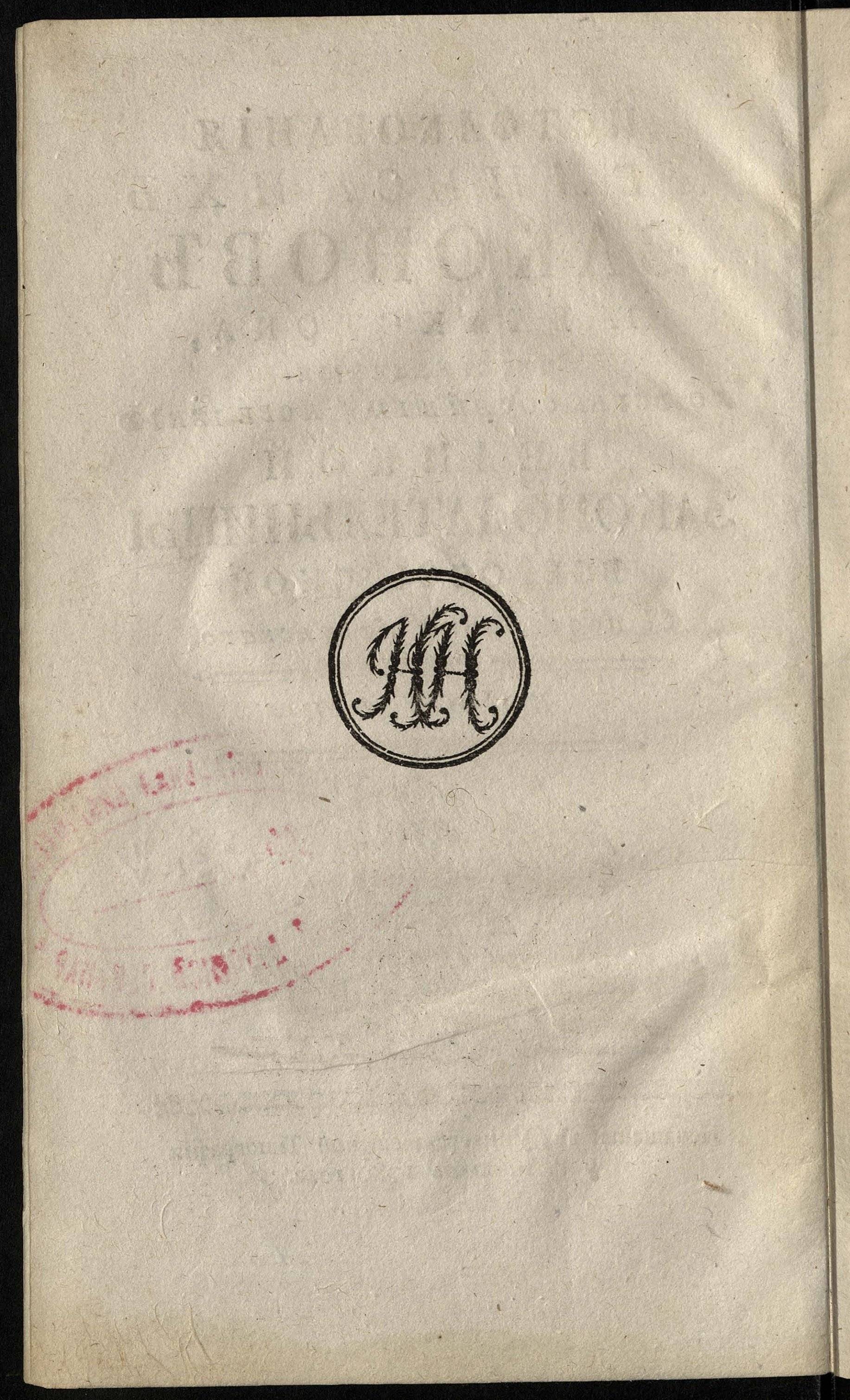
Съ подлинника Аглинскаго.

КНИГА I.

Печатаны въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова 1780 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащимся въ сей книгѣ толкованіямъ, съ пріобщеніемъ при томъ краткаго каждой главы содержанія, взятаго изъ особливой Блакстоновой книги, *Краткими наставленіями законовъ Аглинскихъ* называемой; которая не иное что есть, какъ экстрактъ, здѣланный имъ изъ пространныхъ его толкованій, которой онъ, предварительно до своихъ толкованій пространныхъ, *читалъ Студентамъ*. Сей экстрактъ или сокращеніе и я буду помѣщать при оглавленіи каждой книги, издаваемой въ переводѣ.

1.

Законъ вообще значитъ правило дѣйствію предписанное отъ высочайшей власти.

2.

Законъ естественный есть пра́вило, дѣйствію человѣческому предписанное отъ Создателя, и познаваемое разумомъ.

3.

Законъ божественный или откровенный, взятый за пра́вило, предписанное дѣйствіямъ человѣческимъ, есть также законъ природы, низпосланный отъ самаго Бога.

4.

Закономъ народнымъ почитается право, разумомъ и естественною истинною установленное для взаимнаго между собой обращенія не зависимыхъ государствъ.

5.

Законъ гражданскій есть пра́вило гражданскаго поведенія, предписанное высочайшею властію государственною, повелѣвающее дѣлать справедливое и воспящающее не справедливое.

6.

Общество здѣлано для покровительства частныхъ людей, а правительства для сохраненія общества.

7.

7.

Во всѣхъ государствахъ имѣется самодержавная власть, которой право законодательства принадлежитъ, и которую по особливому установленію королевства Аглинскаго имѣетъ Король, Лорды и низшаго Парламента члены.

8.

Части закона суть: 1. *Объяпительная*, въ которой опредѣляется, что есть справедливое и не справедливое. 2. *Попелѣпающая*, въ которой предписывается и повелѣвается всѣмъ наблюдать справедливое и удаляться не справедливаго. 3. *Способствующая*, по которой возстановляются нарушенныя приватныя права̀, и удовлетвореніе дѣлается за приватныя обиды. 4. *Наказательная*, въ которой предписывается установленіе наказаній за публичныя преступленія, въ коемъ установленіи состоитъ наисильнѣйшее обязательство законовъ человѣческихъ.

9.

При толкованіи закона мы должны разсматривать законодателя волю и намѣреніе, которыя можно узнавать изъ словъ, связи, предмета, матеріи, дѣй-

ствія, слѣдствія, сущности и причины закона.

10.

Изъ послѣдняго способа толкованія законовъ по причинамъ, для коихъ они здѣланы, происходитъ *прапота*, которая есть поправленіемъ рѣшимыхъ дѣлъ, въ разсужденіи которыхъ законъ обширностію своею бываетъ недостаточенъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Предисловнаго разсужденія о законахъ Аглинскихъ и основаніяхъ, на коихъ они утверждаются. Стран. 156.

1.

Законы Аглинскіе раздѣляются на два рода, а именно: на законъ не писанный или общій, и на законъ писанный или уложенный.

2.

Законъ не писанный Аглинскій заключаетъ въ себѣ: 1. Общія обыкновенія. 2. Особенныя обыкновенія. и 3. Особенные законы.

3.

Общія обыкновенія, которыя составляютъ законъ собственно называемый общимъ, утверждаются на всеоб-

общемъ и долговременнѣйшемъ употребленіи, доказываемомъ премногими судебными рѣшеніями, которыя рѣшенія сохранены въ публичныхъ Архивахъ, истолкованы въ годичныхъ книгахъ *репортами* называемыхъ, и систематическимъ порядкомъ расположены отъ достовѣрнѣйшихъ писателей Аглинскихъ.

4.

Особенными обыкновеніями разумѣются тѣ, кои только въ употребленіи имѣются въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и городахъ, *каковыми* почитаются Гевель-Кяйндъ, обыкновенія Лондонскія и прочія симъ подобныя.

5.

Особенныхъ обыкновеній должно доказывать: 1. Точное бытіе. 2. Законность, по которой они долженствуютъ быть древнѣйшими, продолжаемыми, мирными, справедливыми, извѣстными, полезными, обязующими и сходственными. 3. Ихъ должно, когда они приняты, толковать строго.

6.

Особенными законами почитаются принятые по особливому обыкновенію,

и употребляемые только въ нѣкоторыхъ особливыхъ судебныхъ мѣстахъ подъ предуправленіемъ общаго и уложеннаго закона. Таковыми въ Англіи почитаются Римской гражданской, и Папской церковной законы.

7.

Писанной или уложенной законъ Аглинской составляютъ Акты, дѣлаемые Королемъ, Лордами и низшими членами въ Парламентѣ, для пополненія недостатковъ и исправленія погрѣшностей въ не писанномъ законѣ.

8.

Для смягченія жестокости, случающейся въ писанномъ и не писанномъ законахъ, есть должность вступаться правоты.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Предисловнаго разсужденія о Областяхъ, управляемыхъ законами Аглинскими. - - Стран. 327.

1.

Законы Аглинскіе не пріемлются во всемъ своемъ пространствѣ ни въ какихъ другихъ подданныхъ земляхъ, кромѣ какъ только въ Королевствѣ Аглинскомъ и въ области Валлижской,

ко-

которыя между собой имѣютъ почти совершенное законовъ сообщенíе.

2.

Скотландíя, при всемъ своемъ соединенiи съ Англiею, управляется собственными гражданскими законами, хотя впрочемъ и подверженными поправленiю Великобританскаго Парламента.

3.

Городъ Берикъ подверженъ закону Скотландскому, но обязывается притомъ и всѣми Актами Парламентскими.

4.

Ирландíя есть особливое, подданное Англiи Королевство, управляемое общимъ закономъ Аглинскимъ, но необязуемое нынѣшними Актами Парламента Великобританскаго, развѣ какъ только именно для него дѣланными и упомянутыми.

5.

Островъ Манъ и Нормандскiе острова̀ Джéрзе, Гéрнзе и селенiя Аглинскiя отдаленныя управляются собственными законами, но обязуются притомъ и Актами Парламентскими для нихъ именно дѣланными.

6.

6.

Англія по церковному различенію раздѣляется на провинціи или Епархіи, на Діоцезіи или Консисторіи, на Архидіяконства и сельскія діяконства, и на Парохіи или Приходы.

7.

По гражданскому же установленію, Англія раздѣляется вопервыхъ на графства, изъ коихъ инныя суть Палатинскія, потомъ на сотни, и напослѣдокъ на города и десятоначальства.

КНИГА ПЕРВАЯ

ТОЛКОВАНІЙ

О правахъ персональныхъ и происходящихъ отъ различнаго состоянія людей въ государствѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О правахъ персональныхъ, природныхъ каждому въ обществѣ и внѣ онаго человѣку. - - стр. 309.

1.

Предметы законовъ Аглинскихъ суть *права* и *преступленія*.

2.

2.

Права̀ раздѣляются на персональныя и на вещественныя.

3.

Права̀, должныя персонѣ человѣка, собственно называются правами; но права̀, должныя отъ персоны, приличественнѣе называются должностьми.

4.

Персоны иныя суть природныя, каковыми онѣ созданы отъ природы; а иныя политическія иначе и артифиціяльными называемыя, *каковыми почитаются учиновленные люди*, чиноначальства и особы государственныя.

5.

Права̀ персональныя суть: 1. *Природныя* и принадлежащія частнымъ въ обществѣ людямъ. 2. *Относительныя* и принадлежащія людямъ, яко членамъ оное общество составляющимъ.

6.

Природныя персональныя права̀, наблюдаемыя и гражданскими законами, которые впрочемъ нимало не касаются природныхъ должностей всякаго частнаго человѣка, составляютъ политическую или гражданскую въ обществѣ вольность.

7.

Политическая или гражданская вольность есть природная роду человѣческому вольность, ограниченная законами человѣческими столько, сколько для пользы общества потребно.

8.

Природныя права̀ или гражданскія вольности Агличанъ, каковыя часто и въ Парламентѣ были подтверждаемы, первоначальнѣйшія суть три; и заключаются въ правѣ личной безопасности, въ правѣ личной вольности и въ правѣ приватной собственности имѣній.

9.

Право личной безопасности состоитъ въ законномъ наслажденіи человѣка своею жизнію, своими членами тѣла, своимъ здравіемъ и честію.

10.

Право личной вольности состоитъ во власти, по которой человѣкъ имѣетъ свободное себѣ мѣстопребываніе, и можетъ жить гдѣ онъ хочетъ, не будучи беззаконно ни задерживаемъ ни гдѣ, ни въ ссылку изгоняемъ.

11.

Право принадлежащей всякому собственности состоитъ въ свободномъ каждаго человѣка употребленіи и расположеніи пріобрѣтенныхъ законно имѣній, безъ всякаго въ томъ препятствія и умаленія беззаконнаго.

12.

Сверьхъ сихъ трехъ главнѣйшихъ природныхъ персональныхъ правъ, суть еще и другія *вспомогательныя* или *вспомоществующія* первымъ *права*, то есть, *служащія къ сохраненію первыхъ отъ беззаконныхъ на нихъ посягательствъ*. Изъ таковыхъ: 1. Первымъ почитается установленіе и власть обоихъ Парламентовъ. 2. Вторымъ, ограниченіе Королевскихъ прерогативъ. 3. Третьимъ, порядочное доставленіе публичнаго правосудія. 4. Четвертымъ, право просить невозбранно удовлетворенія за притѣсненія и обиды. 5. Пятымъ, право имѣть и употреблять всякому оружіе для собственнаго защищенія.

Предисловное разсужденіе

О

УЧЕНІИ, СУЩЕСТВѢ

И

ОБШИРНОСТИ

АГЛИНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

ПРЕДИСЛОВНОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ. (*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ЗАКОНОУЧЕНІИ.

Высокопочтенный Вице-Канцлеръ и Господа Сочлены Университета!

Общее ожиданіе сего не меньше знаменитаго, какъ и многочисленнаго собранія; новость притомъ и особливо важность воспріемлемаго на семъ мѣстѣ званія, конечно должны произвесть великую недовѣренность и усумнѣніе въ дарованіяхъ того, кто оное здѣсь имѣетъ честь на себя принять. Ибо онъ долженъ предчувствовать, колико будетъ зависѣть отъ его предуправленія въ

(*) Читанное въ Оксфордскомъ Университетѣ при открытіи законоучилища, учрежденнаго въ ономъ г. Вайнеромъ 1758 года, Октября 25.

младенчествовании такого ученія, которое еще впервые начинаетъ заводиться публичною властію Университетскою; ученія, которое всѣми [сколь ни не справедливо] почиталось скучнымъ и безплоднымъ, и котораго теоретическія начáла издревле весьма мало получили себѣ удобренія. Въ такомъ предпріятіи ему не можетъ не представиться первымъ то, что естьли его либо порядокъ ученія учинится грубымъ и не примѣнительнымъ, или и слѣдующее по оному совершеніе здѣлается запинательнымъ и не существующимъ: то отъ того причиниться может помраченіе всему дальнѣйшему преуспѣванію сего преполезнаго и справедливаго ученія, и можетъ остановиться тѣмъ общеполезнѣйшее и ревностнѣйшее намѣреніе нашего премудраго и щедраго сему мѣсту благотворителя (*). И сего онъ тѣмъ больше

(*) То есть г. Вайнера, который собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ со-

ше опасаться долженъ, чѣмъ меньше находитъ свои силы соразмѣрными и спомоществуемыми предводительствовавшими примѣрами къ желаемому совершенію толь великаго и многотруднаго дѣла; особливо же сего опасеніе еще и большимъ представляется, когда онъ и самъ добровольно въ томъ признается, что его и прежнія, больше приватныя, нежели публичныя на то покушенія оказались весьма не сходствующими съ собственнымъ его понятіемъ такого совершенства. Но при всемъ томъ испытанная имъ ваша благосклонность, и сей послѣдній крайне отмѣнный знакъ уваженія, оказанный ему не принужденнымъ избраніемъ и единодушнымъ удостоеніемъ его въ сочлены сего преславнѣйшаго Училища, и здѣланная чрезъ то ему честь по истиннѣ для него великая и лестная, и достойнѣйшая навсегда воспомина-

собиралъ Аглинскія права, и собранныя подарилъ Университету Оксфордскому.

емою быть съ глубочайшимъ и искреннѣйшимъ благодареніемъ. Сіи доказательства вашего торжественнаго и благопріятнаго о немъ разсужденія должны всеконечно превысить его со мнѣнія, и не дозволить ему вовсе отчаяваться въ своей способности по крайней мѣрѣ хотя къ труду такого упражненія. Впрочемъ за всѣ свои другіе недостатки единымъ онъ только и льститъ себя средствомъ удовлетворить, и къ тому единому все его устремленіе будетъ *непрестанное*, чтобы трудомъ и прилѣжаніемъ наградить сколь можно то, чего не достаетъ въ его дарованіяхъ, почитая не усыпное свое о томъ стараніе наилучшимъ и хотя мало удовлетворительнымъ вамъ воздаяніемъ за ваше благопріятное о своей способности мнѣніе.

Такимъ образомъ препорученная ему наука для преподаванія и приведенія въ порядокъ, и для истолкованія учебными Академическими лекціями, соста-

ставлять будетъ науку законовъ и постановленій нашего отечества; науку, въ которой дворяне Аглинскіе наиболше передъ всѣми въ Эвропѣ примѣчаются не достаточествовавшими. Ибо во многихъ другихъ находящихся во внутренности Эвропы государствахъ, въ коихъ только Римское право съ отечественнымъ подъ разнымъ законостеченіемъ связано, ни единъ дворянинъ, а по крайней мѣрѣ ни единъ изъ учащихся не *почитаетъ своего воспитанія* до тѣхъ поръ совершеннымъ, покуда онъ не выслушаетъ два раза Юстиніановыхъ и отечественныхъ правъ подъ предводительствомъ весьма искусныхъ Профессоровъ, каковыми тамошніе многіе Университеты изобилуютъ. Да и въ сѣверныхъ странахъ Шотландскихъ нашего о́строва, гдѣ также право Римское часто встрѣчается смѣшеннымъ съ отечественнымъ, рѣдко почти и найти можно человѣка свободнаго воспитанія, которой бы не имѣлъ надлежащаго понятія о такой наукѣ,

которая должна быть защитницею его правъ естественныхъ, и главнымъ правиломъ въ его поведенiи гражданскомъ.

Но ученiе Римскихъ законовъ и въ Англинскомъ государствѣ вовсе пренебреженнымъ не осталось: краткое понятiе о справедливости рѣшенiй по онымъ почиталось завсегда и здѣсь не малымъ украшенiемъ дворянину; и обыкновенiемъ ужè особливо въ недавнишнiя времена введено пресаждать возрастающую на семъ *островѣ* юношества нашего надежду законопознанiя въ чужiе Университеты Швейцарскiе, Нѣмецкiе и Голландскiе, которые во всѣхъ другихъ своихъ принадлежностяхъ хотя и несравненно хуже нашихъ, всегда почитались лучшимъ насажденiемъ Римскаго, *или* (что все почти одно) своего отечественнаго законознанiя. Напротивъ сему, между такимъ продолженiемъ обыкновенiя, по особливому жребiю досталось нашей несравненной системѣ законовъ быть пренебреженной и не знаемой отъ всѣхъ,

кромѣ

кромѣ стряпчески ея употребляющихъ, хотя впрочемъ и сооруженной на твердыхъ основаніяхъ, и опытами подтвержденной множественныхъ вѣковъ.

При всемъ такомъ моемъ изъясненіи, я не охуждаю никакъ Римскаго законоученія, почитаемаго, оставляя его обязывающую власть, за собраніе, содержащее въ себѣ предписанныя истинны. Никто столь совершенно, какъ я не предувѣренъ о всеобщемъ *совершенствѣ* его *правилъ* *и обыкновенной* справедливости его рѣшеній, и ниже кто больше меня предубѣжденъ его общеполезностію и украшеніемъ служащимъ для человѣка ученаго, для богослова, для статскаго и для всякаго законоискусника. Но мы не должны въ своемъ почитаніи Римскаго пра́ва выходить за предѣлъ столь далеко, чтобы жертвовать ужѐ и сѣни смертной Ѳеодосія и Юстиніана своимъ Алфредомъ и Эдуардомъ. Мы не должны преимущества отдавать Эдиктамъ преторскимъ, или рескриптамъ Римскихъ Импе-

ператоровЪ предЪ своими обыкновеніями древними и законоположеніями Парламентскими столько, сколько мы не можемЪ преимущества дать самовластной или деспотической монархіи Римской и Византійской предЪ своимЪ, вольностію наслаждающимся правленіемЪ БританскимЪ, для котораго продолженія Аглинскіе законы столь изрядно принаровлены, сколько Римскіе для меридіана своей Имперіи дѣланы.

И такЪ безЪ уничиженія *настоящей* цѣны, содержащейся вЪ РимскихЪ законахЪ, я надѣюсь, мнѣ дозволено будетЪ утверждать, что лучше бы для Агличанина не знать РимскихЪ, нежели АглинскихЪ законоположеній, естьли бы то дано ему на произволеніе, каковыхЪ онЪ изЪ сихЪ правЪ не хотѣлЪ разумѣть. Ибо я то почитаю за не оспоримое положеніе, что приличественное законознаніе того общества, вЪ коемЪ мы живемЪ, принадлежитЪ кЪ совершенію всякаго дворянина и ученаго. Весьма полезная, и можно сказать

еще

еще и самая существенная часть свободнаго и благороднаго воспитанія въ законознаніи отечественномъ заключается. И сіе мое о томъ мнѣніе подтверждаютъ не меньше и примѣры древняго Рима, въ коемъ по увѣренію Цицерона самые отроки понуждаемы были учить свой дванадесятый табличный законъ наизусть, какъ стихи или какъ школьные уроки, для впечатлѣнія еще въ младенчествующей ихъ памяти знанія законовъ и постановленій своего отечества.

Но какъ усилившееся у насъ въ Англіи долговременное и повсемѣстное пренебреженіе собственнаго законоученія можетъ быть и сомнительною нѣсколько дѣлаетъ истинну сего моего утвержденія; того ради главнѣйшее намѣреніе сего предисловнаго разсужденія будетъ состоять въ томъ, чтобы доказать вопервыхъ общеполезность хотя поверьхняго знанія отечественнаго закона, ссылаясь въ томъ на особливую надобность такого знанія

во всякомъ отмѣнномъ состоянiи людей. Нѣкоторыя притомъ показаны будутъ причины пренебреженiю сего толь полезнаго ученiя, и въ дополненiе ко всему не многiя прибавятся примѣчанiя о приличествующемъ наибольше въ нашихъ Университетахъ возобновленiи сего ученiя.

И вопервыхъ, что касается до общеполезности законознанiя нашего отечественнаго, вообрази себѣ всякъ оное чудное установленiе самаго сего государства, которое такимъ изложенiемъ законовъ управляется, и которое единое можетъ быть только и на свѣтѣ есть такое, въ коемъ гражданская или народная вольность составляетъ всю цѣль всего установленiя государственнаго. Сiя вольность, правильно понимаемая, состоитъ въ могуществѣ дѣлать все то, что законъ позволяетъ. Позволяемаго же закономъ иначе и дѣлать не можно, какъ токмо всеобщимъ благопримѣненiемъ людей всякаго чина и состоянiя къ предписаннымъ истинною

ною для поведенія правиламъ, которыми и послѣдній въ обществѣ защищается отъ наглости и утѣсненія первыхъ.

А поколику всякой изъ подданныхъ пользуется соблюденіемъ закона, того ради и всякаго живущаго въ законѣ есть долгъ знать по крайней мѣрѣ тѣ законы, которые не посредственно до него касаются, дабы въ противномъ случаѣ не подвергнуть себя истязанію и безпокойному житію безъ знанія тѣхъ обязательствъ, коимъ онъ въ общежительствѣ подвергается. И такого поверьхняго законознанія можетъ быть довольно для низшаго состоянія людей, у которыхъ не достаетъ ни времени, ни способности къ распространенію своихъ намѣреній за предѣлъ онаго ограниченнаго состоянія, въ коемъ судьба имъ опредѣлила пребывать. Но тѣ, коихъ природа и щастіе снабдили больше дарованіями и досугомъ, не могутъ столь удобно извинены быть въ незнаніи закона; ибо такія выгоды

ды даются имъ не для одной ихъ собственной, но и для общественной пользы. Однакожъ и при всѣхъ такихъ ихъ выгодахъ они не могутъ ни въ какомъ званіи отправлять своея должности надлежащимъ образомъ, ни для себя, ни для общества безъ знанія закона. Чтобъ доказать сіе пояснѣе, то не неприлично будетъ здѣсь коснуться нѣкоторыхъ подробнѣйшихъ о томъ изслѣдованій.

И такъ начнемъ *вопервыхъ* съ нашихъ дворянъ, имѣющихъ вотчины и не зависимой достатокъ, и составляющихъ притомъ полезнѣйшее и первѣйшее общество въ государствѣ, о которыхъ незнаніи сея науки даже и думать почитаетъ господинъ *Локкъ* за чрезвычайную непристойность. Ибо ихъ то поземельная собственность, соединенная съ толь долговременнымъ и множественнымъ нисхожденіемъ наслѣдій, отчужденій и укрѣпленій, которая составляетъ для нихъ преобширную и претрудную часть знанія законнаго.

Со-

Совершенное сразумѣніе таковыхъ дѣлъ во всѣхъ ихъ потребностяхъ можетъ быть покажется очень труднымъ для всякаго другаго, кромѣ приказнаго человѣка. Однакожъ знаніе и не многихъ первоначальныхъ пра́вилъ, касающихся до отчужденія и пріобрѣтенія вотчинъ, можетъ служить предостереженіемъ и охраненіемъ дворянину по крайней мѣрѣ отъ явныхъ и великихъ обмановъ стряпческихъ.

Сверьхъ сего во всякомъ благоучрежденіи закономъ предписаны особливыя формы и обрядныя слова̀, касающіяся до завѣщаній и порядочнаго оныхъ засвидѣтельствованія, и незнаніе таковыхъ должно быть всегда опаснымъ слѣдствіемъ для тѣхъ, которые самопроизвольно или и принужденно совершаютъ свое завѣщаніе безъ всякой формы и обрядовъ предписанныхъ и наблюдаемыхъ въ законѣ. Бывшіе въ Юстиціи при такихъ дѣлахъ наилучше могутъ засвидѣтельствовать происходящіе отъ того въ фамиліяхъ без-

порядки и разоренія, и въ разбираніи точнаго разумѣнія завѣщателева раждающіяся превеликія затрудненія такъ, что иногда и безъ всякаго смысла завѣщателева остается воля, и его мнѣніе бываетъ овладѣннымъ совсѣмъ противно не довѣдомому его намѣренію для того единственно, что можетъ быть слово или два формальныя пропущены необходимо нужныя въ завѣщаніи, для опредѣленія точнаго и не оспоримаго въ ономъ смыслу; или и по тому, что его завѣщаніе можежъ *быть совершенно* съ меньшимъ, нежели какого законъ требуетъ, числомъ свидѣтелей.

Но оставя приватную для дворянъ надобность законознанія, приступимъ теперь разсуждать о не сравненно важнѣйшей для ихъ *надобности* онаго въ употребленіи публичномъ. Всѣ вотчинники и дворяне Аглинскіе, въ силу своего имѣнія, подвержены бываютъ позыву на судъ для утвержденія правъ, для разбирательства обидъ, для сличенія обвиненій, а иногда и для ра-

располаганія жизнію и имѣніемъ своихъ согражданъ, будучи на то употребляемы служить какъ Джуры (*) или свидѣтелями присяжными судопроизводствъ: въ такомъ званіи они часто имѣютъ право рѣшить, да еще и подъ клятвеннымъ обязательствомъ, весьма тонкія и важныя сомнѣнія, въ рѣшеніи которыхъ нѣкоторое знаніе закона конечно надобно, а особливо когда законъ и дѣло судимое, какъ то причасто случается, бываютъ между собою весьма тѣсно связаны. Недостатокъ же въ семъ знаніи всеобщій даже и въ наилучшихъ нашихъ Джурыманахъ здѣлалъ крайне неуважаемою ихъ власть, и увеличилъ чрезъ то власть судейскую такъ, что судьи часто ихъ Вердиктъ или приговоръ могутъ поправ-

 ли-

(*) Джуры или Джурыменъ въ Аглинскихъ судахъ употребляются изъ помѣстныхъ и поземельныхъ владѣльцовъ и вотчинниковъ, иногда 16, иногда 12, которыхъ должность есть быть при судопроизводствахъ свидѣтелями присяжными, и на послѣдокъ утвердить судимаго виноватымъ или не виноватымъ.

ливать, оспоривать и обратительным назадъ дѣлать больше, нежели сколько можетъ быть и самимъ законоположенiемъ имъ въ томъ дозволяется.

Но не въ одномъ семъ только качествѣ какъ Джуры Аглинскiе благородные употребляются; они также часто приглашаются на судища для утвержденiя правъ и доставленiя правосудiя своимъ согражданамъ: имъ преимущественно препоручается и должность *джостисъ-офъ-писъ*, или Юстицкаго судiи во всякомъ уѣздѣ, для наблюденiя всеобщаго спокойствiя и тишины: и въ семъ званiи дворянину Аглинскому открывается наипространнѣйшее поле къ изощренiю своихъ дарованiй наблюденiемъ добраго порядка въ сосѣдствѣ наказыванiемъ развращенныхъ и праздныхъ, защищенiемъ смиренныхъ и трудолюбивыхъ, а паче всего примиренiемъ каждаго въ не большихъ раздорахъ и недопущенiемъ всѣхъ до убыточныхъ и разорительныхъ тяжебъ.

Но къ достиженію такого желаемаго намѣренія необходимо надобно, чтобы сіи судопроизводители разумѣли свое дѣло, и имѣли бы не токмо хотѣніе, но и могущество, то есть, знаніе потребное въ доставленіи законнаго и дѣйствительнаго правосудія. Въ случаѣжъ, естьли такой судья отъ гнѣву, невидѣнія или и неблагопристойности употребитъ свою власть, то чрезъ то онъ останется въ презрѣніи отъ подчиненныхъ и въ осужденіи отъ тѣхъ, коимъ онъ за свои поступки отвѣтствовать долженствуетъ.

Но что больше еще, многіе изъ зажиточныхъ дворянъ Аглинскихъ весьма возносятся тѣмъ, чтобы когда нибудь въ своей жизни быть членомъ отъ какой либо провинціи въ Парламентѣ: и желающіе возноситься въ полученіи толь великія довѣренности, должны и помнить твердо оныя существо и важность. Ибо толь знатнымъ и высокопочитаемымъ достоинствомъ они отличаются отъ прочихъ

своихъ соподданныхъ не для того единственно, чтобъ тѣмъ могли оградить свою особу, свои вотчины и своихъ домашнихъ знатными привилегіями; или чтобъ составляя только однѣ партіи, могли налагать и останавливать поборы государственные, и подавать и продавать свои голоса на требованіе и противъ требованія любимаго и не любимаго народомъ министерства: но не сравненно для полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ намѣреній они избираются защитниками Аглинскихъ установленій, издателями, отмѣнителями и истолкователями Аглинскихъ законовъ, будучи опредѣлены отъ своихъ соотчичей для наблюденія, недопусканія и отвращенія всякаго опаснаго возобновленія, предпріемлемаго въ установленіяхъ государственныхъ, и для продолженія, введенія и утвержденія всякаго не поколебимаго и благоразумнаго поправленія: и сверьхъ сего они природою, честію и вѣрою обязаны сохранить и доставить грядущимъ потомкамъ все оное установленіе и законы, коль можно

въ большемъ совершенствѣ и безъ умаленія ихъ силъ. И сколь же предосудительно для члена законодательнаго, подавать свой голосъ на новой законъ, когда онъ вовсе не разумѣетъ стараго, и какое толкованіе онъ можетъ здѣлать на законъ, когда онъ не знаетъ и содержанія его.

Истинно надивиться тому довольно не можно, чтобы не было почти въ жизни человѣческой такого званія, такого упражненія, художества и науки, въ коихъ бы хотя нѣкоторое предварительное наставленіе не почиталось нужнымъ; и чтобы въ одной наукѣ законодательной, благороднѣйшей и претруднѣйшей изъ всѣхъ, сіе не нужнымъ почиталось! учениками сперва записываются всѣ во всякое коммерческое и механическое искусство, долговременнымъ чтеніемъ и ученіемъ совершается богословъ, врачь и практической законоискусникъ: но всякой богатой и знатной человѣкъ почитаетъ себя рожденнымъ законодателемъ. Не

взирая на сіе Цицеронъ, былъ всегда противнаго о томъ мнѣнія, и говорилъ, что не обходимо нужно для Сенатора знать совершенно постановленія своего государства, и сего ученіе доказываетъ онъ весьма обширнымъ, и требующимъ знанія, прилѣжанія и памяти, безъ которыхъ ни единъ Сенаторъ къ отправленію своея должности способнымъ быть не можетъ.

Причиненное въ семъ случаѣ зло публикѣ не осторожными перемѣнами нашихъ законовъ, всякому довольно извѣстно, и сколько такія перемѣны закона здѣлали недостаточнымъ воспитаніе нашихъ Сенаторовъ, о семъ требуется нынѣ не мало помышленія и государственнаго. Обычайный законъ Аглинскій продолжался съ начала на подобіе почтеннѣйшаго зданія древняго, пока онаго безразсудные и не искусные дѣлатели не начали возобновлять и украшать со всесильною свирѣпостію нынѣшняго поправленія. Отъ сего часто въ немъ соразмѣрность была раз-

разстроенна, связь перепорчена, и величественная его простота промѣнена за наружныя украшенія и сумозбродныя новости. Ибо по истиннѣ сказать, всѣ почти затрудненія, сомнительства, тонкости, замѣшательства и остановки, какія только нѣкогда обезображивали Аглинскія равномѣрно какъ и другія судища, правосудія происшествіе свое имѣютъ не отъ древняго обыкновеннаго закона Аглинскаго, но отъ возобновленій учиненныхъ воономъ *Актами Парламентскими*, отъ которыхъ старинной законъ [какъ Саръ Эдуардъ Кокъ говоритъ] „обремененъ „различными раздѣленіями и пополне„ніями, дѣланными многократно и „внезапно отъ людей не имѣющихъ „ниже и малѣйшаго разсужденія о законѣ.„ Сей великій и искусный судья объявляетъ, что во всю его бытность при судахъ, онъ не помнитъ нижè двухъ споровъ, происходившихъ когда либо о правахъ, утверждающихся единственно на старинномъ обычайномъ Аглинскомъ законѣ, и крайне сожа-

лѣя о такомъ безпорядкѣ, причиненномъ своему закону худыми судьями и не учеными законодателями, говоритъ „что естьлибы Акты Парламентскіе дѣланы были по старинному обыкновенію, и людьми единственно такими, которые бы совершенно и предварительно разумѣли, какое было положеніе стариннаго закона о той матеріи, до которой касался новоиздаваемый Актъ Парламентскій; и ежелибы притомъ разсматриваемо всегда было, сколько прежними статутами изыскано средствъ для отвращенія прежнихъ золъ и недостатковъ въ законоположеніи, открывающихся по теченію дѣлъ; то отъ того весьма мало происходило бы въ законѣ нашемъ затрудненій и сомнительствъ, и ученые не были бы принуждены столь часто и столь много мучиться согласованіемъ закона съ не согласными и противорѣчущими въ ономъ словами и изъятіями, сколько оными нынѣ себя изнуряютъ.„ И ежели такое затрудненіе въ законѣ

столь

столь не сноснымъ чувствуемо было во времена Королевы Аглинской Елисаветы, то изъ сего всякъ удобно судить можетъ, сколь бо́льшему не сравненно надлежало возродиться злу въ послѣдовавшие вѣки, когда статутовъ Аглинскихъ книги возрасли въ десять разъ больше противъ прежнихъ. Сіе опровергнуть не инако кто можетъ, какъ токмо противнымъ доказаніемъ, что изложители нынѣшнихъ нашихъ статутовъ были соразмѣрно оныхъ величеству и знающими свой старинной обычайной законъ.

Что сказано о нашихъ дворянахъ вообще и о приличествующемъ имъ прилѣжаніи къ ученію закона отечественнаго: то самое можно утверждать еще съ бо́льшею справедливостію и о Вельможахъ здѣшняго государства, которые хотя и не обязаны служить въ судахъ какъ Джуры, или присяжными свидѣтелями судопроизводствъ, но въ мѣсто сея, они имѣютъ многія и не сравненно важнѣйшія должности государ-

дарственныя, будучи по знатности своего рода не токмо наслѣдственными Совѣтниками Государевыми, и по честности единой судiями жизни своихъ собратiй Вельможъ; но еще и утвердителями собственности имѣнiй всѣхъ своихъ соподданныхъ и въ самомъ верьховнѣйшемъ знаменованiи. Въ такъ своемъ судейскомъ званiи они обязаны рѣшить встрѣчающiеся въ законѣ весьма трудные и опасные пункты, и изслѣдовать и поправлять въономъ такiя погрѣшности, каковыхъ ни премудрѣйшiе законоискусники практическiе, и нижè самъ Лордъ Киперъ ни верьховнѣйшiе судьи Вестминстерскiе (*) усмотрѣть не могутъ. Ибо ихъ приговоръ бываетъ крайне рѣшительный, и не перевершиваемый ни по какой аппеллацiи. Накакого поправленiя и нижè выправки послѣ ихъ при-

(*) Должность Лорда Кипера и Вестминстерскихъ судей будетъ довольно обьяснена, когда ихъ начало и происхожденiе будетъ описываемо въ особенности.

приговора имѣть не можно, и ихъ опредѣленію, какое бы то ни было, всѣ низшіе судища должны сообразоваться. Въ противномъ случаѣ законоположенія о собственности имѣній не могутъ долѣе устоять не нарушимыми и единогласными.

Естьли низшій и подчиненный вышему судья окажется не достаточнымъ въ законознаніи, то такой навлечетъ на себя тѣмъ *не малое презрѣніе и крайнее безчестіе* на тѣхъ, *кои* его здѣлали судьею: однакожъ слѣдствіе изъ его незнанія закона не важно по тому, что судъ его можетъ быть изслѣдованъ и переправленъ другими вышшими судищами. Но сколь не сравненно печальнѣйшія и чувствительнѣйшія для всякаго бываютъ слѣдствія верьховнаго судіи, естьли онъ безъ всякаго искусства въ законѣ отважится дерзостно рѣшить такое дѣло, отъ котораго благополучіе и пропитаніе зависитъ цѣлой фамиліи, и въ которомъ надежда на его судъ праведный и не

пра-

праведный бываетъ равномѣрная такъ, что естьли онъ осудитъ одного не справедливо, то чрезъ то причинитъ другому обиду наиужаснѣйшую и такую, которой ужѐ и возможности нѣтъ пособить.

При всемъ томъ сколь ни велика сія судейская довѣренность, однако никому оная столь приличественно препорученною быть не можетъ, какъ нашимъ вельможамъ, коимъ и наше не сравненное правительство для того единственно оную препоручило, что они по не зависимому своему достатку и величественному состоянію разумѣются и въ смыслѣ политическомъ имѣющими больше времени и способности къ преуспѣванію въ законѣ, нежели люди низшаго состоянія. Да и основатели нашего правленія всегда премного полагались въ томъ на чувствованіе честности толь свойственныя знатному роду, которой, какъ съ одной стороны заставляетъ судить безпристрастно, такъ съ другой и обязываетъ всякаго Вельможу

Ве-

Великобританскаго по чести (*), каковую въ немъ законъ поставляетъ равною и присягѣ другаго человѣка, знать совершенно тѣ пункты закона, которые и рѣшить онъ имѣетъ право природное.

Пандекты, или всесодержащее оное Римскихъ Правъ изложеніе, заключаютъ въ себѣ примѣрную къ нашему случаю исторію. Сервій Сулпицій Римской дворянинъ и славной Риторъ, имѣлъ случай нѣкогда *держаться* мнѣнія Квинта Муція Сцеволы, почитавшагося тогда прорицалищемъ закона Римскаго; но за недостаткомъ знанія въ сей наукѣ, не могъ нижѐ словъ приказныхъ разумѣть, которыми ему сей пріятель принужденъ былъ изъясняться, чего не

(*) Пиры или Вельможи Великобританскіе, на подобіе Сенаторовъ Римскихъ, quibus ipsa dignitas conciliat fidem, безъ присяги и клятвы судятъ и подаютъ свои голоса, поднявши руку и выговоривши сіи слова „ guilty or not guilty „ such a one Upon honour, т. е. виноватъ, или не виноватъ такой-то именемъ, по моей чести.

не стерпя Муцій Сцевола, здѣлалъ Сулпицію сей достопамятный выговоръ: „ „Стыдно благородному дворянину Римскому и Риторскому ходатаю не знать „закона, въ которомъ онъ столько „упражняется. Сею укоризною Сулпицій будучи весьма чувствительно тронутъ, не медленно употребилъ все стараніе къ законоученію, въ коемъ онъ и оказалъ такіе успѣхи, что по смерти своей оставилъ сто восемьдесятъ книгъ собранныхъ имъ самимъ правъ, и здѣлался на послѣдокъ по мнѣнію даже и Цицерона не сравненно большимъ законоискусникомъ самаго Муція Сцеволы.

При всемъ томъ я не совѣтую быть всякому изъ нашихъ Вельможъ и благородныхъ Агличанъ столь великими законоискусниками, каковъ былъ Сулпицій; хотя сей будучи такимъ, былъ купно великій Риторъ, твердый поборникъ отечества и премудрый и не утомимый въ трудахъ Сенаторъ: а только заключеніемъ, слѣдующимъ натурально изъ сей исторіи, доказы-

зываю, что незнаніе закона отечественнаго издревле почиталось безчестнымъ для тѣхъ, коимъ отечество повѣрило наблюдать, производить въ дѣйствіе и поправлять законы.

Но намъ ужѐ и доказывать сіе множайшими посторонними знаменитыми людьми нужды нѣтъ, естьли только дозволено будетъ здѣлать примѣчаніе хотя поверьхнее о тѣхъ, кои въ семъ мѣстѣ находятся подъ нашимъ смотреніемъ. Щастливы мы, что когда полагаемъ прáвила, можемъ сослаться въ оныхъ и на очевидной примѣръ. И такъ благородное юношество, дозвольте вашему Профессору изъяснить свое въ томъ приватное и публичное удовольствіе не малое, что сіе у насъ даже и въ младенчествованіи своемъ ученіе почтенно наиприлѣжнѣйшимъ вниманіемъ и продолжается съ не ослабѣваемымъ прилѣжаніемъ отъ самыхъ знатнѣйшихъ и родомъ и достаткомъ юношей, изъ коихъ инные и поднесь

дѣлаютъ украшеніе сему водворенію наукъ, когда другіе въ дальнѣйшемъ странствованіи за науками приносятъ честь благоучрежденію сего мѣста сравненіемъ нашихъ установленій и законовъ съ иностранными въ чужихъ государствахъ; а нѣкоторые ужѐ служатъ своими дарованіями великими при Сенаторской должности, при совѣтахъ государственныхъ въ своемъ отечествѣ.

Нижѐ краткое понятіе о законѣ отечественномъ излишнимъ было бы и для низшаго состоянія людей, а особливо для ученыхъ и для священниковъ, которые, кромѣ другихъ обыкновенныхъ и требующихъ по ихъ чину такого знанія обязательствъ, почитаясь и единственно священниками, должны не обходимо знать многіе законы, собственно до нихъ принадлежащіе; и таковые въ Аглинскомъ правѣ суть касающіеся до руги, выбору и постановленія поповскаго, до

Си-

Симоніи и Симоническихъ договоровъ, до наблюденія правительствомъ единогласія въ священнослуженіи, до побсровъ десятинныхъ на церковь, до бракосочетаній и другихъ многообразныхъ дѣлъ, препорученныхъ ихъ чину особливыми статутами Аглинскими. Разумѣть же все сіе правильно, и распознавать повелѣваемое отъ воспрещаемаго въ законѣ, требуетъ законознанія, коего и снискать инако не можно, какъ токмо чтеніемъ и разумѣніемъ писателей о законахъ.

Что касается до господъ Докторовъ Факултета Медицынскаго и врачей, я за подлинно не нахожу ни какой особливой причины, для которой бы они должны учиться закону, развѣ какъ только вообще съ другими господами для снисканія себѣ всеобщаго и обширнаго о вещахъ понятія, каковаго ихъ знаніе преимущественно предъ другими всегда требуетъ. Однакожъ съ дозволенія ихъ можно сказать, что и они могли бы часто быть полезны-

ми больнымЪ при внезапныхЪ смертоносныхЪ приключеніяхЪ, естьлибы знали закоположенія завѢщаній, а по крайней мѢрѢ хотя формальной обрядЪ совершенія оныхЪ.

Но обучающіеся Римскому и Церковному Папежскому правамЪ, для употребленія оныхЪ вЪ духовныхЪ и морскихЪ судищахЪ сего государства, паче всѢхЪ людей обязываются наибольше прилѢжать кЪ ученію нашего отечественнаго пра́ва. *Ибо Римскій, гражданскій* и папежской духовный законЪ, что касается до внутренняго какого нибудь обязательства, не имѢютЪ ни какой силы, ни власти вЪ здѢшнемЪ государствѢ, и столько же не обязываютЪ насЪ вЪ *Англіи*, сколько и наши законы не обязываютЪ никого вЪ РимѢ. Поколику же и сіи чужестранныя пра́ва для нѢкоторой особливой ихЪ свойственности и приличія, вЪ нѢкоторыхЪ случаяхЪ и судищахЪ нашихЪ издревле приняты и закономЪ нашимЪ дозволены: то потолику оные и обязыва-

зывають насъ, а не болѣе. Вся ихъ обязывающая власть основана единственно на ономъ дозволенiи и принятiи ихъ, и въ такомъ нашемъ объ нихъ понятiи мы не будемъ казаться странными. Ибо и въ Голландiи, гдѣ Римскому праву наибольше учатся и по оному наибольше судятъ, увѣряетъ насъ Ванъ Ливенъ (Van Leuven), что и тамъ оное получило свою силу отъ обыкновенiя и согласiя народнаго, мысленно ли, или и словесно на то даннаго. Въ *противномъ случаѣ*, говоритъ онъ, мы бы не обязывались симъ закономъ столько, сколько не обязываемся и законами Нѣмцовъ, Франковъ, Саксонцовъ, Готѳовъ, Вандаловъ и другихъ народовъ древнихъ. По сей-то причинѣ во всѣхъ пунктахъ, коихъ разныя системы законоположенiй между собою не сходствуютъ, право отечественное заступаетъ мѣсто права Римскаго древняго, равномѣрно какъ и нынѣшняго Имперскаго и Папежскаго. Да и въ тѣхъ нашихъ Аглинскихъ судищахъ, въ коихъ Римской и Папежской законъ нѣсколь-

сколько приняты, естьли сіи законы или выдутъ за предѣлъ своего принятія и коснутся дѣлъ имъ не позволительныхъ; или естьли и самыя оныя судища учинятъ рѣшенія по симъ законамъ, противорѣчущія отечественнымъ: то въ обоихъ таковыхъ случаяхъ право отечественное можетъ оспорить, и часто оспориваетъ и уничтожаетъ ихъ судопроизводства такъ, что оныя судища не могутъ и оправдать себя доказываніемъ Королевскимъ судищамъ Вестминстерскимъ, что ихъ рѣшенія такъ учинены по наважденію законовъ Юстиніановыхъ и согласно съ законоположеніями Имперской Палаты, иначе называемой Рота (Rota). По сей причинѣ весьма нужно, для всякаго свѣтскаго и духовнаго законоискусника желающаго отправлять должность судейскую съ осторожностію и адвокатскую съ благоразуміемъ и похвалою, знать въ какихъ случаяхъ и сколько закономъ Аглинскимъ пріемлется Римскій законъ; въ какихъ пунктахъ послѣдній опровергается, и гдѣ они оба

смѣ-

смѣшавшись вмѣстѣ и дѣйствуя совокупно, составляютъ пополнительную часть обыкновеннаго закона Аглинскаго, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Королевскаго Морскаго, Королевскаго Военнаго и Королевскаго Церковнаго пра́ва. Надобность сего различенія въ законостеченіи нашемъ, Оксфордской Университетъ, больше нежели за сто лѣтъ, столь нужною предвидѣлъ, что и въ статутахъ своихъ Академическихъ предписалъ имѣть ежегодно одну изъ трехъ *задаваемыхъ* публичную рѣчь отъ законоучащихся, относительную къ обыкновенному Аглинскому закону, и оную для того учредилъ имѣть, что учащимся праву Римскому приличествуетъ обращаться въ правѣ отечественномъ и знать различіе пра́ва отечественнаго и иностраннаго. Да и въ статутахъ Камбриджскаго Университета то же самое подтверждается.

Изъ общеполезности и надобности познанія закона нашего природнаго заключеніе слѣдуетъ весьма приличественное настоящему учрежденію, пред-

пріемлемому вЪ такомЪ мѢстѢ, кЪ коему господа̀ всякаго чина и состоянія прибѢгаютЪ какЪ кЪ источнику всякаго полезнаго знанія. Но отЪ чего то произошло, что такое намѢреніе никогда прежде вЪ семЪ УниверситетѢ вЪ дѢйствіе произведено не было, и по какой причинѢ ученіе нашего природнаго закона повсемѢстно оставлено? Сіе теперь я приступаю предварительно изслѢдовать.

СаррЪ ДжонЪ Фортескю, вЪ своемЪ похвальномЪ словѢ о законахЪ Аглинскихъ, говоренномЪ вЪ царствованіе Генриха шестаго, здѢлалЪ весьма часто и натурально встрѢчающійся молодому Принцу запросЪ, коего онЪ склоняя кЪ законоученію, самЪ вопрошалЪ: „для чего закону Аглинскому, „столь изрядному, полезному и удоб„ному, не учатЪ вЪ УниверситетахЪ „такЪ, какЪ Римскому и Церковному Папежскому„? И вЪ отвѢтЪ на сіе самЪ же онЪ даетЪ и причину весьма (сЪ дозволенія его да будетЪ сказано)

сла-

слабую и не удовлетворительную, состоящую единственно въ томъ, что поколику „судопроизводства по обы-„чайному закону Аглинскому въ его „времена производимы были на трехъ „разныхъ языкахъ, на Аглинскомъ, „Латинскомъ и Французскомъ: того ра-„ди и наукѣ сего закона надлежало „быть преподаваемой на оныхъ же „трехъ языкахъ. Но какъ въ Универ-„ситетахъ тогда всѣ науки препода-„вались на одномъ только *Латинскомъ* „языкѣ: *то отъ* сего онъ и заклю-„чаетъ, что по тому нашимъ законопо-„ложеніямъ и учиться въ Британскихъ „Университетахъ не удобно было.„ Но не входя въ подробное изслѣдованіе важности сея причины, которая и малѣйшимъ понятіемъ о премудрости не давнѣшнихъ вашихъ къ сему мѣсту благоучрежденій, совсѣмъ испровергается, мы можетъ быть найдемъ лучшую, а по крайней мѣрѣ ближайшую и не такую, какую сей ученый Канцлеръ за благоразсудилъ дать своему Королевскому воспитаннику причину, для которой

ученіе нашего отечественнаго закона изгнано было изъ нашихъ училищъ Университетскихъ.

Оное древнее собраніе правилъ и обычаевъ писанію не преданныхъ, которое нынѣ у насъ обычайнымъ называется закономъ, какимъ бы то образомъ собрано ни было, и отъ каковаго бы начала ни происходило, продолжалось въ здѣшнемъ государствѣ со временъ даже и не памятуемыхъ; и хотя оное нѣсколько перемѣнилось и умалилось отъ наглости временъ, однакожъ выдержало даже и самыя варварскія поколебанія Нормандскаго завоеванія въ Англіи. Симъ своимъ устояніемъ оно здѣлалось еще пріятнѣйшимъ всему народу по тому, что его въ дѣлахъ рѣшенія всѣмъ уже были извѣстны, и само оно всѣми усмотрено наилучше принаровленнымъ къ склонности Аглинскаго народа. Въ знаніи сего обычайнаго закона заключалось по большей части все ученіе оныхъ не просвѣщенныхъ вѣковъ. Сіе право толковано

вано было, какъ утверждаетъ Г. Селденъ, въ монастыряхъ, въ Университетахъ и въ домахъ первоначальныхъ Вельможъ Аглинскихъ. Духовные люди, поколику тогда къ себѣ всѣ науки присвоили, на подобіе своихъ предшественниковъ Британскихъ Друидовъ, наибольше успѣвали въ ученіи сего стариннаго закона, и своимъ преуспѣваніемъ въ ономъ до того достигли, что вскорѣ послѣ завоеванія Вильгельма Малмсборгскаго и въ пословицу объ нихъ реченіе взошло „*тотъ и не духовный*, „*кто не приказный*„ (Nillus Clericus, nisi Causidicus) Въ слѣдствіе сего судьями производились тогда въ Англіи обыкновенно изъ чину священнаго, и точно такъ, какъ и при Нормандцахъ, и всѣ нижнія должности заступаемы были низшаго состоянія церковниками, отъ которыхъ и воспослѣдовавшіе свѣтскіе Секретари Аглинскіе прозваны и понынѣ Клерками, то есть, церковниками.

Но обычайный старинный законъ Аглинской, будучи не писанной, а толь-

ко живымъ голосомъ, употребленіемъ и практически преподаваемый, не нравился столько, сколько нашимъ, чужестраннымъ духовнымъ; которые въ царствованіе Вильгельма побѣдителя и его двухъ сыновей пришли изъ Нормандіи въ Англію цѣлыми стадами, и были вовсе не знающими нашего ни языка, ни закона. Подъ сей самый случай здѣлалось еще и приключеніе, которое и довершило почти всеконечное разрушеніе нашего древняго обычайнаго закона, а именно: списокъ Римскихъ Юстиніановыхъ правъ, называемыхъ Пандекты, будучи тогда не давно найденъ въ городѣ Италіанскомъ Амалфи, немедленно обратилъ всѣхъ вниманіе ко введенію Римскаго пра́ва по всѣмъ за́паднымъ государствамъ въ Эвропѣ, гдѣ не задолго предъ тѣмъ оное совсѣмъ опровержено и почти забвенію предано было, хотя нѣкоторые слѣды его власти обязующей оставались еще и тогда въ Италіи и въ восточныхъ провинціяхъ Имперіи Римской. Сему нововведенному праву наибольше пріятство-

ствовать начали духовные Паписты, которые изъ подлинника сего заняли, и планъ и правила многія для сочиненія своего Церковнаго или Каноническаго права. Ученіе Римскаго права духовными введено во многія училища въ чужихъ краяхъ, а особливо въ Бононскомъ Италіанскомъ Училищѣ, въ коемъ учащимся упражненія, лекціи и производства даваемы были точно такъ, какъ упражнявшимся и въ другихъ наукахъ. При семъ случаѣ и другія премногія государства во внутренности Эвропы, которыя тогда лишь только начали оправляться отъ разрушеній послѣдовавшихъ за разрушеніемъ Римской Имперіи, и установляться порядочными государствами, приняли также право Римское за основаніе во многихъ своихъ законоположеніяхъ, смѣшивая оное съ своимъ февдальнымъ обычайнымъ закономъ въ иныхъ мѣстахъ съ бо́льшею, а въ другихъ съ ме́ньшею онаго властію обязывающею.

Усилившееся такое обыкновеніе вскорѣ и въ Англію достигло. Ибо Ѳеобалдъ Норманд-

мандскій Архимандритъ, будучи избранъ Архіепископомъ Кантербургскимъ, и весьма пристрастенъ къ сему новому ученію, привезъ въ Англію многихъ законоучителей права Римскаго, въ коихъ числѣ былъ Роджеръ Вакарій, котораго онъ и опредѣлилъ въ Оксфордскомъ Университетѣ для преподаванія права Римскаго народу здѣшняго государства; но право Римское не столь удобно, какъ во внутренности Эвропы, принято было въ Англіи, гдѣ кроткой и благопримѣненной къ народу законъ чрезъ долгое время утвердился. И хотя монахи и у насъ предавшіеся во всемъ волѣ чужестраннаго Архипастыря Кантербургскаго приняли оное съ жадностію и ревностію: однако свѣтскіе, будучи больше интересованы въ соблюденіи стариннаго своего закона, и чувствуя притомъ еще прежнія худыя слѣдствія отъ многихъ Нормандскихъ въ законѣ перемѣнъ, упорно стояли въ не отмѣняемомъ употребленіи своего обычайнаго закона. Примѣтя сіе Король Аглинскій Стефанъ, не-

немедленно обнародовалЪ указЪ, запрещающій ученіе закона нововведеннаго изЪ Италіи, которое Королевское запрещеніе почтено было тогда монахами безбожнымЪ; и хотя оное могло нѣсколько воспрепятствовать введенію пра́ва Римскаго вЪ нашихЪ судопроизводствахЪ, однакожЪ не могло запретить монахамЪ читать и преподавать оное вЪ школахЪ и монастыряхЪ.

СЪ сего времени народЪ Аглинскій раздѣлился на двѣ партіи: Архіереи и церковники, будучи по большей части чужестранные, все свое упражненіе положили вЪ ученіи права̀ Римскаго и Каноническаго, которыя права̀ и понынѣ у насЪ остались смѣшенными не раздѣльно. НапротивЪ того Вельможи и свѣтскіе всѣ держались сЪ равномѣрною неуступчивостію стариннаго своего обычайнаго пра́ва. А какЪ свѣтскіе, такЪ и духовные сЪ обѣихЪ сторонЪ упорно и ревностно стоя́ли за то, чего сами не понимали, то

весь-

весьма уповательно, что и ни одна сторона изъ объихъ не отдавали ни одной системѣ правъ той настоящей цѣны, каковой довольно имѣлось и въ обѣихъ системахъ правъ. Сіе ясно доказывается съ одной стороны негодованіемъ съ каковымъ при всякомъ случаѣ монашескіе писатели поносили нашъ отечественный законъ; а съ другой и не преклоннымъ онымъ упорствомъ, каковое наши Вельможи довольно оказали въ бывшемъ тогда славномъ Парламентѣ Мертонскомъ, въ которомъ, когда Архиереи старались *исходатайствовать* Актъ Парламентскій на утвержденіе всѣхъ не законныхъ дѣтей законнорожденными, чрезъ воспослѣдовавшее родителей послѣ дѣтей супружество по закону Церковному, дѣлающему таковыхъ дѣтей законными; тогда всѣ Графы и Бароны, (какъ повѣствуется въ запискѣ сего Парламента), единогласно отвѣчали, „что они ни изъ чего не „отмѣнятъ въ томъ закона Аглинска„го, которой издревле былъ у нихъ „принятъ и утвержденъ.„ Подобноежъ

сему

сему упорство свѣтскихъ противъ закона Римскаго примѣчается усилившимся и по прошествіи цѣлаго вѣка послѣ сего, когда вельможи однажды въ парламентѣ почти съ пророческимъ духомъ объявили свое мнѣніе „что государство Аглинское никогда еще и до „сего времени не было, и нижѐ будетъ „когда либо по согласію нашего обладателя государя и нашихъ Лордовъ „Парламентскихъ управляемо закономъ „Римскимъ„. Такого упрямства происходившаго между духовными и свѣтскими Аглинскими въ разсужденіи сего законопріятія Римскаго премного можно бы привести и другихъ примѣровъ.

Въ продолженіи такихъ споровъ духовные видя, что не можно ужѐ имъ было искоренить обычаинаго отечественнаго закона Аглинскаго, на послѣдокъ мало помалу начали выходить изъ судищъ свѣсткихъ, и къ скорѣйшему ихъ удаленію изъ оныхъ въ царствованіе Генрика III. Архіерейскія

об-

обнародованны были узаконенія, запрещающія всѣмъ духовнымъ ходатайствовать адвокатами въ свѣтскихъ судищахъ, да не долго они продолжались и судьями въ оныхъ по той причинѣ, что не хотѣли при вступленіи въ такую должность присягою обязываться къ рѣшенію дѣлъ по закону и обычаю Аглинскому. Въ прочемъ они еще удержали за собою должность Канцлера, состоящую въ не большой Юридической власти, которую они по умножившимся на послѣдокъ дѣламъ здѣлали и судопроизводною по своему произволенію.

Но куда они не удалялись и куда только лишь власть ихъ достигнуть могла, они не оставили вводить за собою съ равномѣрною ревностію правилъ Римскаго права къ изъкорененію Аглинскаго закона. Сіе довольно явствуетъ изъ всѣхъ духовныхъ Аглинскихъ судищь различнаго наименованія, а особливо изъ учрежденій Канцлерскихъ въ обоихъ нашихъ Университетахъ

тахъ Камбриджскомъ и Оксфордскомъ, въ коихъ всѣхъ судопроизводства дѣлаются даже и по днесь сходственно съ Римскимъ закономъ: чему и причины иной нельзя положить, какъ токмо, что сіи судища всѣ изъ древле у насъ были подъ не посредственнымъ управленіемъ Папистовъ, у которыхъ за главное и набожнѣйшее пра́вило поставляемо было всегда изкоренять отечественный Аглинскій законъ. Папа *Инокентій IV.* всѣмъ церковникамъ въ *Англіи* даже и читать оный запретилъ, для того, что рѣшенія Аглинскаго закона не были основаны на Императорскихъ Римскихъ постановленіяхъ, а единственно на обыкновеніяхъ свѣтскаго народа Аглинскаго. И естьли принять въ разсужденіе токмо то, что наши Аглинскіе Университеты съ тѣхъ самыхъ временъ нынѣшное нача́ло и основаніе училищныхъ учрежденій воспріяли, и что оныя училища по тогдашнему установленію продолжались даже и до премѣненія нашей вѣры въ протестатиское исповѣ-

данiе единственно подъ предуправленiемъ Папежскихъ духовныхъ, послѣ которыхъ Сарръ Джонъ Меснъ будучи первый протестантъ былъ также и первой изъ свѣтскихъ Канцлеръ въ Университетѣ Оксфордскомъ; то изъ сего намъ нетрудно будетъ сыскать причину, для чего ученiе Римскаго закона почиталось въ оныя времена столь суевѣрнымъ и продолжаемо было въ сихъ училищахъ съ чрезвычайною ревностiю, и для чего обычайной законъ Аглинской во́все тогда пренебреженъ и почитался не инако, какъ еретическимъ.

По воспослѣдовавшей же перемѣнѣ въ Англiи Папежской вѣры въ протестанское исповѣданiе, многiя причины содѣйствовали къ недопущенiю ѳбычайнаго Аглинскаго закона быть Академическимъ воспитанiемъ. И вопервыхъ долговременное и повсемѣстно принятое обыкновенiе, которое какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, такъ наипаче въ училищныхъ упражненiяхъ дѣлаетъ ве-

великое наважденіе и преимущество. Во вторыхъ было тому причиною дѣйствительное превосходство въ справедливости Римскаго закона довольно извѣстное тогдашнымъ наставникамъ юношества, и сихъ крайнее неразумѣніе обычайнаго Аглинскаго закона, который хотя и ничемъ не хуже былъ Римскаго, а можетъ быть еще могъ бы имъ служить и пополненіемъ къ оному. Но главнѣйшею изъ всѣхъ причиною въ недопущеніи Аглинскаго закона до публичныхъ училищъ было то, что ученіе обычайнаго Аглинскаго закона будучи изгнанно изъ публичныхъ училищъ во время Папежства, совсѣмъ съ пути своего совратилось и преподаваемо было въ неприличественныхъ ему мѣстахъ. Однакожъ какъ сіе долговременное обыкновеніе и незнаніе обычайнаго закона Аглинскаго нынѣ ужѐ почитается несправедливымъ и предосудительнымъ, и какъ ужѐ по предпріятымъ мѣрамъ настоящее достоинство нашего закона отъ часу больше становится всѣмъ извѣстно, того ради мы

можемъ надѣяться, что и порядокъ ученія нашего закона скоро обратится на свой прежній путь и основанія сей наукѣ вскорѣ положены будутъ по крайней мѣрѣ въ двухъ нашихъ Университетахъ Камбриджскомъ и Оксфордскомъ, не будучи ужѐ, какъ прежде заключено въ однихъ мѣстахъ тѣхъ, въ коихъ оно съ нача́ла было, и о которыхъ пространнѣе будетъ сказано въ слѣдующемъ.

Ибо ученіе отечественнаго закона Аглинскаго будучи отъ Папежскихъ духовныхъ во́все оставленно, выключая не многихъ оставленію его противящихся, практическое и стряпческое онаго употребленіе по теченію дѣлъ совсѣмъ досталось свѣтскимъ, которые съ своей стороны имѣли наивеличайшее отвращеніе къ Римскому закону, и не стыдились публично оказывать своего къ оному презрѣнія и незнанія. Но, поелику еще и тогда перевѣсъ ученія былъ большій на сторону духовныхъ и поелику обычайной законъ Аглинской не

не былъ порядочно и тогда преподаваемъ, какъ и прежде ни въ которой части здѣшняго государства; по симъ причинамъ оному необходимо слѣдовало быть подверженну великимъ неудобствамъ, отъ которыхъ могъ бы онъ напослѣдокъ и совсѣмъ въ упадокъ пріити и испроверженнымъ быть отъ Римскаго закона, чему уже и подозрѣнія не малыя были отъ частыхъ подложныхъ выписокъ изъ Юстиніановыхъ законовъ довольно запримѣченныхъ въ Брактонѣ и въ Флетѣ; естьлибы на ту самую опасность не открылось другое приключеніе, которое премного вспомоществовало къ подкрѣпленію упадающаго нашего отечественнаго закона.

Сіе приключеніе въ томъ состояло, что подъ тотъ самый случай учрежденіе послѣдовало судища на единомъ мѣстѣ для обыкновенныхъ судопроизводствъ и главнѣйшаго для распрь Папежскихъ. Сіе судище сдѣлано было не преносимымъ съ мѣста на мѣсто

для доставленія правосудія всему государству. Въ древнія времена сіе судище совокупно со всѣми другими судебными мѣстами учреждено было при Королевскомъ дворѣ, и слѣдовало за Королевскою особою куда только его походъ бывалъ. Отъ частаго сего судища съ мѣста на мѣсто пренесенія послѣдовала великая неудобность для челобитчиковъ, для отвращенія которой здѣлано было законоположеніе въ великой картѣ Британской при Короляхъ *Іоаннѣ* и *Генрикѣ III.* чтобъ „
„ всѣ обыкновенныя судопроизводства се-
„ го судища не слѣдовали за Королевскимъ
„ дворомъ, но были бы отправляемы
„ въ одномъ не премѣняемомъ мѣстѣ. „
Въ слѣдствіе такого законоположенія сіе судище, выключая только его нужныя пренесенія во время язвы, навсегда осталось неподвижнымъ въ Вестъ-Минестерѣ. При семъ судищѣ собрались многіе учители практическіе отечественнаго закона, которые прежде были разсѣяны по всему государству и напослѣдокъ соединились и составили

одно

одно общество изъ такихъ мужей, которые какъ Спелманъ примѣчаетъ, пристрастившись единственно къ ученію закона отечественнаго и почитая ужѐ сію науку не забавою, а гораздо важнѣйшею для отечества, вскорѣ привели отечественный законъ въ такое совершенство, къ какому они почти внезапно достигли подъ высочайшимъ покровительствомъ нашего Аглинскаго Юстиніана Короля Эдуарда перваго.

Соединившись въ такое щастливое общество они завели у себя ученый порядокъ, и будучи изключены изъ Оксфордскаго и Камбриджскаго Университетовъ за нужное почли учредить свой новый Университетъ, который они и завели искупивши на оный нѣкоторыя приватныя домы нынѣ называемые Канцелярскими и судебными училищами близъ Вестъ-Минстеря, Королевскихъ судищъ и близъ города Лондона, какъ въ такихъ мѣстахъ, изъ коихъ первыя весьма выгодны для приходящихъ, а другія изобильны всѣми нуж-

ными припасами. ВЪ сихЪ училищахЪ учащимся упражненія задаваемы были, лекціи читаны, и чины успѣвшимЪ вЪ законѣ АглинскомЪ даваемы были такіе, каковые получали упражняющіеся при УниверситетахЪ вЪ законѣ РимскомЪ, гражданскомЪ и церковномЪ.

Сіе младенчествующее училище Аглинскаго закона Короли вскорѣ приняли вЪ свое покровительство и для дѣйствительнаго ему преуспѣванія ГенрикЪ III. вЪ девятнатцатомЪ году своего царствованія наслалЪ указЪ *Лорду Меру* и ШерифамЪ *Лондона* повелѣвающій, чтобЪ ни одинЪ изЪ школьныхЪ учителей вЪ *Лондонѣ* не дерзалЪ впредь обучать закону. Употребленное слово вЪ семЪ указѣ законЪ *или полатински leges* будучи весьма обширнаго знаменованія по прошествіи толикихЪ временЪ произвело нѣкоторыя сомнѣнія вЪ томЪ, что Римскому ли токмо закону или Аглинскому и обоимЪ вмѣстѣ запрещаемо было тѣмЪ указомЪ учить. Но разность вЪ обоихЪ сихЪ сомнѣ-

ніяхЪ,

ніяхъ, какая бы ни была, клонится къ одному намѣренію. Ибо, естьли тѣмъ указомъ запрещенно было ученіе только Римскаго закона, какъ то думаетъ господинъ Селденъ, то изъ сего слѣдуетъ отмщеніе на духовныхъ, которые изключили отечественный Аглинскій законъ изъ своихъ училищъ. Естьли же онымъ указомъ запрещенно было учить и Аглинскому закону, какъ то Саръ Эдуардъ Кокъ разумѣетъ, то изъ сего явственно слѣдуетъ то, что запрещеніе насланное приватнымъ учителямъ внутри го́рода клонилось къ собранію всѣхъ законоискусниковъ въ одно публичное училище новоучрежденное для наученія закону отечественному Аглинскому.

Въ семъ юридическомъ Университетѣ, каковымъ его упорно называютъ Фортескю и Саръ Эдуардъ Кокъ, имѣются *два училища*; одно называемое *училищемъ канцелярскимъ*, въ коемъ младшіе студенты записываются „ „ для наученія, какъ Фортескю утвержда-

„ ждаетъ однимъ токмо началамъ Аглин„ скаго закона, въ которомъ первона„ чальномъ ученіи какъ они довольно „ успѣвшими окажутся, то произво„ дятъ ихъ и въ другое вышшее *учи„ лище* называемое *училищемъ судебнымъ*. И въ сихъ то обѣихъ училищахъ, говоритъ Фортескю, записывались Кавалерскіе, Баронскіе и Вельможскіе дѣти изо всей Великобританіи, хотя впрочемъ ихъ родители и не желали имъ совершенными въономъ быть законоискусниками и получать искусствомъ онаго себѣ пропитаніе. Число учащихся въ обоихъ сихъ училищахъ во времена Фортескю простиралось до двухъ тысячь, изъ коихъ всѣ, какъ онъ увѣряетъ, были дѣти благородныхъ, или благоурожденные, по латински называвшіеся filii nobilium, а по Аглински gentlemen born.

Изъ сего довольно видно, что хотя при Папежскихъ монахахъ наши Университеты и пренебрегали ученіе отечественнаго закона; однакожъ при Ген-

Генрикѣ шестомъ оное почиталось весьма нужнымъ, и обыкновенiе тогда ужѐ повсемѣстнымъ здѣлалось для юношей благородныхъ учиться по крайней мѣрѣ хотя краткимъ началамъ Алинскаго закона. На послѣдокъ сiе обыкновенiе на́чало выходить изъ употребленiя, такъ, что въ царствованiе Королевы Елисаветы, Сарръ Эдуардъ Кокъ, въ обоихъ сихъ училищахъ неболѣе тысячи щитаетъ бывшихъ Студентовъ, коихъ теперь число еще и несравненно меньше убавилось. Причины упаденiя сихъ училищь по видимому были слѣдующiя: во первыхъ нижшее училище канцелярное здѣлалось нынѣ столь наполненнымъ учащимися низкаго состоянiя, что для благороднаго юношества оное теперь представляется и невыгоднымъ и и не приличественнымъ. Почему нынѣ весьма рѣдкiе и записываются въ нижшее училище канцелярное. Во вторыхъ: и вышшее училище судебное здѣлалось ужѐ столь недостаточнымъ въ присмотрѣ за поступка-

ками учащихся и въ соблюденіи ихъ благонравія, что благопристойности нынѣ здѣсь никакой почти не наблюдается; къ сему же и третія тому причина есть не малая, что нынѣ знатныхъ и достаточныхъ Агличанъ дѣти, совершивши свое Академическое воспитаніе при университетахъ, не имѣютъ ужѐ ни времени ни отважности довольной для вступленія въ новое ученіе и при другомъ мѣстѣ. Для сихъ причинъ весьма не многіе въ сіи училища записываются нынѣ изъ благородныхъ, а обучаются въ оныхъ по большей части такіе, для которыхъ употребленіе Аглинскаго закона стряпческое и практическое необходимо нужно. Прочіе же изъ нашихъ Аглинскихъ дворянъ и вельможъ обыкновенно удаляются отъ сихъ училищъ или въ свои вотчины, или въ чужіе краи странствовать, или вступаютъ и въ должности государственнія безъ всякаго наученія своему отечественому закону, а притомъ и безъ всякаго способу къ наученію себя оному покуда имъ онаго доставлено

но не будетъ въ сихъ училищахъ университетскихъ.

А что сіи мѣста̀ наиспособнѣйшія для доставленія всякому дворянству всяческаго законознанія, сего я думаю, никто испровергнуть не можетъ. Ибо ни единое изъ возраженій взносимыхъ на училища канцелярскія и судебныя, не можетъ опорочить Университетовъ. Благородные здѣсь могутъ учиться съ благородными и знакомиться съ равными себѣ въ родѣ и достоинствѣ, нижѐ притомъ ихъ и поведенія при ученіи здѣшнемъ во все имъ на волю отданы; но предуправляются съ порядкомъ столь благоразумнымъ и точнымъ, а притомъ столько же свободнымъ, мужественнымъ, и для всякаго столь чувствительнымъ, что учащихся къ правиламъ онаго благопримѣненіе, приносящее толикую честь нынѣшнему здѣшнему юношеству, дѣлается нестолько по принужденію, сколько по ихъ къ оному собственной склонности и произволенію. Да и обучающіеся здѣсь не

не могутъ на долго отвлечены быть отъ своихъ приватныхъ дѣлъ, забавъ и принесенія услугъ своихъ пріятелямъ и отечеству. Словомъ, сіе отечественнаго закона ученіе можетъ здѣсь совокупно съ другими упражненіями продолжаться и ни какому изъ благородныхъ упражненіи не препятствовать, а паче еще можетъ онымъ всѣмъ вспомоществовать и украшеніемъ быть.

При всемъ томъ естьли и еще есть такіе люди, зараженные монашескими древними предразсудками, которые могутъ сомнѣваться о приличественности и заведеніи сего ученія Академическимъ; то таковыхъ можно почесть или непонимающими вовсе основаній Университетскихъ, или весьма подло мыслящими объ Университетахъ. Жалости достойною почесть должно такую малость ума въ человѣкѣ, которой бы Университетскія училища желалъ ограничить къ двумъ только или не многимъ наукамъ. Слава Богу и нынѣшнему вѣку! что въ наши

вре-

времена откровеннѣе и благороднѣе вездѣ мыслятъ обо всемъ. Заведеніе разныхъ упражненій хотя впрочемъ и не столько до изощренія душевныхъ, сколько до тѣлесныхъ качествъ принадлежащее, почтено было сперьва нашимъ премудрымъ и усерднѣйшимъ благотворителемъ Лордомъ Клaрендономъ, и весьма недавно признано оное даже и отъ всего здѣшняго Университета не малымъ совершеніемъ древняго нашего порядка въ воспитаніи. Почему теперь я могу свободно утверждать, что нѣтъ уже у насъ ничего такого, даже и необыкновеннымъ прежде почитавшагося, которому бы здѣсь подъ благоразумнымъ управленіемъ благородное юношество учиться не могло. Но чтобъ при всемъ томъ наука, различающая правду съ неправдою, научающая утверждать истинну, и искоренять несправедливость, изощряющая практически наиблагороднѣйшія качества душевныя въ главнѣйшихъ добродѣтеляхъ; наука по своей обширности и употребленію всѣхъ обемлющая, и къ каждому въ об-

обществѣ благопримѣнительна; чтобы такая, говорю, наука почиталась когда нибудь не нужною для преподаванія въ Университетахъ, сіе крайняго достойно удивленія и сожалѣнія. Естьли оная прежде не была Академическою наукою, то безъ сомнѣнія и давно бы ей уже надлежало быть Академическою. Да и сомнѣвающимся о приличіи заведенія оныя у насъ, мы можемъ отвѣтствовать, что и по ихъ мнѣнію Этика или Нравоучительная Философія, есть часть Академическаго воспитанія, и Аристотель самъ говоря о законѣ своемъ отечественномъ утверждаетъ, что Юриспруденція или законознаніе есть главнѣйшая и наисовершеннѣйшая часть Этики.

Господинъ Вайнеръ щедрый нашъ благотворитель будучи довольно о истиннѣ сего увѣренъ, пятдесятъ лѣтъ употребилъ на собираніе отечественныхъ законовъ для изложенія системы правъ, и для учрежденія по оной ученія способнѣйшимъ; и собранное

ное имъ столь общеполезное намѣреніе къ исполненію препоручилъ премудрости своего отечественнаго Университета. Въ такомъ предпріятіи вознамѣрившись посвятить свои ученые труды на пользу грядущихъ потомковъ и на всегдашнюю услугу своему отечеству, онъ довольно предвидѣлъ, что лучше своего намѣренія въ дѣйство произвесть не могъ инако, какъ доставленіемъ юношеству сего мѣста въ законоученіи такихъ вспомоществованій, про которыя онъ самъ столь довольно зналъ, и о которыхъ недостаткѣ столь сердечно соболѣзновалъ. Благодарное признаніе, оставшееся на всегда въ памяти Университета къ сему наивеличайшему и преполезному благодѣянію, безъ сомнѣнія доказывается великимъ изъ принятія онаго съ достодолжнымъ уваженіемъ, изъ произведенія онаго въ дѣйствіе съ безпримѣрною ревностію, а паче всего изъ сочиненныхъ на то особливыхъ опредѣленій и постановленій, которыми сей Университетъ дѣйствительно сохра-

нилъ оное отъ небреженія и злоупотребленія, каковымъ обыкновенно такія новоначинающіяся учрежденія бывають подвержены. Мы видѣли при семъ оказанную всеобщую ревность къ тому, кто бы наилучше разумѣлъ или бы вѣрнѣйше всѣхъ исполнить могъ намѣренія нашего толикаго благодѣтеля? И къ не сказанному нашему удовольствію мы можемъ здѣсь припомнить, что подъ тотъ самый случай отличившіеся наиболыше своими качествами, достаткомъ, состояніемъ, ученіемъ и упражненіями явились мужи исполненные ревности къ произведенію съ успѣхомъ ученія новоучрежденнаго Господиномъ Вайнеромъ.

Ожидаемая изъ самыхъ законовъ польза наукѣ, естьли къ оной поболѣе старанія приложено будетъ въ сихъ училищахъ, можетъ послѣдовать весьма великая. Ибо безмолвное житіе въ сихъ нашихъ уединеніяхъ, и довольныя къ тому дарованія, могутъ доставить ученымъ мужамъ новые способы

и лучшія расположенія къ совершенію сея науки, къ сокращенію въ ней излишняго и къ согласованію въ оной такихъ противорѣчій, каковыя по долговременному употребленію необходимо дѣлаются во всякой системѣ человѣческой. Такое дѣло едва могутъ принять на себя другіе мужи чрезмѣрными занятые дѣлами и отправляющіе трудныя должности другія. А что касается до пользы и славы могущей послѣдовать изъ сея науки самымъ Университетамъ, то я могу свободно утверждать, что какъ скоро сіе ученіе здѣсь или въ Ка́мбриджѣ хотя въ нѣкоторой порядокъ и совершенство приведено будетъ; то благородное юношество конечно не укоснитъ своимъ стеченіемъ изо всего государства къ обоимъ симъ училищамъ, и лучшее возъимѣютъ мнѣніе всѣ объ Академическомъ воспитаніи. При семъ также не малой важности для Университетовъ поставлять должно и то, что, когда мы толико распространяемъ ученія Университетскія, и оныхъ распростране-

 ніемъ

ніемъ присоединяемъ въ свои философическія огражденія множество новыхъ сограждан; то чрезъ сіе мы воспользуемся весьма многолюднымъ и наисильнѣйшимъ ученіемъ къ сохраненію нашихъ правъ и доходовъ.

Помѣшать намъ въ такомъ предпріятіи никто не можетъ: ибо я то почитаю ужѐ безспорнымъ, что и тѣ сами, кои прежде записывались въ училища канцелярскія и судебныя, для сисканія стряпческаго законознанія, за удобнѣйшее почтутъ воспріять у насъ начальныя основанія и своей наукѣ такъ, какъ у насъ преподаются и всякой другой наукѣ въ ученыхъ Университетахъ. И въ семъ мы можемъ сослаться на всякаго благоразумнаго законоискусника стряпческаго, и докажемъ не оспоримо, что нѣтъ опаснѣе и отвратительнѣе обыкновеннаго вступленія въ ученіе приказное по старинному записыванію дѣтей въ приказныя училища. Не приуготовленное и не искушенное въ жизни юношество на самомъ опаснѣй-

снѣйшемъ возрастѣ лѣтъ допущается вдругъ ко всѣмъ прелестямъ и забавамъ свѣтскимъ безъ всякаго присмотру и предуправленія публичнаго. Въ предпріятомъ такимъ образомъ ученіи оно стремится произвольнымъ путемъ и съ истиннаго совращается, не имѣя за собой ниже приватнаго вспомоществованія къ облегченію своихъ бѣдъ и затрудненій, каковыя всегта окружаютъ начинающаго учиться юношу, который въ такомъ положеніи надѣется удалить себя отъ свѣта и въ удаленіи отъ онаго долговременномъ и скучномъ уповаетъ снискать себѣ теорію и систему законовъ изъ громады бумагъ и не предрасположеннаго ученія, или еще и другимъ не сравненно хуждшимъ образомъ: то есть единственнымъ переписываніемъ дѣлъ приказныхъ силится пріуготовить себѣ теорію и практику довольную для хожденія за дѣлами. И такъ не должно и удивляться тому, что многіе у насъ издревле происходили жалобы отъ таковыхъ учащихся на неудачные ихъ

успѣхи въ законоискусствѣ. Ибо многіе даже и остроумнѣйшіе изъ нихъ почувствовавъ усталость отъ толь трудныхъ и безпорядочныхъ прохожденій въ законѣ напослѣдокъ предались забавамъ и другимъ легчайшимъ упражненіямъ, когда напротивъ симъ другіе посредственнаго понятія при самомъ даже и вступленіи въ такое законоученіе помѣшались и помраченными и изможденными остались въ не разумѣніи закона до скончанія жизни (*).

Изъ

(*) Сарръ Генрикъ Спельманъ въ своемъ предисловіи на толкованіе закона оставилъ намъ весьма живое описаніе своего мучительнаго претерпѣванія въ затрудненіи онаго слѣдующими словами. „Послала, говоритъ, меня мать въ „Лондонъ для наученія закону нашему отече„ственному, въ котораго училище лишь толь„ко я вступилъ, то и встрѣтили меня языкъ „онаго столь странной и невразумительной, „нарѣчіе столь варварское, расположеніе столь „нестройное, и огромность столь безмѣрная „и неудобь носимая; что истинно я не зналъ, „что мнѣ и дѣлать было съ такимъ законо„ученіемъ. „ Emisit me mater Londinum iuris capessendi gratia; cuius cum vestibulum salutassem reperissemque linguam peregrinam, dialectum barbaram, metho-

Изъ явной надобности потребнаго вспомоществованія при началѣ законознанія родилась у насъ и приказная практика, которая, естьли бы когда нибудь здѣлалась всеобщею, произвела бы наивреднѣйшія слѣдствія. Чрезъ сію практику я разумѣю обыкновеніе отъ нѣкоторыхъ столь безразсудно похваляемое, чтобъ не давать никакого ученаго приказнымъ людямъ воспитанія аки бы совсѣмъ ненужнаго и безполезнаго для нихъ, и чтобъ вмѣсто воспитанія отсылать ихъ прямо къ Секретарямъ и повытчикамъ для наученія тамъ заранее всей глубинѣ премудрости приказной практически. Не многіе изъ примѣрныхъ партикулярныхъ были и заподлинно у насъ такіе, которые преодолѣвъ и сей трудный порядокъ законоученія прославились по своему законоискусству первыми въ судищахъ, и своимъ примѣромъ подали поводъ къ практическому приказному воспитанію, къ коему многихъ непро-

 зор-

methodum inconcinnam, molem non ingentem ſolum ſed perpetuis humeris ſuſtinendam, excedit mihi, fateor, animus, etc.

зорливыхъ родителей склонили посылать дѣтей. Изъ таковыхъ нѣкоторые и поднесь отдаютъ прямо дѣтей въ приказы, не разсуждая при томъ, что есть нѣкоторые умы, рожденные къ преодолѣнію и всѣхъ затрудненій, изъ которыхъ однакожъ, какъ весьма не многихъ примѣровъ, не можно всеобщаго заключенія здѣлать обо всѣхъ; и не примѣчая къ томужъ, что нынѣ и тѣ сами высокіе приказные практическіе умы своимъ дѣтямъ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ часто совѣтуютъ и даютъ основаніе въ законоученіи совокупно съ порядочнымъ Академическимъ воспитаніемъ. Сверьхъ сего я бы могъ таковыхъ не правомыслящихъ глазами уперешь на мужей нынѣ предсѣдательствующихъ въ нашихъ главнѣйшихъ Юстицкихъ судищахъ, и сихъ примѣромъ изобличить ихъ заблужденіе и доказать превосходство ученаго законовоспитанія предъ воспитаніемъ приказнымъ. Но о семъ всѣ слышащіе и вѣдущіе не дозволяютъ мнѣ больше своего распространять слова.

И такЪ уступивЪ не многимЪ преуспѢвшимЪ вЪ законознанiи и однимЪ приказнымЪ воспитанiемЪ, и отдавЪ таковымЪ изЪятiямЪ должную справедливость, самымЪ опытомЪ докажемЪ, что закониоискусникЪ по вышесказанному воспитуемый при СекретаряхЪ и повытчикахЪ почувствуетЪ изЪ самаго нача́ла свою вЪ ученiи ошибку. Ибо, естьли у него все намѢренiе заключается вЪ томЪ единственно, чтобЪ научиться практикѢ приказной, то практика одна составлять будетЪ всю его и науку, кЪ какой только онЪ достигнуть можетЪ. Но естьли не будетЪ онЪ знать первыхЪ нача́лЪ и главнѢйшихЪ причинЪ закона, на которыхЪ пра́вила его практики должны быть основаны; тогда и малѢйшая перемѢна вЪ предыдущемЪ законоположенiи замучитЪ и вЪ недоумѢнiе приведетЪ его. *ТакЪ законЪ гласитЪ*, останется только и разсужденiя у него о семЪ, и онЪ никогда не можетЪ надѢяться достигнуть до такого знанiя, по которому бы онЪ могЪ разумѢть и здѢ-

здѣлать доказательства выведенныя изъ самаго существа законовъ и естественнаго основанія истинны.

Но только ли, что сіи изъ приказнаго законоученія бываютъ слѣдствія? Никакъ, изъ онаго слѣдуютъ еще и вреднѣйшія. Ибо какъ весьма не многіе изъ благородныхъ, достаточныхъ и ученыхъ пожелаютъ подвергнуть себя такой каторгѣ въ списываніи огромныхъ вздоровъ приказныхъ; то изъ сего натурально слѣдуетъ, что мы, когда одно *приказное воспитаніе* въ законознаніи хотя малѣйше усилится, не увидимъ въ судищахъ нашихъ ни единаго благороднаго, ни ученаго Судьи и Адвоката. И что тогда послѣдовать должно, когда все толкованіе и утвержденіе закона, отъ коихъ расположеніе нашего имѣнія, нашей вольности и жизни зависитъ, совсѣмъ останется въ рукахъ подлыхъ и неученыхъ людей?

Описанныя здѣсь неудобства и вредныя слѣдствія приказнаго воспитанія дѣй-

дѣйствительнѣе не могутъ быть отвращены инако, какъ токмо учрежденіемъ воспитанія Академическаго предварительнымъ ученію закона отечественнаго, и учиненіемъ притомъ законоученія отечественнаго нарочитымъ воспитаніемъ при Университетахъ. Ибо науки имѣютъ между собою взаимной союзъ, и процвѣтаютъ наибольше въ смѣжности себѣ сопредѣльной; да и нѣтъ такого ученія, котораго бы совершенію не могли способствовать другія искусства и художества. И потому, естьли законоучащійся у насъ навыкнетъ разумѣть и чувствовать изрядной стиль чтеніемъ и подражаніемъ наилучшимъ писателямъ историческимъ и риторскимъ; естьли онъ научится здраво разсуждать и различать истинныя доказательства отъ ложныхъ по пра́виламъ прямой и чистой несофистической Логики; естьли онъ довольно утвердитъ свой разумъ въ изысканіи и извлеченіи истиинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ доводовъ употребленіемъ математическихъ доказательствъ;

тельствѣ; естьли онъ получитъ пространныя понятія о производимыхъ въ свѣтѣ естествомъ и искуствомъ вещахъ посредствомъ теоретической и экспериментальнойфизики; естьли онъ довольно въ памяти затвердитъ пра́вила естественнаго закона, служащія наивѣрнѣйшимъ основаніемъ закону человѣческому; и напослѣдокъ естьли сіи пра́вила подробно разсмотритъ употребленными практически въ системѣ Римскихъ правъ: сіе все или и части онаго нѣкоторыя, хотя впрочемъ и всему легко можно научиться подъ предводительствомъ искусныхъ здѣсь наставниковъ, естьли благополучно онъ окончитъ; то всякой изъ учащихся такимъ образомъ пріуготованный можетъ приступить тогда къ законоученію отечественному съ несказаннымъ успѣхомъ и похвалою. И естьли онъ при окончаніи или и въ продолженіи вышесказанныхъ наукъ употребитъ годъ или и два здѣсь на положеніе себѣ основанія учебнымъ порядкомъ въ законоученіи отечественномъ, не спѣша вступу-

вступать въ приказную онаго практику, которой вдругъ совершенно научиться не можно; то по окончаніи сего послѣдняго труда, онъ съ превеликою удобностію можетъ приступать къ своему дѣлу, и въ ономъ разбирать наитруднѣйшія статьи весьма скоро и ясно.

Я не хочу сего больше доказывать другими побужденіями, каковыя можно бы вывесть изъ наблюденія въ семъ случаи экономіи, и употребить оныя для нѣкоторыхъ токмо обстоятельствъ: мое разсужденіе о семъ должно быть всеобщее и относительное ко всѣмъ желающимъ и могущимъ учиться здѣсь нашему отечественному закону; и для того въ пополненіе къ вышеописаннымъ качествамъ разума я долженъ прибавить еще качества и добраго сердца: каковыми суть всеподданнѣйшее усердіе къ своему Государю, ревность къ отечеству, наблюденіе сущія чести и вѣры христіянскія. Сіи качества столько же нужны, сколько и первыя

для

для составленія такого совершеннаго законоискусника Аглинскаго, каковыми у насъ прославились Гайдъ, Гель, и Талботъ. Впрочемъ не взирая на всѣ взносимыя на насъ отъ нѣкоторыхъ по невѣдѣнію, а отъ другихъ и по неблагопріятству упреканія, мы можемъ опытомъ доказать, что сіи качества усердія къ Государю и отечеству, наблюденія чести и вѣры нигдѣ столько не совершаются, какъ въ сихъ двухъ Камбриджскомъ и Оксфордскомъ Университетахъ.

Въ заключеніе моего о семъ разсужденія можетъ статься Слушатели вы ожидаете, чтобъ я вамъ предложилъ и краткое описаніе порядка, по которому я намѣренъ поступать въ исполненіи возложенныя вами на меня довѣренности, и въ сихъ-то публичныхъ чтеніяхъ, я уповаю наилучше удовлетворить намѣренію нашего благодѣтеля и ожиданію сего ученаго собранія, естьли я начну изъяснять повременно такія отборныя главы закона,

на, которыя всѣхъ удобнѣе разумѣть, и гисторическими и критическими примѣчаніями изъяснить можно. Но къ преподаванію всего ученія моему, старанію препорученнаго, не сравненно лучшій порядокъ будетъ потребенъ, и пока лучшій откроется, я буду послѣдовать и тому, каковъ я ужѐ на разсмотрѣніе публикѣ издалъ. (*) И такъ для пополненія и совершенія точнаго предписанныхъ въ изданномъ порядкѣ начертаній, и для пріуготовленія разума учащихся къ понятію Юридическихъ и приказныхъ словъ, я употреблю мое первое и ревностнѣйшее стараніе. При чемъ съ дозволенія

 вашего

(*) Чрезъ сіе Г. Блакстонъ разумѣетъ свою изданную прежде книжку. An Analysis of the laws of England. *То есть, краткія наставленія Аглинскихъ законовъ.* Сея книжки въ его Комментаріяхъ не имѣется, а печатается оная особо, и въ ней содержится одно токмо раздѣленіе Аглинскихъ правъ по главамъ и статьямъ, на которыя онъ послѣ свои толкованія писалъ, и оныя учебными лекціями преподавалъ студентамъ, по прочтеніи сперьва краткихъ наставленій имъ.

вашего потщуся предварительно и кратко описать то, что больше къ должности Академическаго толкователя законовъ принадлежитъ.

Такой толкователь законовъ долженъ имѣть всю свою систему правъ, здѣланную на подобіе Географической генеральной карты, представляющей вообще все государство съ ея смѣжными предѣлами, главнѣйшими раздѣленіями и городами. Въ семъ ему не должно описывать подробно прикосновенныхъ предѣловъ и не *ставить* всякую крестьянскую избу подъ точнымъ градусомъ широты и долготы, но все его описаніе, на подобіе учащихся по системѣ Фортескю въ канцелярскихъ училищахъ, должно быть занятымъ въ изслѣдованіи самыхъ первѣйшихъ и главнѣйшихъ началъ законовъ. Ибо и по Юстиніанову примѣчанію, естьли слабая память начинающаго учиться закону юношества будетъ обременена сперьва множествомъ различныхъ и трудныхъ законознаній; то оное послѣ при-

принуждено будетъ или отстать отъ такого ученія, или и проходить оное съ великимъ трудомъ, медлительностію и отчаяніемъ успѣховъ. Такія главнѣйшія начала нашего закона должно показывать и выводить сколь можно изъ самыхъ ихъ источниковъ, то есть: изъ самыхъ нравовъ и обыкновеній старинныхъ нашихъ Британцовъ, Германцовъ, описанныхъ Юліемъ Цесаремъ и Тацитомъ; изъ разныхъ изложеній правъ сѣверныхъ народовъ; а наипаче изъ изложеній бывшихъ у насъ Саксонскихъ Государей; изъ пра́вилъ Римскаго права, оставшагося здѣсь со временъ Папиніана, и пріумноженнаго Вакаріемъ и ему послѣдовавшими предшественниками. Но преимущественно предъ всѣми оныя нача́ла выводить должно изъ онаго неизчерпаемаго источника древностей законовъ, то есть, изъ права Февдальнаго, иначе Спельманомъ называемаго правомъ народнымъ въ нашей западной странѣ. Сіи закононачальныя пра́вила и главнѣйшія основанія нашего закона должно сносить и сравнивать съ пра́-

 вила-

вилами естественнаго закона и съ употребленіями онаго въ другихъ государствахъ. Сверьхъ сего оныя должно толковать съ показаніемъ ихъ причинъ, изъяснять примѣрами и утверждать доказательствомъ сомнѣнію неподверженнымъ. При чемъ также Исторію сихъ первоначальныхъ законовъ надобно выводить вѣрно, перемѣны ихъ примѣчать и показывать учащимся, сколько оныя и въ которое время связуемы съ употребленіями здѣшняго государства, и сколько отъ оныхъ были наваждаемы.

Таковаго существа порядокъ и расположеніе въ предпріемлемомъ нами ученіи, естьли будетъ исполнено съ тщаніемъ и довольными къ тому дарованіями; то безъ сомнѣнія доставитъ наиполезнѣйшее и благоразумнѣйшее упражненіе всѣмъ и всякаго состоянія учащимся. Но при всемъ томъ долженъ я сказать, что ученіе законовъ, не можетъ быть составляющимъ одну токмо забаву: ибо по примѣчанію въ подобномъ моему случаѣ благоразумнаго

о семъ писателя Доктора Тейлора учащіеся весьма обманутся въ томъ, естьли они безъ крайняго вниманія къ оному будутъ токмо искать себѣ одной забавы въ семъ ученіи; хотя впрочемъ я могу увѣрить, что вниманіе и къ сему ученію не бо́льшее требуется вниманія, какое обыкновенно прилагается въ изученіи другихъ наукъ, и что при томъ оное не равномѣрно и не во всякомъ случаѣ нужно для всякаго изъ учащихся, какъ на примѣръ нѣкоторыя части закона касающіяся до тяжебныхъ дѣлъ и до тончайшаго изслѣдованія поземельныхъ законоположеній, сами собою наитруднѣйшія, не столько нужны для знанія совершеннаго всѣхъ, сколько для посвятившихъ себя единственно практикѣ приказной. Для прочихъ же довольно будетъ сего ученія, естьли они послѣдуютъ совѣту и Г. Фортескю, которой онъ Королевскому своему воспитаннику далъ въ законоученіи, и которой я здѣсь съ не большею перемѣною отъ слова до слова съ Латинскаго языка переведенной, пріобщаю.

общаю. А именно: сей писатель говоритъ, что „не нужно для дворянина „прилагать крайнее старание въ изслѣ„дованіи критическихъ тонкостей за„кона; онъ здѣлается довольно законо„знающимъ, естьли подъ предводи„тельствомъ искуснаго учителя пой„метъ и уразумѣетъ начáла и основа„нія нашего закона, что все онъ въ „весьма краткое время и съ невеликимъ „трудомъ выучить можетъ; естьли „только у него будетъ къ тому охо„та и прилѣжаніе. *Ибо хотя совер„шенное понятіе сея науки*, надобное „для Судьи требуетъ и двапцати „лѣтъ; однако знаніе закона, потреб„ное для дворянина, можно и съ посред„ственнымъ дарованіемъ пріобрѣсть „въ единой годъ, не отвлекая его при „томъ и отъ другихъ его ученій„.

И такъ изъ вышесказаннаго я довольно увѣренъ, что весьма мало сыщется имѣющихъ толь подлое понятіе объ Университетѣ, которые бы оный лишь только на разсѣяніе мыслей уча-

щимся

щимся и на препровожденіе времени въ своевольствѣ и неблагонравіи отъ младенчества до двадцатилѣтняго возраста, заведеннымъ быть почитали. Таковыхъ, какъ немогущихъ пользоваться онымъ, Г. Вайнеръ не приглашаетъ здѣсь къ сему ученію: а единственно оное для тѣхъ только онъ учреждаетъ юношей, которые у насъ отличаются не меньше знатностію рода, какъ и отмѣнною къ полезнымъ наукамъ охотой, соединенною при томъ съ благонравіемъ и добропорядочнымъ поведеніемъ. Для такихъ-то сей истинный нашъ благотворитель посвятилъ плоды долговременной и цѣлой жизни, удрученной отправленіями различныхъ государственныхъ должностей; и я думаю, что онъ и самъ, нынѣ въ Бозѣ почивающій и съ высоты святыя на мѣсто сіе призирающій, единомысленно съ нами веселится тому, естьли только мертвеца могутъ веселить такія мысли, что онъ дѣйствительнѣе не могъ облагодѣтельствовать грядущихъ потомковъ и услужить болѣе отечеству

своему инако, какъ заведеніемъ такого ученія, которое въ роды родовъ послужитъ умудреніемъ юношеству въ нашемъ правоправленіи, и воспламенитъ оное съ непрерывнымъ желаніемъ къ бо́льшему отъ часу разумѣнію закона и постановленій своего отечества. (*)

(*) Г. Вайнеръ и его подостоинству въ семъ словѣ толико прославляющій Г. Бла́кстонъ, оба померли. Первый оставилъ читателямъ доказательство примѣрныя ревности споспѣшествованіемъ юношеству въ законоученіи отечественномъ; а другой и достодолжнымъ прославленіемъ споспѣшествовавшаго къ толь полезному дѣлу.

ЧАСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕДИСЛОВНАГО РАЗСУЖДЕНІЯ

О

Существѣ законовъ вообще.

Слово законъ въ своемъ общемъ и пространнѣйшемъ смыслѣ значитъ пра́вило положенное всякому дѣйствію, происходящему въ одушевленныхъ и не одушевленныхъ, въ смысленныхъ и не смысленныхъ тваряхъ, и въ такомъ знаменованіи мы говоримъ: законы движенія и тяготѣнія, законы Оптики, Механики, подобно какъ и законы естественными и народными называемъ, и оное положенное всякому дѣйствію пра́вило разумѣется всегда предписуемымъ отъ вышшаго, коему низшій долженствуетъ повиноваться.

Сходственно съ симъ, когда всевышнее Существо создало всю вселен-

ную и произвело въ ней всѣ вещи изъ ничего, тогда и веществу всему предписало такія правила, которыхъ бы оное никогда преступить не дерзало, и безъ которыхъ наблюденія, бытія своего имѣть не могло бы: въ слѣдствіе сего когда всевышнимъ мановеніемъ вся тварь въ движеніе приведена, тогда получила отъ него своему движенію предписанныя и законы, коимъ всякое движимое тѣло сообразоваться должно. Но естьли мы, по снисхожденію отъ самыхъ величайшихъ дѣйствій, начнемъ разсуждать и о малѣйшихъ дѣйствіяхъ, каковыя художникъ производитъ на часахъ или и на какой нибудь махинѣ, когда онъ по своему произволенію полагаетъ движенію оныхъ извѣстныя правила, и заставляетъ указательную на часахъ стрѣлку своимъ прохожденіемъ измѣрять данное ей разстояніе и въ данное время; то и сіе механическое дѣйствіе, сколько предписаннымъ отъ художника правиламъ сообразуется, столько и продолжается въ своемъ совершенствѣ, и соотвѣтствуетъ тому

самому

самому намѣренію, съ какимъ оное здѣлано.

Равнымъ образомъ естьли мы, отъ вещества не имущаго и никакого дѣйствія начнемъ далѣе разсуждать ожизненности растѣній и животныхъ; то безъ сомнѣнія узнаемъ, что и сіи управляются законами, хотя и не сравненно множайшими, однакожъ равносильными и не премѣняемыми. Ибо все произхожденіе растѣній, начинающееся отъ сѣмени до корня, и отъ корня паки обращающееся въ сѣмя, весь порядокъ жизненнаго оныхъ питанія, зрѣнія и раздѣленія ихъ соковъ со всеразмѣрною экономію по всѣмъ частямъ, не случайно и не по волѣ самой твари, но чуднымъ и не довѣдомымъ образомъ по точнымъ правиламъ предписаннымъ отъ всевышняго творца вселенныя производятся.

И такъ всеобщее оное знаменованіе закона заключается въ правилѣ предписуемомъ отъ нѣкотораго вышняго существа, и всякая тварь, не имѣю-

щая

щая даже ни смыслу ни хотѣнія, должна непремѣнно повиноваться сему закону до скончанія своего бытія, поколику и самое бытіе ея зависитъ отъ исполненія и повиновенія сему закону. Но законы въ ближайшемъ понятіи, въ каковомъ теперь мы приступаемъ объ оныхъ разсуждать, значатъ пра́вила не дѣйствію вообще, но дѣйствію или поведенію человѣческому предписуемыя, то есть, въ такомъ смыслѣ чрезъ законы разумѣются заповѣди или приказанія, которыми человѣку, благороднѣйшей изъ всѣхъ въ подсолнечной твари, и одаренной при томъ разумомъ и волею, повелѣвается употреблять такія дорованія ко всеобщему предуправленію своихъ поведеній въ жизни.

Но поколику человѣкъ есть созданіе, того ради онъ и не обходимо подвергается законамъ своего Создателя, отъ котораго онъ единственно зависитъ. Ибо существо, не зависимое отъ другаго, не послѣдуетъ никакому пра́-

вилу, кромѣ предписаннаго себѣ самымъ собою. Напротивъ того состоянiе зависимости необходимо принудитъ всякаго низшаго наблюдать за главное пра́вило въ своемъ поведенiи волю того, отъ котораго онъ зависитъ, и такое наблюденiе дѣлать заставитъ его, хотя и не во всякомъ случаѣ, однакожъ во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ наибольше его зависимость состоитъ. Итакъ сiя причина дѣйствуетъ иногда больше, иногда меньше по мѣрѣ, какъ и превосходство вышшаго, и зависимость низшаго бываютъ бо́льшими или ме́ньшими, безпредѣльными или ограниченными. А какъ человѣкъ зависитъ во всемъ отъ своего создателя; то изъ сего не обходимо и слѣдуетъ ему сообразоваться во всемъ единственной волѣ своего Создателя.

Сiя человѣческаго Создателя воля называется закономъ естественнымъ. Ибо когда Богъ создалъ вещи и одарилъ оныя побуждающими причинами къ дви-

движенію, тогда онъ утвердилъ и точныя пра́вила къ непрестанному предъуправленію ихъ движимости: равнымъ образомъ, когда онъ создалъ человѣка и даровалъ ему свободную волю на предъуправленіе его во всей своей жизни; тогда онъ и человѣческой природѣ предписалъ точные и непремѣняемые законы, коими бы оная человѣческая воля нѣсколько предуправляема и укрощаема была; при чемъ также снабдилъ онъ человѣка и разумомъ, для узнанія и самыхъ намѣреній предписанныхъ имъ человѣческой природѣ законовъ.

Итакъ почитаемый въ разумѣ человѣческомъ Создатель и однимъ только существомъ безпредѣльныя власти могъ безъ сомнѣнія предписать своему созданію человѣку всяческіе законы несправедливые и жестокіе. Но поколику онъ есть и существо безпредѣльныя премудрости, того ради онъ и предписалъ законы, основанные токмо на отношеніяхъ къ перьвоначалной истинѣ,

нѣ, пребывавшей въ самой природѣ вещей предварительно всякому другому послѣдовавшему оттуда законоположенію. Сіи, показующіе что добро и что зло, законы суть вѣчные и непремѣняемы, которымъ и самъ Создатель міра во всѣхъ его отпущеніяхъ человѣку сообразуется, и которыхъ онъ надобность разуму человѣческому столько открылъ, сколько оные нужны для предъуправленія поведеній человѣческихъ въ жизни. Изъ таковыхъ между прочими открылъ онъ нашему разуму и самыя нача́ла закона, чтобъ мы жили честно, не обижали никого, и всякому бы свое какъ неотъемлемое отдавали. На сихъ трехъ заповѣданіяхъ Императоръ Юустиніанъ основалъ и всѣ ученія закона.

Но естьлибы откровеніе такихъ первыхъ нача́лъ закона естественнаго зависѣло только отъ изощренія, прилагаемаго разумомъ человѣческимъ, и не могло бы инако получаемо быть, какъ только трудными и взаимно связан-

ными метафизическими изслѣдованіями; тогда бы родъ человѣческій недостаточествовалъ въ нѣкоторыхъ побужденіяхъ къ учиненію скорѣйшему своихъ о томъ изслѣдованій, и большая бы часть людей осталась спокойною въ мысленномъ о томъ пренебреженіи, сопровождаемомъ съ неразрывнымъ себѣ спутникомъ невѣдѣніемъ. Для отвращенія сего Создатель вселенныя, будучи существо исполненное безпредѣльныя благости, благоволило столь премудро и милосердо устроить все человѣчество, что мы не имѣемъ нужды ни въ какомъ другомъ побужденіи къ изслѣдованію пра́вилъ истинны, кромѣ одного онаго всеобщаго человѣческимъ дѣйствіямъ нача́ла, каковымъ есть въ каждомъ человѣкѣ собственное самолюбіе. Ибо онъ по вліянію такого въ сердца̂ человѣческія нача́ла, законы предвѣчной истинны столь тѣсно и неразрывно соединилъ съ блаженствомъ каждаго въ обществѣ человѣка, что такого блаженства не можно и достигнуть инако, какъ наблюденіемъ

един-

единственнымъ истинны, и естьли въ родѣ человѣческомъ будетъ точное наблюденie и повиновенie истиннѣ, то за онымъ не можетъ не слѣдовать и благополучie. Въ слѣдствie толь взаимнаго истинны соединенiя съ благополучiемъ человѣческимъ, Всесильный и Премудрый Творецъ не смѣсилъ законовъ естественныхъ со множествомъ пра́вилъ, выводимыхъ изъ отвлеченнаго смысла метафизическаго и утверждающихся, какъ нѣкоторые тщетно вымышляли, единственно на *сродственной* въ вещахъ и дѣлахъ человѣческихъ *сходственности* и *несходственности*, достигаемыхъ съ трудностiю разсудкомъ однимъ (*): но по благости своей

(*) Господинъ Блакстонъ въ семъ толкованiи началъ, полагаемыхъ основанiемъ закону естественному весьма не вразумительнымъ покажется читателямъ, и по тому за нужное почелъ здѣсь прiобщить объясненie переводчикъ Россiйскiй слѣдующее:

Къ снисканiю законоискуства потребны суть Нравоученie и Законоученie, или Этика и Юриспруденцiя. Поколику пра́вила истинны выво-

всѣ правила человѣческаго повиновенія святой его и отеческой волѣ сократилъ въ сію единую заповѣдь „ чтобы всякъ „ человѣкъ искалъ самъ своего благополучія „. Въ семъ правилѣ, то есть въ свойствен-

---

1.) Отъ свойственности нашихъ чувствованій справедливости и несправедливости.

2.) Отъ знанія различныхъ рѣшеній судебныхъ, случающихся въ обществѣ.

Первой способъ къ совершенію нашихъ чувствованій справедливости и несправедливости показуется въ Этикѣ, или Нравоучительной Философіи. Другой пріобрѣтается знаніемъ различныхъ рѣшеній судебныхъ, или изученіемъ полной Системы законовъ.

Въ толкованіи причинъ или началъ моральныхъ два пункта или два вопроса должно принимать въ разсужденіе:

1.) По первому спрашивается въ чемъ добродѣтель состоитъ? Или иначе сказать, какое поведеніе составляетъ въ человѣкѣ характеръ достойный похвалы, чести и уваженія?

2.) По второму спрашивается, какою силою или качествомъ душевнымъ дѣлается то, что мы иной поступокъ или характеръ, каковъ бы оный ни былъ, предпочитаетъ другому въ человѣкѣ? Или иначе сказать, по чему и какимъ образомъ то происходитъ, что душа человѣческая одно поведеніе въ человѣкѣ предпочитаетъ дру-

ственномъ всякому человѣку желании себѣ блага, состоитъ все нравоученіе или естественный законъ. Ибо всѣ прочія онаго части, на которыя нынѣ

другому; одно называетъ праведнымъ, а другое неправеднымъ; одно признаетъ достойнымъ похвалы, чести и награжденія, а другое поведеніе судитъ быть достойнымъ осужденія и наказанія? На сихъ двухъ пунктахъ основана вся Нравоучительная Философія, или Этика, которыя знаніе составляетъ первоначальное ученіе законоискусства.

Изъ *вышесказанныхъ* первой вопросъ разрѣшается тѣмъ, когда мы разсуждаемъ о добродѣтели какъ состоящей, по мнѣнію Доктора Готчесона, въ *доброжелательствѣ*, *или въ желаніи блага*, сродственномъ человѣку; или какъ заключающейся, по мнѣнію Доктора Кларка, въ *попеченіи благопримѣнительномъ* ко всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ коихъ мы находимся; или въ *благоразумномъ исканіи и пріужноженіи* нашего собственнаго благополучія, какъ-то полагаютъ другіе.

Второй вопросъ разрѣшается тѣмъ, когда мы разсуждаемъ о добродѣтельномъ Характерѣ, или поведеніи, какъ похваляемомъ въ насъ *нашимъ сомолюбіемъ*, икоторое оный представляетъ намъ и другимъ наибольше споспѣшествующимъ къ пріумноженію нашего собственнаго благополучія; или какъ похваляемомъ намъ *нашимъ раз-*

оное у насъ раздѣляется, ни къ чему больше не служатъ, какъ токмо къ доказанію того, что иные поступки человѣческіе, поколику клонящіеся къ истинному благополучію, потолику и на-

---

разумомъ, который показываетъ всякому разность между однимъ Характеромъ и другимъ точно такую, какая есть между правдою и лжею; или какъ похваляемомъ намъ особливымъ качесшвомъ душевнымъ, называемымъ *нравственнымъ смысломъ*, коему иной характеръ нравится, а другой не нравится; или напослѣдокъ какъ похваляемомъ намъ и *по другому*, дѣйствующему въ *природѣ* человѣческой началу, каковымъ называется *Симпатія* или *страстопріимство* въ дѣлахъ и поведеніяхъ человѣческихъ.

Всѣ сіи моральныя начала остроумно и подробно изслѣдованы Господиномъ Смитомъ, въ его новой системѣ Нравоучительной Философіи, названной Sympathyor moral ſentiments, которую желающіе могутъ читать переведенную ужѐ и на Французскомъ языкѣ.

Господинъ Блакстонъ въ толкованіи здѣсь закона естественнаго по началамъ моральнымъ держался Системы Доктора Го́тчесона и полагаетъ добродѣтель въ *доброжелательствѣ*, или въ *желаніи блага* покваляемомъ всякому собственнымъ *самолюбіемъ*. Впрочемъ какъ Докторъ Го́тчесонъ, такъ и Г. Блакстонъ оба заражены казуистическимъ законоученіемъ, коего въ Англіи родителемъ былъ Господинъ Гоббсъ.

наблюденіе оныхЪ почитаться должно за законЪ естественный; когда напротивЪ симЪ другія поколику вредныя истинному благополучію, потолику какЪ такія и запрещаются закономЪ естественнымЪ.

ЗаконЪ естественный будучи современенЪ сЪ родомЪ человѣческимЪ и предписанЪ отЪ самого Бога, поставляется выше всякаго обязательства. ОнЪ обязываетЪ весь свѣтЪ и во всякомЪ государствѣ равномѣрно всѣхЪ, и во всякое время. Ни какія законоположенія человѣческія не могутЪ быть твердыми, естьли противны установленію естественнаго закона; да и дѣйствительныя изЪ оныхЪ получаютЪ все свое утвержденіе посредственно и безпосредственно отЪ началЪ естественнаго закона.

Но дабы употребленіе здѣлать изЪ естественнаго закона кЪ особливымЪ надобностямЪ всякаго частнаго вЪ обществѣ человѣка; то еще требуется не-

необходимое имѣть прибѣжище и къ разуму, котораго, какъ мы уже и выше запримѣтили, должность есть показывать, чему законъ естественный научаетъ человѣка во всякихъ обстоятельствахъ его жизни, и какой способъ дѣйствительнѣе служитъ къ сущему нашему благополучію. И естьлибы разумъ у насъ, какъ у перваго нашего прародителя до паденія его, былъ совершенъ, несмущаемъ страстьми, не помрачаемъ предразсужденіями и неразслабляемъ болѣзньми и не воздержностію; то кромѣ *разума нашего*, мы бы не имѣли и нужды въ другомъ путеводителѣ къ благополучію. Но къ нещастію рода человѣческаго нынѣ всякъ собственнымъ опытомъ знаетъ, что разумъ у насъ испорченъ, и наше знаніе вещей исполненно невѣдѣнія и заблужденія.

Сіе самое обстоятельство подало неоднократной случай милосердому за насъ заступленію провидѣнія божія, которое сжалившись на слабость, несовершен-

шенство и слѣпоту разума человѣческаго благоволило въ разныя времена и разными образы обнародовать и утвердить свои законы чрезъ всесвятое и безпосредственное оныхъ намъ откровенiе. Такимъ образомъ низпосланное намъ отъ Бога законоученiе, мы называемъ нынѣ закономъ откровеннымъ или божественнымъ, который и содержится токмо въ священномъ писанiи. Откровенныя въ божественномъ законѣ заповѣди, по точнѣйшему соравненiю ихъ доказываются *дѣйствительно составляющими* часть первоначальнаго закона естественнаго, тѣмъ наипаче, что оныя во всѣхъ своихъ слѣдствiяхъ клонятся къ благополучiю человѣческому. Но изъ сего мы не должны заключать, чтобы, къ познанiю содержащихся въ откровенномъ законѣ истиннѣ, можно было и прежде достигнуть разумомъ, обрѣтающимся въ настоящемъ его поврежденномъ состоянiи. Ибо мы видимъ изъ Исторiи, что такiя истинны откровенiя божiя сокровенны были отъ премудрости человѣ-

ческой чрезъ множество вѣковъ. А поколику нравоучительныя заповѣди сего откровеннаго закона имѣютъ заподлинно то же начало, какое и естественный законъ; то и произходящія отъ нихъ обязательства суть равносильны и равномѣрны обязательствамъ естественнаго закона. Но при всемъ томъ подлинность откровеннаго закона не сравненно больше превосходитъ подлинность содержащуюся въ нравоучительныхъ системахъ, которыя сочиняли нравоучительные писатели, и толкуемый въ оныхъ законъ *назвали естественнымъ*. *Ибо* откровенный законъ именно самымъ Богомъ объявленъ закономъ естественнымъ, когда напротивъ сему преподаваемый въ нравоучительныхъ системахъ законъ лишъ только съ помощію разума человѣческаго познается естественнымъ. Естьли бы мы могли быть столько увѣрены о подлинности нравоучительнаго естественнаго закона, сколько мы увѣрены о подлинности откровеннаго; тогда бы оба естественной и откровенной законы имѣли у насъ равно-

вно-

вномѣрную силу и важность: но пока мы о семъ неувѣрены, то они никакъ не могутъ быть уравнены между собою.

На сихъ двухъ, то есть на законѣ естественномъ и откровенномъ, какъ на главнѣйшихъ основаніяхъ, утверждаются всѣ законы человѣческіе, и ни одинъ изъ человѣческихъ законовъ не долженъ быть терпимъ, который противорѣчитъ естественному и откровенному законамъ. Правда, что въ законостеченіяхъ случается не малое множество и произвольныхъ пунктовъ, въ разсужденіи которыхъ божественный и естественный законъ дозволяютъ человѣку поступать, какъ онъ хочетъ; но и таковые польза общественная часто заставляетъ правительство сокращать и ограничивать извѣстными предѣлами. И въ таковыхъ-то пунктахъ законы человѣческіе имѣютъ свое наибольшее дѣиствованіе и силу. Чтожъ касается до пунктовъ непроизвольныхъ, то въ таковыхъ человѣческій законъ дѣйствуетъ лишь только

подтвердительно и въ исполненіе божественнаго и естественнаго законовъ. Чтобъ доказать сіе примѣромъ, то смертоубивство именно запрещается закономъ божественнымъ, и явно доказывается беззаконнымъ въ законѣ естественномъ, и отъ сихъ-то самыхъ запрещеній божественныхъ и естественныхъ произходитъ и сущее беззаконіе сего грѣха. Въ такомъ пунктѣ человѣческіе законы, повелѣвающіе и казнить за смертоубивство, ниже увеличиваютъ онаго грѣхъ, и ниже прибавляютъ больше запрещенія въ недѣланіи его. Да естьли бы притомъ человѣческіе законы вопреки божественному и естественному законамъ, отважились когда нибудь позволить и приказать намъ дѣлать смертоубивство; то въ такомъ случаѣ мы обязуемся преступить сей законъ, а иначе мы оскорбимъ законъ божественный и естественный всенепремѣнно. Но что касается до вещей и дѣлъ произвольныхъ, и ниже повелѣваемыхъ ни запрещаемыхъ законами божественымъ и естественнымъ,

нымъ, каковыми въ Англіи почесться могутъ, касательные до вывозу шерсти и другихъ товаровъ въ чужія государства; то въ такомъ и подобномъ сему случаяхъ нижщее божественнаго и естественнаго законоположеніе человѣческое, имѣя особливое намѣреніе, можетъ вступаться и дѣлать беззаконнымъ противной своему установленію поступокъ, хотя бы оный прежде былъ и позволительный.

Естьли бы человѣку можно жить въ *состояніи* натуральномъ безъ общежительства съ другими частными людьми, тогда не было бы и нужды ни въ какомъ другомъ законѣ, кромѣ закона естественнаго и божія, и нижѐ бы другой законъ могъ тогда и быть въ свѣтѣ, кромѣ сихъ двухъ; поколику законъ всегда предполагаетъ законодателя вышшимъ прочихъ, и мы въ состояніи натуральномъ будучи не могли бы и имѣть другаго вышшаго насъ никого, кромѣ Создателя нашего. Но, какъ человѣкъ созданъ для общества,

и

и по доказательствамЪ разныхЪ о семЪ писателей, не можетЪ и не смѢетЪ жить одинЪ; того ради онЪ и присоединяется вЪ общежительство сЪ другими людьми. При всемЪ томЪ поколику не можно и не совмѢстно было для всего рода человѢческаго соединиться во единое общество; того ради оный принужденЪ раздѢлиться на многія общества, отЪ которыхЪ послѢдовали отдѢленныя государства, республики и области, хотя и совсѢмЪ не зависимыя одно отЪ другаго, однакожЪ подверженныя взаимному *между собою* обращенію. ОтЪ сихЪ обстоятельствЪ произошелЪ и третій *родЪ закона*, для предуправленія того взаимнаго между народами обращенія; *которой* потому и названЪ правомЪ народнымЪ. А какЪ разныя государства не согласились отдавать ни единому преимущества предЪ другимЪ; того ради право народное не можетЪ быть и предписуемымЪ ни какимЪ государствомЪ; а зависитЪ оное единственно отЪ правилЪ естественнаго закона, и установляется взаимными дого-

ворами, трактатами, союзами и съ согласіемъ разныхъ государствъ. Да и въ разбирательствѣ по истиннѣ такихъ взаимныхъ между народами договоровъ мы не можемъ держаться другаго пра́вила, кромѣ естественнаго закона, какъ такого, коему токмо одному обѣ договаривающіяся державы равномѣрно подвергаются. Сходственно съ симъ доказательствомъ, законъ Римской весьма справедливо называетъ *правомъ народнымъ то, что естественнымъ разумомъ благоучреждается между всѣми народами*; quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, vocatur ius gentium.

Показавъ предварительно, сколько надобность требовала, содержаніе закона естественнаго, откровеннаго, и права народнаго, те́перь приступаю пространнѣе изъяснять предлежащій мнѣ главнѣйшій предметъ, то есть, законъ гражданскій, состоящій изъ такого пра́вила, коимъ управляются въ особенности каждая область, каждый народъ и каждое государство. Гражданскимъ

скимЪ закономЪ опредѣляетЪ быть Юстиніянъ такой, которой всякой для себя народЪ постановляетЪ. *Ius ciuile est, quod quisque sibi populus constituit.* По свойству Латинскаго языка сей законЪ называется Ius ciuile, Ius municipale, et Ius patrium, то есть, закономЪ гражданскимЪ, городскимЪ, и отечественнымЪ. Ибо оныя прилагательныя на ЛатинскомЪ ciuile, municipale et patrium, происходитЪ отЪ своихЪ существителныхЪ именЪ ciuitas главный городЪ, municipium привилегированный городЪ, и patria отечество, и всѣ *оныя три наименованія*, данныя закону гражданскому, значатЪ область или государство, управляемое собственными законами и обыкновеніями.

ВЪ семЪ смыслѣ законЪ гражданскій или отечественный собственно назваться можетЪ ,, правиломЪ гражданскаго поведенія, предписаннымЪ отЪ высочайшей власти государственной, повелѣвающимЪ наблюдать, что есть справедливое, и воспящающимЪ несправедливое. ,,

вое." Теперь надлежитъ изтолковать всѣ свойственности, данныя нами закону гражданскому въ семъ описанiи.

И вопервыхъ что касается до его наименованiя *правиломъ*, то по оному законъ отличается отъ указа, насылаемаго къ одному какому нибудь частному человѣку временно, а не касательно до всѣхъ, и не такъ какъ правило на всегда пребывающее, единообразное и всеобщее. Ибо особливое опредѣленiе законоположенiя, касательное до конфискованiя имѣнiя, напримѣръ Тицiя, и до осужденiя его въ измѣнѣ, не входитъ въ законъ гражданскiй, поколику дѣйствованiе такого законоопредѣленiя все устремляется токмо на одного Тицiя, и не имѣетъ ни малѣйшаго отношенiя ко всѣмъ вообще. Почему оное больше походитъ на приговоръ, нежели на законъ. Но, естьли законоположенiе будетъ объявляющее всѣмъ, чтобъ преступленiе, въ каковомъ Тицiй обвиненъ, признаваемо было за измѣну и оскорбленiе величества; то

то такое законоположеніе имѣетъ свою всегдашность, единообразность и всеобъемлемость, и потому оное собственно можетъ назваться *прáпиломъ*. Сверьхъ сего законъ гражданскій названъ *прáпиломъ* и для того, дабы тѣмъ отличался отъ совѣта, коему мы можемъ слѣдовать и не слѣдовать по нашему произволенію и по усмотрѣнію справедливости и несправедливости намъ совѣтуемаго: когда напротивъ сему наше повиновеніе закону зависитъ не отъ нашего произволенія, но единственно отъ *воли законодателя*. *И такъ совѣтъ* заключаетъ въ себѣ только склоненіе насъ къ чему нибудь, а законъ заключаетъ налаганіе на насъ чего нибудь. Совѣтъ дѣйствуетъ токмо для хотящихъ ему послѣдовать, а законъ и для не хотящихъ дѣйствителенъ.

Законъ гражданскій названъ также *прáпиломъ* и для различенія его отъ договора или условія; ибо договоръ есть обѣщаніе, происходящее отъ насъ самихъ, а законъ есть повелѣніе намъ на-

насылаемое. Употребляемыя въ договорѣ рѣчи суть: *я хочу или не хочу сего дѣлать*; когда вопреки симъ употребляются въ законѣ рѣчи повелительныя: *ты долженъ или не долженъ сего дѣлать*. Правда, что происходящее отъ договора обязательство для совѣсти бываетъ и равномѣрнымъ обязательству происходящему отъ закона; но начало такого обязательства есть весьма различное. Въ договорахъ мы сами себя предопредѣляемъ и обѣщаемся дѣлать что либо, прежде нежели обязаны бываемъ къ исполненію обѣщаннаго; но по закону мы обязаны поступать безъ всякаго нашего предопредѣленія и обѣщанія предварительнаго къ исполненію закона. Для сихъ причинъ законъ гражданскій свойственно въ описаніи нашемъ названъ *правиломъ*.

Сверьхъ сего законъ гражданскій названъ у насъ еще правиломъ *и гражданскаго поведенія*. Симъ различается онъ отъ законовъ естественнаго и откровеннаго, изъ коихъ первой есть

прáвило благонрáвнаго поведенія, а второй есть *прáвило* не токмо *благонрáвнаго поведенія*, *но и соблюденія вѣры*. Сіи, то есть, естественный и откровенный законы судятъ человѣка какъ тварь, и налагаютъ на него должности, относительныя къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнему, каковыя онъ живучи въ обществѣ частнымъ человѣкомъ исполнять обязуется. Но законъ гражданскій судитъ человѣка какъ гражданина, и налагаетъ на него совсѣмъ другія должности къ ближнему, нежели какія *естественный* законъ и вѣра на него налагаютъ: должности, которыя онъ исполнять обязуется за то, что пользуется выгодами общежительства, и по которымъ онъ ни больше ни меньше, какъ токмо соразмѣрно съ своимъ достаткомъ обязуется вспомоществовать къ утвержденію благосостоянія и спокойства въ обществѣ.

Законъ гражданскій названъ у насъ прáвиломъ да еще *и предписаннымъ* по

тому, что одно намѣренiе, хранимое вЪ сердцѢ законодателя, и никакимЪ наружнымЪ знакомЪ торжественно необнародываемое, не можетЪ никогда быть настоящимЪ закономЪ. И для того непремѣнно требуется, чтобы такое намѣренiе было всегда торжественно объявляемо народу, которой бы оному повиновался. Но обнародованiе законовЪ у разныхЪ народовЪ случается весьма разнообразное. Оное можетЪ быть объявленнымЪ по всеобщему преданiю и долговременному закона употребленiю, вЪ которыхЪ заключается предварительное закона объявленiе, каковое подразумѣвается и вЪ нашемЪ обычайномЪ АглинскомЪ законѢ. Обнародованiе закона можетЪ также быть объявленнымЪ и живымЪ голосомЪ чрезЪ учрежденныхЪ на то ОфицеровЪ, каковыми провозглашаются Государей коронованiя и Акты Парламента Аглинскаго вЪ церквахЪ и вЪ приказныхЪ собранiяхЪ. НапослѢдокЪ обнародованiе закона можетЪ объявленнымЪ быть писанiемЪ, тисненiемЪ печатнымЪ, каковыми обыкно-

новенно и всѣ наши законоположенія Парламенскія издаются въ народъ. Но какимъ бы кто образомъ ни объявлялъ своихъ законовъ, всѣ законодатели должны обнародывать законы наиторжественнѣйшимъ и яснѣйшимъ образомъ, а не такъ, какъ Калигула, которой по свидѣтельству Діона Кассія написалъ свои законы весьма мѣлкимъ письмомъ и прибилъ оные высоко на столбахъ, умышленно для уловленія народнаго. Есть еще и другой несравненно вреднѣйшій способъ провозглашать законы и *по содѣланіи преступленія.* Когда на примѣръ законодатель по учи́неніи какого нибудь и неважнаго дѣла издаетъ законъ повелѣвающій признавать тое дѣло противнымъ закону, и погрѣшившаго въономъ до изданія закона наказуетъ. Въ такомъ законопослѣдованіи возможности нѣтъ человѣку предузнать, чтобъ какое нибудь дѣло простительное до содѣланія могло сдѣлаться непростительнымъ по воспослѣдовавшему опослѣ законоположенію. Слѣдовательно въ такомъ случаи никто

кто не имѣетъ и причины удерживаться отъ такихъ дѣлъ, и налагаемыя за неудержаніе отъ оныхъ наказанія должно признавать несправедливыми и безчеловѣчными. И такъ изъ сего довольно явствуетъ, что всѣ законы должны быть издаваемы для дѣйствованія въ предбудущее время, непостигающими предъидущаго своему изданію содѣланія. И должны притомъ быть обнародованы прежде нежели начнутъ дѣйствовать въ народѣ, что самое разумѣется и въ данномъ наименованіи закона правиломъ *предписаннымъ*. Такое правило закона когда будетъ надлежащимъ образомъ обнародовано и предписано, тогда уже и подданыхъ будетъ долгъ разумѣть оное и знать совершенно. Ибо естьли бы неразумѣніемъ закона позволительно было оправдываться всякому человѣку, то по оному и всякъ бы могъ избѣгнуть наказанія, и законы остались бы безъ всякаго дѣйствія.

Сверхъ сего въ данномъ нами описаніи сказано, что законъ гражданскій

есть правило гражданскаго поведенія, предписанное *Высочайшею Властію Государственною*. Ибо законоположеніе, какъ уже и прежде доказано, есть дѣйствіе наивысочайшей Власти, какую только вышшее существо имѣть можетъ надъ нижшимъ. Слѣдовательно самая сущность закона требуетъ, чтобы онъ былъ издаваемъ Высочайшею Властію Государственною. По сей причинѣ самодержавствіе и законодательство могутъ заподлинно почесться словами столь между собою заимственными, *что одно не можетъ и* быть безъ другаго.

При показаніи Высочайшія Власти слѣдуетъ намъ показать начало обществъ и происхожденіе гражданскихъ правительствъ, равномѣрно какъ и происхожденіе онаго принадлежащаго самодержавію права естественнаго, по которому законы дѣлаются и утверждаются.

Страхъ и недостатки всякаго частнаго человѣка были только и настоящи-

щими основаніями первоначальныхъ обществъ народныхъ, и сіи мы принять должны за основанія не для того, чтобъ могли вѣрить съ нѣкоторыми писателями теорептическими бывшему когда нибудь и такому времени, въ которое и во́все не бывало никакого общества народнаго; и что якобы напослѣдокъ единожительствовавшіе частные люди по наважденію разума и по чувствованію нуждъ и слабостей своихъ собрались отвсюду на пространное *поле*, и обязавшись тамъ, такъ называемымъ *первобытнымъ договоромъ* избрали единаго изъ всѣхъ дебелоплотнѣйшаго человѣка повелителемъ надъ собою. Такое мнѣніе о бывшемъ когданибудь дѣствительно толь несоюзномъ натуральномъ состояніи есть весьма странное, и такое не можетъ быть и принятымъ за подлинное. Сверьхъ сего оное есть и явно противорѣчущимъ откровенной исторіи о первобытномъ происхожденіи рода человѣческаго, которой чрезъ двѣ тысячи лѣтъ продолжался на свѣтѣ, и со-

бранъ былъ изъ такихъ семействъ, которыя между собой составили первоначальное общество. Сіи семейства какъ умножились за предѣлъ и распространились на толь дальное растояніе, что въ первоначальномъ ономъ пастушьемъ или скотоводственномъ, въ которомъ древніе Патріярхи жили, состояніи не могли удобно помѣститься; тогда и принуждены были разными преселеніями раздѣлиться на множайшія особливыя общества. Напослѣдокъ когда умножилось хлѣбопашество, требующее больше труда, и доставляющее больше пропитанія народамъ, тогда и преселенія народныя оказались не столь частыми и разныя семейства и поколѣнья разсѣянныя прежде соединились опять въ общежительство, будучи побуждаемы къ тому иногда завоеваніемъ, иногда случаемъ особливымъ, а иногда можетъ статься обязывались къ такому соединенію и договоромъ. Но хотя мы и не видимъ въ исторіяхъ, чтобы и какое нибудь первоначальное общество при соединеніи своемъ имѣло торжествен-

ственный между собою договоръ, заключенный по нуждѣ и страху единожительствовавшихъ частныхъ людей; однако заподлинно чувствованіе слабостей и недостатковъ соединяетъ и удерживаетъ родъ человѣческій въ общежительствѣ. Сіе чувствованіе, какъ ощущаемое всякимъ человѣкомъ, доказываетъ само собою и необходимость такого соединенія, и потому сіе единое есть твердымъ и естественнымъ основаніемъ общества человѣческаго. Чрезъ такое чувствованіе ощущаемое всякимъ человѣкомъ разумѣется и оный *первобытной договоръ* народныхъ обществъ, *которой* хотя можетъ быть, и ни въ единомъ случаи не бывалъ торжественно заключаемъ при первоначальномъ соединеніи народовъ воедино государство; однако въ натурѣ и въ разумѣ человѣческомъ оный всегда долженъ быть подразумѣваемъ, и въ самомъ дѣйствіи общественнаго соединенія заключаемъ такъ, чтобы вся цѣлость общества охраняла свои части, и всякая бы часть отдавала безпрекословное повиновеніе

цѣлости онаго, то есть, чтобы все общество защищало права каждаго въ ономъ живущаго человѣка, и чтобы за такое защищенie каждой частной человѣкъ повиновался законамъ общества, безъ котораго повиновенія не можно и доставить никому правосудія и покровительства.

Какъ скоро утвердится общество, то правленie и само собою происходитъ для соблюденія и удержанія онаго общества въ порядкѣ, и естьлибы при такомъ происхожденiи правленія не былъ избираемъ кто нибудь такимъ чиноначальникомъ, коего бы повелѣніямъ и опредѣленiямъ обязывались повиноваться всѣ члены, тогда бы всѣ жители общества обратились паки въ первобытное состоянie натуральное, и не имѣли бы надъ собой никакого судiи для доставленія имъ суда и расправы. Но поколику всѣ члены и въ обществѣ натуралѣно бываютъ между собою равны, того ради иной можетъ спросить, кому изъ оныхъ

пра-

правленіе должно быть препоручено? На такой вопросъ всеобщій отвѣтъ есть преудобный, но примѣненіе онаго къ особливымъ случаямъ взпричинствовало наибольшую половину вредовъ, каковые обыкновенно происходятъ въ обществѣ отъ развращеннаго политическаго ревнованія. Весь родъ человѣческій вообще можетъ въ томъ согласиться, что верьховное правленіе должно быть препоручаемо тѣмъ особамъ, въ коихъ наибольше обрѣтается качествъ, составляющихъ принадлежности вышняго существа; то есть, въ коихъ наибольше обрѣтается премудрости, благости и силы. Премудрость въ правителѣ надобна для предвидѣнія пользы общественной. Благость для пріумноженія оной. А крѣпость и сила для произведенія въ дѣйство полезныхъ обществу намѣреній и предпріятій. Сіи качества суть основанія естественныя самодержавства и верьховнаго правительства, и въ сихъ заключаются главнѣйшія принадлежности правоправящихъ, каковыя они должны имѣть

во

во всякомъ благоучрежденномъ правленіи

Какимъ образомъ зримые нами нынѣ разные роды правленія произошли, то весьма неизвѣстно, и причиняло многіе споры; да и я и необязанъ и ненамѣренъ изыскивать сего. Какое ни было бы начало сихъ разныхъ правленія родовъ, и по какомубъ праву они ни существовали; токмо всѣ они по необходимости имѣютъ власть высочайшую, неограниченную и независящую, въ коихъ *права самодержавства* заключаются. Сія власть вручается тѣмъ, кои наиболѣе кажутся способными къ обладанію тою премудростію, тою милостію и тою силою, коковая потребна въ самодержавной власти: по крайней мѣрѣ таково было намѣреніе основателей сихъ правленій. Древніе политическіе писатели признавали правильными три только слѣдующіе рода правленія. Первой, когда самодержавная власть заключается въ собраніи, состоящемъ изъ всѣхъ членовъ общества, и называ-

вается Демократія; второй, когда оную власть имѣетъ собраніе, изъ нѣкоторыхъ токмо частныхъ членовъ составляющееся, и именуется Аристократія; третій, когда оная власть вручается одной особѣ, и есть Монархія; прочіежъ всѣ роды правленія сутъ, какъ они утверждаютъ, поврежденныя отдѣленія сихъ трехъ первыхъ и могущія удобно къ онымъ приведеными быть.

Чрезъ самодержавную власть разумѣется, какъ уже мы выше сказали, власть давать законы; ибо повсюду, гдѣ власть сія пребываетъ, всѣ прочія должны ей сообразоваться и повиноваться, каковъ бы ни былъ внѣшній видъ правленія; потому что отъ власти законодательной зависитъ перемѣнить, когда похочетъ, внѣшній видъ и порядокъ правленія, изданіемъ новаго указа или правила и поручить исполненіе законовъ кому заблаго разсудитъ: причемъ всѣ прочія государственныя власти равномѣрно долженствуютъ повиноваться

законодательной власти, безЪ чего разрушилось бы благоучрежденіе государственное.

ВЪ ДемократическомЪ правленіи, вЪ которомЪ право давать законы находится у всего народа вообще, удобнѣе снискать можно добродѣтель общественную или благонамѣреніе, нежели какое либо другое изЪ потребныхЪ для правленія свойствЪ. Правленія народныя, часто бывали безразсудны вЪ рѣшеніяхЪ и слабы вЪ исполненіяхЪ своихЪ; но вообще они ищутЪ блага и правосудія и всегда имѣютЪ нѣкоторую степень любви кЪ отечеству и кЪ обществу. ВЪ АристократическомЪ правленіи больше находится благоразумія, нежели вЪ какомЪ либо другомЪ родѣ правленія, потому что оно составлено изЪ гражданЪ, кои дѣйствительно суть или должны быть искусны вЪ дѣлахЪ. Но вЪ семЪ правленіи меньше обрѣтается честности, нежели вЪ ДемократическомЪ и меньше силы, нежели вЪ МонархическомЪ пра-

вле-

вленіи, которое поистиннѣ есть, наисильнѣйшее изъ всѣхъ правленій, потому что всѣ силы соединены и собраны въ особѣ Государя. Но притомъ и всегда должно бояться, чтобъ онъ не употребилъ силъ сихъ на предпріятія столькожъ вредныя, какъ и насильственныя.

И такъ каждый изъ сихъ трехъ родовъ правленій имѣетъ свои преимущества и свои недостатки. Демократическое правленіе обыкновенно удобнѣе прочихъ, къ достиженію цѣли законовъ; Аристократическое скорѣе прочихъ находитъ средства къ достиженію оной цѣлой, а Монархическое къ произведенію въ дѣйство сихъ средствъ. Древніе, какъ мы сказали ужѐ, совсѣмъ не имѣли понятія ни о какомъ другомъ твердѣйшемъ родѣ правленія, кромѣ показанныхъ выше. Ибо хотя Цицеронъ и говоритъ, что по его мнѣнію, *та республика наилучшая, которая составлена изъ благоразумнаго смѣшенія трехъ сихъ родовъ правленія, Монархи-*

хическаго, Аристократическаго и Демократическаго : однако Тацитъ почитаетъ сіе смѣшенное правленіе изъ трехъ прочихъ и заимствующее выгоды отъ всѣхъ оныхъ, за невозможное : а естьлибъ оно и могло быть произведено и самымъ дѣйствомъ, тобъ не было таковое правленіе ни безопаснымъ, ни долгопребывающимъ.

Но къ щастію жителей сего острова правленіе Британское чрезъ многія времена было, и пребудетъ, какъ то думать должно еще, *исключеніемъ* истинны сего мнѣнія. Потому что, какъ исполнительная власть законовъ въ Англіи вручена одной особѣ ; то правленіе наше и имѣетъ всѣ выгоды, а особливо силу и скорость исполненія, совершеннѣйшаго Монархическаго правленія ; и какъ законодательство сего королевства, ввѣрено тремъ, между собою отличнымъ и совсѣмъ другъ отъ друга независящимъ властямъ, какъ то 1. Королю. 2. Лордамъ духовнымъ и свѣтскимъ, составляющимъ

Ари-

Аристократическое собранїе, изъ особъ избранныхъ по ихъ честности, роду, благоразумїю, силѣ и богатству; и 3. нижнему парламенту, состоящему изъ членовъ, народомъ безъ всяаго принужденїя, между имъ самимъ выбранныхъ, которой по тому и составляетъ нѣкоторой родъ Демократическаго правленїя: и какъ сїи три власти Британской парламентъ и верьховную власть составляющїя, возбуждаются весьма различными и совсѣмъ противоположенными причинами и пользами; то и слѣдуетъ изъ того, что естьлибъ которая изъ сихъ трехъ властей покусилась на что либо противное общественному благу, то прочїе двѣ конечнобъ тому воспротивились, яко имѣющїя власть воспретительную, которая и одна можетъ отвергнуть всякое новое постановленїе безполезное, или вредное.

Въ сихъ-то трехъ властяхъ пребываетъ самодержавство Британское, котораго полезнѣе для общества и учредить не возможно. Ибо

нигдѣ индѣ не моглибъ никогда сіи три великія части правленія толь совершенно и удачно соединены быть; по тому что естьлибъ верьховная власть обрѣталась въ одной которой либо изъ оныхъ частей отдѣленно, тобы мы подвержены были неудобствамъ или совершенно Монархическаго или Аристократическаго или Демократическаго правленія, и возчуствовали бы недостатокъ, въ добродѣтели, въ благоразуміи и силѣ порядочнаго правленія; Естьлибы она вручена изключительно была двумъ изъ оныхъ частей, [на примѣръ Королю и верьхнему парламенту] то законы моглибъ быть всегда полезно издаваемы и надлежащимъ образомъ исполняемы, но не всегдабъ главною цѣлью ихъ была польза народная; естьлиже бы онную имѣли Король и нижній парламентъ, тобъ мы лишились сея прозорливости и онаго посредства, какимъ были обязаны благоразумію Перовъ нашихъ или вельможъ; естьлижъ бы напослѣдокъ верьховную власть законодательства имѣ-

имѣли парламенты, а Король бы не имѣлъ воспретительнаго голоса, то можетъ быть посягнули бы они на права королевскія, или и совсѣмъ моглибъ уничтожить королевское достоинство; отъ чего не только ослабилась, но паче и совсѣмъ бы разрушилась сила власти исполнительной.

Но законоположительное правленіе сего острова толь удивительно составлено и учреждено, что вредить ни что ему не можетъ, кромѣ какъ разрушеніе равновѣсія власти между частьми правленія пребывающаго. Ибо естьлибъ случилось, чтобъ которая нибудь изъ нихъ лишилась независимости своей, илибъ обязана была сообразоваться намѣреніямъ которой нибудь изъ двухъ, тобъ скоро разрушилось самое правленіе, и законодательство было бы уже не то, которое введено первоначально по всеобщему согласію и утвержденію общества; и сія премѣна, отъ чего бы она ни про-

изошла, возпричинствовалаб, по мнѣнію господина Локка, [которой можетъ быть излишне далеко простеръ свою теорію] совершенное уничтоженіе связи правленія, и произвелаб чрезъ то самое въ народѣ Анархію или безначаліе, которое привелоб его въ состояніе здѣлать, собственною своею силою, новую законодательную власть.

И такъ давши нѣкоторое понятіе о трехъ наиупотребительнѣйшихъ родахъ правленія, такъ какъ и особенно о нашемъ, яко изъ всѣхъ *оныхъ трехъ* составленномъ, долженъ я сказать еще, что какъ власть давать законы составляетъ верьховную власть, то по тому вездѣ, гдѣ сія власть находится, имѣетъ она право давать законы, то есть, по словамъ нашего опредѣленія, *предписывать правила для гражданскаго поведенія*, что ясно доказывается цѣлью и учрежденіемъ гражданскихъ обществъ. Ибо каждое общество составлено изъ множества людей, общею безопасностію и выгодностію

стію соединенныхъ и разположенныхъ дѣйствовать обще и единодушно, а чтобъ такъ дѣйствовать, то имъ необходимо должно имѣть одну волю. Но когда сіи общества политическія состоятъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, изъ коихъ каждой имѣетъ свою собственную волю и склонность; то всѣ сіи различныя воли или склонности не могутъ никакимъ *естественнымъ* союзомъ быть соединены или расположены къ всегдашнему согласію. И такъ не можно произвесть единой и общей воли, ничѣмъ какъ *политическимъ* союзомъ, то есть, единодушнымъ согласіемъ гражданъ подвергнуть воли свои волѣ одного человѣка или одного или и многихъ собраній, коимъ вручена верьховная власть; и сія-то воля одного человѣка или собранія цѣлаго [смотря по учрежденію общества] называется закономъ.

Давать законы верьховная власть не токмо имѣетъ право но еще и *долгъ*. Ибо какъ члены общества всѣ вообще

и каждой во особливости, обязаны сообразоваться волѣ самаго общества, то потребно, чтобъ оная была имъ объявлена. Но какъ въ такомъ великомъ множествѣ не можно давать каждому человѣку особыя повелѣнія въ разсужденіи каждаго его дѣйствія; то общество и предписываетъ всеобщія пра́вила для наставленія всѣхъ членовъ во всѣхъ должностяхъ, повелѣваемыхъ и запрещаемыхъ, все съ тѣмъ единственно намѣреніемъ: чтобъ каждой изъ нихъ зналъ, что ему принадлежитъ, и что другому; какія должности всеобщія, и какія собственно къ нему относительныя; что долженъ почитать онъ справедливымъ, несправедливымъ и произвольнымъ; какая часть естественной вольности осталась при немъ, и какую онъ отдалъ за выгоды въ обществѣ имъ обрѣтаемыя; какимъ напослѣдокъ образомъ долженъ онъ пользоваться правами, отъ общества ему данными для доставленія и сохраненія всеобщаго спокойствія.

Мнѣ

Мнѣ кажется, что я довольно доказалъ истинну перваго положенія, даннаго въ предъидущемъ описаніи закона, а именно, что *законъ гражданскій есть правило поведеній гражданскихъ, предписанное верьховною властію*. И такъ теперь я приступаю ко второму онаго положенію, въ которомъ сказано, что *сіе правило повелѣваетъ все то, что справедливо, и запрещаетъ все что несправедливо*. Вопервыхъ надобно, чтобъ предѣлы справедливаго и несправедливаго положены и опредѣлены *были* законами; изъ чего *будетъ слѣдовать*, что законъ принятой за пра́вило жизни гражданской, обязанъ подкрѣплять сіи права̀, и предупреждать или исправлять противное имъ; и тогда останется опредѣлить, какимъ образомъ законъ полагаетъ предѣлы справедливому и не справедливому, и какой употребляетъ способъ для предписанія справедливаго и для запрещенія не справедливаго.

Для достиженія сего предмета вѣрнѣйшимъ и легчайшимъ образомъ долж-

но представить, что каждой законъ можетъ составленъ быть изъ различныхъ частей, изъ коихъ одна *объяпительная*, въ которой то, что должно наблюдать, такъ какъ и чего надлежитъ удаляться, ясно опредѣлено и изъяснено; вторая *повелѣвающая*, въ которой предписывается и повелѣвается всѣмъ подъ закономъ состоящимъ наблюдать справедливое и удаляться не справедливаго; третія *способствующая*, которая содержитъ въ себѣ средства какъ должно возвращать свои права̀, и получать удовлетвореніе. Къ симъ тремъ частямъ можно присоединить еще четвертую, обыкновенно *наказательною* называемую, въ которой показываются членамъ общества наказанія, предопредѣляемыя тому, кто учинитъ какое противу общества преступленіе, или нарушитъ и пренебрежетъ должность свою къ оному.

Что касается *до объяпительной* части гражданскаго закона, то оная не столько зависитъ отъ закона откровен-

наго

наго и естественнаго, сколько отъ благоразумія и воли законодателя. Сіе толкованіе, коего мы ужѐ вкратцѣ коснулись, необходимо должно быть объяснено подробнѣе.

Установленныя Богомъ и природою права̀ и называемыя по той самой причинѣ естественными, каковыми защищается наша жизнь и вольность, не требуютъ къ утвержденію своему никакого вспоможенія отъ законовъ человѣческихъ, и законы гражданскіе, объявляя ихъ ненарушимыми, не могутъ усугубить ихъ святости, и никакое законодательство человѣческое не имѣетъ власти уничтожить или отрѣшить ихъ, естьли только пользующійся ими человѣкъ не учинитъ какого дѣйствія, которое оныхъ его лишаетъ. Да и божественныя или естественныя должности, какъ на примѣръ, богослуженіе и воспитаніе дѣтей, не получаютъ бо̀льшей силы отъ того, что онѣ предписаны государственными за-

конами. Тожъ самое разумѣется и о преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, законами вышшими запрещаемыхъ, и потому называемыхъ *злыми по себѣ*, каковы суть: смертоубивство, татьба и клятвопреступленіе, коихъ гнусность не усугубляется тѣмъ, что они нижшимъ законоположеніемъ объявлены дѣйствіями беззаконными. Ибо во всѣхъ сихъ случаяхъ сіе законоположеніе дѣйствуетъ подчиненно великому законодателю и единственно повторяетъ и обнародываетъ его повелѣніе. И такъ часть *закона гражданскаго объяпительная* бываетъ не дѣйствительна въ разсужденіи дѣйствій человѣческихъ, кои естественно и сами собою суть справедливы или несправедливы.

Но сіе не относится къ вещамъ, кои сами по себѣ не могутъ назваться ни злыми, ни добрыми; ибо таковыя вещи дѣлаются справедливыми или не справедливыми, позволенными или запрещенными, должностію или престу-

пле-

пленіемъ, смотря по тому, какъ законъ гражданской для пользы общества и гражданской жизни о нихъ за благо разсудитъ. Сообразуяся сему общимъ нашимъ закономъ предписано, что имѣніе жены, какъ скоро она вступитъ въ супружество, дѣлается собственностію мужа, такъ какъ въ нашемъ же законѣ сказано, что всякой откупъ есть всеобщее оскорбленіе; токмо сіе право и сіе оскорбленіе основаніе свое имѣютъ не въ натурѣ, но объявлены таковыми закономъ для пользы общества. *Иногда же*, хотя дѣйствіе нача́ло свое имѣетъ въ законѣ естественномъ, токмо особенныя обстоятельства съ нимъ сопряженныя, и то, какимъ образомъ оное дѣйствіе случается, дѣлаются справедливыми или несправедливыми, смотря какъ о томъ предписываютъ законы государственные. Между должностьми гражданскими повиновеніе къ вышшимъ есть пра́вило закона откровеннаго, такъ какъ и естественнаго; но законы человѣческіе опредѣлять должны, кто оные вышъ-

вышшіе, сколько, и въ какихъ обстоятельствахъ надлежитъ имъ повиноваться. Равнымъ образомъ и въ разсужденіи обидъ или преступленій наши же собственные законы рѣшить должны, въ какомъ случаѣ захваченіе чужаго стада бываетъ татьба, и когда таковое дѣйствіе бываетъ законнымъ, какъ на примѣръ, когда владѣлецъ пастьбы беретъ его за неплатежъ найму за оную пастьбу.

Сего довольно будетъ о *объяпительной* части закона гражданскаго, что относиться можетъ и къ части закона *повелѣвающей*, которая дѣйствительно заключаетъ въ себѣ и первую, по тому что объявленіе обыкновенно происходитъ отъ повелѣнія. Законъ, гласящій *не укради*, заключаетъ въ себѣ объявленіе, что воровство есть преступленіе; сверьхъ того мы видѣли, что въ вещахъ, кои сами по себѣ не суть ни добры, ни злы, самая сущность справедливаго и не справедливаго зависитъ отъ той части закона, которая по-

повелѣваетъ намъ дѣлать то или не дѣлать.

Часть закона *способствующая* есть слѣдствіе обѣихъ первыхъ частей, толико необходимое, что всякой законъ, сей части не имѣющій, есть несовершенъ. Тщетно показывалъ бы онъ намъ наши права, тщетно повелѣвалъ бы онъ намъ наблюденіе оныхъ, естьлибъ не было средства къ утвержденію ихъ, и къ возвращенію, когда они нарушены бываютъ, и сіе то самое называется покровительствомъ законовъ. Когда на примѣръ, въ *объявительной* части закона сказано, что *поле или наслѣдство отца Тиціева по смерти его принадлежитъ Тицію*; то чрезъ сіе самое запрещаетъ оная всѣмъ присвоивать себѣ чужое имѣніе безъ позволенія владѣтеля его: и такъ, естьли послѣ сего Кай осмѣлится завладѣть онымъ полемъ, то части закона *повелѣвающая и способствующая* долженствуютъ употребить власть свою и принудить Кайя возвратить оное поле во владѣніе Тиція, и заплатить ему убытки съ лихвою.

Въ разсужденіи *наказательной* части законовъ и происходящихъ слѣдствій отъ нарушенія всеобщихъ должностей, большая часть законодателей старались паче предписывать въ законахъ своихъ наказанія, нежели награжденія; и сіе по тому, что спокойное наслажденіе всѣми нашими правами и вольностьми гражданскими, яко точное и главнѣйшее слѣдствіе повиновенія нашего къ закону гражданскому, есть само по себѣ величайшее и драгоцѣннѣйшее награжденіе; и что естьлибъ люди къ исполненію каждой добродѣтели *долженствовали быть возбуждаемы* награжденіемъ, тобъ никакое государство не было въ состояніи понести таковыхъ издержекъ; и что впрочемъ опасеніе зла гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, нежели ожиданіе добра. Правда, благоразумное раздѣленіе награжденій моглобъ иногда быть весьма полезно; но изъ приведенныхъ мною причинъ явствуетъ, что законы гражданскіе, предписывающіе намъ должности наши, весьма рѣдко, или почти и никогда не полагаютъ никакого награжденія, или ка-

какой выгоды тѣмъ, кои повинуются законамъ; но напротивъ того всегда они вооружены мечемъ, и всегда готовы къ наказанію нарушающихъ оные.

Изъ всѣхъ частей закона самая дѣйствительнѣйшая есть *наказательная*; ибо безполезноб было повторять, *дѣлай сіе* или *не дѣлай того*, естьли не присоединить къ тому: *ибо за ослушаніе такое то понесешь наказаніе*. И такъ главная сила законовъ человѣческихъ существенно состоитъ въ присоединенныхъ къ *нимъ* наказаніяхъ. Естьли говорится о законодателяхъ и о ихъ законахъ, что они *принуждаютъ* и *обязываютъ*, то сіе не разумѣется, что они естественнымъ насиліемъ производятъ то, что человѣку не можно поступать противъ ихъ повелѣнія, и что сіе есть точное знаменованіе обязательства; но что объявляя и показывая наказаніе виновнымъ довольно принуждаютъ они каждаго человѣка не нарушать ихъ, по тому что угрожающія ему наказанія дѣлаютъ повиновеніе не-

несравненно для него выгоднѣе ослушанія; и что когда предлагаются и награжденія также какъ наказанія, то кажется, что обстоятельства закона особливо состоятъ въ наказаніи. Ибо награжденія льстя людей возбуждаютъ къ дѣланію добра, между тѣмъ какъ наказаніе одно можетъ удержать ихъ въ границахъ пользою общества предписываемыхъ.

Правда, что лучшіе наши Моралисты не безъ причины думали, что законы человѣческіе обязываютъ совѣсть человѣка; но естьлибъ не было сильнѣйшихъ обязательствъ, то однибъ только добрые люди повиновалися законамъ, а злые пренебрегали бы ихъ. Впрочемъ сколько ни справедливо сіе пра́вило, токмо надлежитъ его разумѣть съ нѣкоторымъ ограничиваніемъ. Я думаю, что оно особливо относиться должно къ *правамъ*; и что когда закономъ опредѣлено, что поле принадлежитъ Тицію, то совѣсть запрещаетъ другому присвоивать его себѣ:

также

также какъ и въ разсужденіи должностей естественныхъ и оскорбленій, кои сами по себѣ суть злы. Мы почитаемъ себя по совѣсти обязанными одни исполнять и отъ другихъ удаляться, по тому что сіе повелѣно намъ было вышшими законами, когда еще законовъ человѣческихъ и не было. Но что касается до законовъ, предписывающихъ намъ должности положительныя и запрещающихъ вещи, кои не сами по себѣ злы, но только запрещены подъ опасеніемъ наказанія; я не вижу, чтобъ тутъ обязана была совѣсть, кромѣ, что она заставляетъ насъ подвергаться сему наказанію, когда мы нарушили сіи законы. Ибо иначе множество законовъ, наказаніе предписывающихъ, показалось бы не только противно политикѣ, но и весьма ненавистно, и моглобъ почтено быть сѣтью, къ уловленію совѣсти добродѣтельныхъ людей поставленною. Но въ сихъ случаяхъ условіе весьма ясно: *поздержись отъ сего, или готовься къ такому то наказанію.* На при-

 мѣръ,

мѣръ, въ положеніяхъ нашихъ о сохраненіи дичины, въ коихъ объявлены наказанія всѣмъ тѣмъ, кои не имѣя права убьютъ зайца; сей законъ не дѣлаетъ нарушенія онаго моральнымъ или нравственнымъ преступленіемъ, но единственное обязательство, совѣстію наложенное, есть подвергать себя безпрекословно денежной пѣнѣ, въ случаѣ, естьли она будетъ требована.

Оканчивая такимъ образомъ истолкованіе мое опредѣленію закону гражданскому отъ меня данному, думаю, что я довольно доказалъ *законъ гражданской правиломъ гражданскаго поведенія, предписаннымъ вышшею государственною властію, повелѣвающимъ то, что справедливо и запрещающимъ что не справедливо*; и я старался помѣстить нѣкоторыя полезныя правила, какъ о свойствѣ гражданскаго правительства, такъ и объ обязанности законовъ человѣческихъ. Но прежде окончанія сего отдѣленія не безполезно можетъ быть будетъ здѣ-

здѣлать нѣкоторыя примѣчанія *о истолкопаніи* законовъ.

Когда въ истолкованіи Римскихъ законовъ происходило какое сомнѣніе, то было обыкновеніе привести оное сомнѣніе въ настоящій вопросъ, и оной письменно представить Императору для рѣшенія. Способъ совсѣмъ не удобной; ибо ссылаяся въ частныхъ спорахъ на законодателя не токмо подвергаемъ мы ихъ тому, чтобъ они никогда не окончились, но и подаемъ мы случай къ *опасному пристрастію*, коего слѣдствіемъ часто бываетъ угнѣтеніе. Отвѣты Императоровъ, Рескриптами называемые, получали чрезъ продолженіе времени силу всегдашнихъ законовъ, хотя каждый просвѣщенный законоискусникъ совершенно отличалъ ихъ отъ законовъ общихъ, имѣющихъ основаніемъ своимъ истинное свойство вещей. Императоръ Макринъ, по объявленію Историка его Капитолина, вознамѣрился было уничтожить оные Рескрипты, а сохранить только одни

общіе законы. Ибо онъ не могъ снести, чтобъ скоропоспѣшные и безразсудные отвѣты таковыхъ Государей, каковы Коммодъ и Каракалла, почитаемы были законами. Но Юстиніанъ иначе мыслилъ, и все намъ ихъ сохранилъ. Симъ образомъ законы Каноническіе или духовные, опредѣленія и грамоты Папскія почитаются за Рескрипты въ самомъ ближайшемъ смыслѣ; хотя, въ противность всѣмъ здравомыслящимъ, составляютъ они всеобщія заключенія по частнымъ случаямъ.

Самый справедливый и благоразумный способъ толковать волю законодателя состоитъ въ томъ, чтобъ стараться проникнуть въ намѣренія, какія могъ онъ имѣть въ то время, какъ законъ сей былъ здѣланъ, и притомъ сего достигать должно самыми естественными и вѣроятными средствами, каковы суть: слова, связь, предметъ, матерія, дѣйствіе, слѣдствіе, сущность и вина закона. Разсмотримъ хотя поверьхностью сіи все предметы.

1.)

1.) Слова надлежитъ принимать въ извѣстнѣйшемъ и употребительнѣйшемъ знаменованіи, то есть, больше смотря на общее и народное употребленіе ихъ, нежели на свойство грамматическое: по сему законъ, о которомъ говоритъ Пуффендорфъ, запрещающій свѣтскому человѣку *поднять руку на Священника*, надлежало разумѣть о томъ, кто уязвитъ священника какимъ либо оружіемъ. Термины или слова учебныя и художническія должны принимаемы быть въ такомъ знаменованіи, какое имъ приписывается людьми искусными въ каждой наукѣ и во всякомъ художествѣ и рукомеслѣ. Подобно сему въ актѣ, утверждающемъ корону Принцессѣ Софіи и ея тѣла наслѣдникамъ, только Протестантамъ, надлежитъ совѣтоваться съ законоискусниками, какое должно дать знаменованіе словамъ, *ея тѣла наслѣдники*, кои въ законномъ смыслѣ означаютъ нѣкоторыхъ изъ ея потомковъ по прямой линіи нисходящихъ. Наконецъ когда слова двухъ различествующихъ законовъ

между собою противорѣчатъ, тогда послѣдній изъ нихъ беретъ преимущество предъ первымъ. *Законами, послѣ изданными, уничтожаются законы прежде ихъ состоявшіеся, естьли они имъ противны*, есть правило закона общаго, такъ какъ и нашего. Оно также написано было, какъ законъ на двенатцати Римскихъ таблицахъ, *что народъ напослѣдокъ приказалъ, то да будетъ закономъ.*

2.) Естьли еще какія слова покажутся сомнительными, то можно вывести знаменованіе ихъ изъ сущности и предмета закона, какъ то часто для истолкованія какого акта Парламентскаго разсматриваютъ вступленіе онаго, и вмѣстѣ сравниваютъ два закона однимъ законодателемъ изданные и между собою имѣющіе какое либо отношеніе, или точно до одного предмета касающіеся. На примѣръ, когда въ Аглинскомъ законѣ сказано, что смертоубивство есть *уголовное преступленіе, наказуемое безъ выгодъ церковныхъ;*

ныхъ; то надлежитъ справляться съ закономъ государственнымъ, дабы узнать, что суть выгоды церковныя. Когда общимъ закономъ запрещаются договоры о покупкѣ духовныхъ чиновъ, то необходимо нужно сыскать въ законѣ Каноническомъ, въ чемъ состоитъ Симонія или покупка чиновъ духовныхъ.

3.) Смыслъ словъ закона долженъ сообразоваться сущности онаго; ибо полагается, что законодатель къ оной обращалъ все свое вниманіе, и что всѣ выраженія его къ ней относятся. И такъ читая законъ нашего Эдуарда III. запрещающій духовнымъ особамъ покупать *провизіи* въ Римѣ, можнобъ было подумать вдругъ, что сіе запрещеніе касается до покупки хлѣба или другихъ съѣстныхъ припасовъ; но разсматривая истинную причину сего закона тотчасъ узнать можно, что слово провизія значитъ опредѣленіе церковниковъ къ выгоднымъ мѣстамъ, покупаемое у Папы.

4.) Чтожъ касается до дѣйствій и слѣдствій, то въ семъ случаѣ есть

пра́вило, что когда слова̀ въ собственномъ своемъ смыслѣ взятыя не имѣютъ никакого знаменованія; или и имѣютъ, но неудобопонятное, въ такомъ случаѣ можно нѣсколько отъ смысла ихъ удалиться. Законъ *Булонской*, о которомъ говоритъ Пуффендорфъ, и коимъ повелѣвалось, что *всякъ тотъ, кто прольетъ кровь на улицѣ, долженъ бытъ наказанъ съ величайшею строгостію*, по многимъ спорамъ истолкованъ былъ, что его не должно относить къ Лѣкарю, пускающему кровь упадшему на улицѣ въ обморокъ человѣку.

5.) Напослѣдокъ главнѣйшее и вѣрнѣйшее средство къ сысканію истиннаго смысла закона, когда слова̀ онаго сомнительны, есть разсматриваніе причины и сущности онаго, то есть, какая была побудительная причина къ изданію его. Ибо когда оная побудительная причина уничтожается, то съ нею вмѣстѣ уничтожается и самой законъ. Мы имѣемъ сему примѣръ въ случаѣ, пред-

предложенномъ намъ отъ Цицерона, или по крайней мѣрѣ отъ сочинителя разсужденія къ Гереннію надписаннаго. Былъ законъ, которымъ опредѣлено было, что тѣ, кои оставятъ судно во время бури, лишаются владѣнія своего надъ нимъ, и что оное судно и со всѣмъ грузомъ долженствуетъ принадлежать тѣмъ, кои его не оставятъ. Случилось, что во время опасной бури всѣ бывшіе на суднѣ оставили оное, кромѣ одного пассажира, которой за великою болѣзнію своею не могъ съ онаго сойти, и какъ по случаю оное судно пришло въ пристань, то больной требовалъ, чтобъ то судно отдано было ему по силѣ упомянутаго закона. Тогда всѣ законоискусники единогласно объявили, что оной законъ не можетъ относиться къ сему человѣку, будучи здѣланъ ко ободренію матросовъ подвергать опасности жизнь свою для спасенія судовъ: заслуга, коей больной не могъ себѣ приписать; ибо онъ не для сей причины остался на суднѣ и ни сколько не вспомоществовалъ спасенію онаго.

Изъ сего-то способа истолкованія законовъ чрезъ причины, для коихъ они здѣланы, происходитъ *правота*, которая по опредѣленію Гроція, *есть поправленіе дѣлъ, въ разсужденіи коихъ законъ обширностію своею бываетъ не достаточенъ.* Ибо когда законъ не могъ всего предвидѣть и изъяснить, то надобно, когда общія повелѣнія относятся къ частнымъ случаямъ, чтобъ была власть, имѣющая право опредѣлять и означать обстоятельства, коихъ бы и самъ законодатель не пропустилъ, естьлибъ ихъ предвидѣлъ Сіи-то случаи *законъ не точно опредѣляетъ*, *но произволенію благоразумнаго человѣка предоставляетъ*, какъ говоритъ Гроцій.

Итакъ, когда *правота* зависитъ отъ обстоятельствъ частныхъ случаевъ, то не можно предписать непремѣнныхъ о ней правилъ, не разрушивъ сущности ея и не превративъ ее въ законъ положительной. Съ другой стороны не надлежитъ давать вольности раз-

разбирать всѣ случаи по единой правотѣ и простирать весьма далеко, дабы не разрушить чрез то законов и не подвергнуть всѣх вопросов благоразсужденію Судьи. Закон без правоты коликоб он ни был суров, весьма предпочитать надлежит, для самой общественной пользы, правотѣ без закона; ибо в сем послѣднем случаѣ всякой Судія учинился бы законодателем, от чего произошлоб безмѣрное замѣшательство: по тому что тогда в наших судебных мѣстах стольկоб явилось разных правил для дѣйствій человѣческих, сколько находится разности в способностях и мнѣніях человѣческих.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ
ПРЕДИСЛОВНАГО РАЗСУЖДЕНІЯ

О законахъ Аглинскихъ.

Законъ гражданскій въ Англіи, или пра́вило гражданскаго поведенія, предписанное обывателямъ здѣшняго Королевства, можетъ свойственно раздѣленъ быть на два рода, а именно, на законъ *не писанной* или *обычайной*, и на законъ *писанной* или *уложе́нной*.

Законъ *не писанный* заключаетъ въ себѣ не токмо общія обыкновенія, или законъ собственно такъ называемый обычайный, но также и особливыя каждой части здѣшняго государства обыкновенія, и кромѣ обыкновеній законъ не писанный заключаетъ въ себѣ и оные осо-

особливые законы, какіе только обыкновеніемъ введены и наблюдаются токмо въ нѣкоторыхъ нашихъ присудственныхъ мѣстахъ и судищахъ.

Когда я называю сіи части нашего закона не писаннымъ закономъ, то чрезъ сіе не должно разумѣть, якобы всѣ оные законы были и нынѣ лишь только устные и сообщенные намъ отъ прежнихъ вѣковъ изустнымъ токмо словомъ. Правда, что въ глубокой древности и незнаніи наукъ, простиравшихся съ нача́ла по всему западному свѣту, всѣ законы народовъ сохраняемы были въ словесныхъ преданіяхъ и то по явной сей причинѣ, что самые тѣ предуправляемые такими законами народы не имѣли почти и понятія о писаніи и печатаніи. Такимъ образомъ Британскіе и Галлическіе древніе жрецы Друиды, по увѣренію Юлія Кесаря, сохраняли всѣ свои законы и ученія въ одной памяти, и Спельманъ утверждаетъ, что и первоначальные на нашемъ островѣ Саксонцы, равномѣр-

мѣрно какъ и ихъ единоплеменники, обитавшіе во внутренности Эвропы, въ единой памяти и употребленіи содержали свои законы, sola memoria et vsu retinebant leges; остатки и доказательства такихъ нашихъ законныхъ обыкновеній нынѣ у насъ хранятся въ протоколахъ приказныхъ, въ книгахъ и рѣшеніяхъ судебныхъ, и въ разныхъ сочиненіяхъ ученыхъ изслѣдованы и доставлены намъ изъ глубочайшей древности. Но не взирая на сіе, я всѣ оныя печати ужѐ преданныя части нашего закона назвалъ закономъ не писаннымъ потому, что первоначальное ихъ установленіе и сила не были съ нача́ла писанію преданы такъ, какъ нынѣшніе наши Акты Парламентскіе; а получили они свою обязывающую власть и силу закона отъ долговременнаго и повсемственнаго своего воспріятія и употребленія въ здѣшнемъ государствѣ. Подобнымъ образомъ и Авлъ Геллій законъ не писаннымъ опредѣляетъ быть тотъ, *который мысленнымъ и безписьменнымъ*

лю-

людей согласіемъ и обыкновеніями наблюдается.

Всѣ наши древніе законоискусники, а особливо Фортескю, весьма сильно и ревностно утверждаютъ, что сіи законныя обыкновенія суть столько же древнія, сколько и самые первоначальные Британцы, и что оные при всѣхъ различныхъ перемѣнахъ правленія и обывателей продолжались до нынѣшнихъ временъ и доставлены намъ въ цѣлости не перемѣненными и не подложными. О *правдоподобіи сего могутъ нѣкоторые думать какъ хотятъ.* Но вообще, какъ Господинъ Селденъ примѣчаетъ, сіе утвержденіе разумѣть должно съ такимъ только допущеніемъ, чтобъ оное, какъ-то и самая истинна доказываетъ, не иное въ себѣ заключало, какъ то единственно, что у насъ издревле не было формальнаго промѣну одной системы законовъ на другую; хотя впрочемъ по смѣшенію приходившихъ къ намъ и преселявшихся разныхъ народовъ, какъ на примѣръ, Рим-

Римлянъ, Пиктовъ, Саксонцовъ, Датчанъ и Нормандцовъ, чужестранныя обыкновенія за ними конечно введены и нечувствительно соединились съ нашими прежними во едино законостеченіе обычайное; и отъ сего самаго обстоятельства, можетъ статься, наши частныя обыкновенія въ своей цѣлости получили больше премудрости и совершенства отъ присоединенія къ себѣ обыкновеній изъ частныхъ и различныхъ странъ. Сіе самое подтверждаетъ и Лордъ Бекнъ (Баконъ) говоря объ нашихъ древнихъ законахъ, *яко бы* оные были столько съ чужестранными смѣшены, сколько и самой нашъ Аглинской языкъ, и какъ де нашъ языкъ чрезъ то здѣлался наизобильнѣйшимъ, то равнымъ образомъ нашъ и законъ отъ такого смѣшенія сдѣлался больше полнымъ.

При семъ же и всѣ наши древностей описатели и Историки заподлинно увѣряютъ, что древнее изложеніе нашихъ законовъ было дѣйствительно

такого смѣшеннаго существа. Ибо всѣ они единогласно повѣствуютъ, что при Королѣ Алфредѣ помѣстныя обыкновенія законныя въ разныхъ провинціяхъ государства столько умножились, что онъ изо всѣхъ сихъ обыкновеній принужденъ былъ здѣлать свое новое изложеніе правъ, названное судебникомъ, *Домъ-Букъ* поаглински (*), для всеобщаго употребленія во всемъ государствѣ. Говорятъ, что сія книга находилась въ цѣлости даже и въ поздыя времена Короля Эдуарда четвертаго, но по нещастію нынѣ оная потеряна, и весьма уповательно, что въ сей книгѣ заключались главнѣйшія статьи обычайнаго закона, наказанія законо-

(*) *Домъ-Букъ* или *Думъ-Букъ* происходитъ отъ Саксонскаго слова *домъ* или *думъ*, которое значитъ судъ или приговоръ, и отъ котораго въ Аглинскомъ языкѣ произошелъ и глаголъ *to doom ту думъ*, судить или думать. Отъ сего въ старинномъ Рускомъ языкѣ, какъ то думать можно, назывались Думными Дьяками Секретари, и Думными Боярами Министры. А можетъ быть сіе слово и Саксонцы отъ древнихъ Славянъ заняли.

конопреступленій и обряды судопроизводствЪ. Столько мы можемЪ знать о сей книгѢ лишь только по одному гаданію, утверждающемуся на оставшемся у насЪ наказѢ, данномЪ для наблюденія содержавшихся вЪ сей книгѢ законовЪ КоролемЪ ЭдуардомЪ старшимЪ, сыномЪ АлфредовымЪ. ВЪ остаткахЪ сего Эдуардова наказа слова̀ суть слѢдующія: „ВсѢмЪ присудствующимЪ и „правоправящимЪ наиприлѢжнѢйше по„велѢваемЪ, чтобЪ всѢмЪ себя безпри„страстными оказывали Судіями, и „поступали бы во всемЪ по *точному* „предписанію, *содержащемуся* вЪ судеб„никѢ, Саксонски называемомЪ *Дом„векъ*; и чтобЪ не опасаясь никакой „опалы судили смѢло и свободно по „закону обыкновенному, Саксонски на„зываемому *Полкпихре*.„

Но при воспослѢдовавшихЪ за симЪ вскорѢ набѢгахЪ и поселеніяхЪ ДатчанЪ вЪ Англіи новыя введены обыкновенія, которыя здѢлали сіе уложеніе Алфредово во многихЪ провинціяхЪ не

не употребительнымъ, а по крайней мѣрѣ перемѣшали и перепортили оное другими хуждшими узаконеніями, такъ что въ началѣ одинатцатаго вѣка три главнѣйшія системы законовъ усилились въ разныхъ провинціяхъ Аглинскихъ. *Первая* изъ такихъ система называлась *Мерсенскихъ законовъ*, которые употребляемы были во внутреннихъ провинціяхъ Англіи и въ области Валлижской, бывшей издревле убѣжищемъ стариннымъ Британцамъ, и по тому сія система весьма уповательно была перемѣшена съ древними Британскими или Друидскими обыкновеніями. *Вторая* была законовъ *западносаксонскихъ*, которые употреблялись въ провинціяхъ сего острова южныхъ и западныхъ, начинающихся отъ провинціи Кентской и простирающихся до Девонширской. Сіи законы уповательно были тѣ же самые, каковы были и Алфереда выше упомянутаго, которые въ его владѣніяхъ, а особливо въ Беркширской провинціи, его особливой резиденціи, составляли законъ

гражданской. *Третья* употребительною была система *законов Дацких*, коих и одно наименованiе доказываетъ явственно, откуда ихъ происхожденiе и смѣшенiе послѣдовало. Сiи законы совокупно съ другими наблюдаемы были во внутреннихъ провинцiяхъ и при морскихъ берегахъ Англiи, лежащихъ къ востоку и подверженныхъ частымъ набѣгамъ морскихъ разбойниковъ. Чтожъ касается до самыхъ сѣверныхъ провинцiй Британнiи, оныя тогда управляемы были особливыми своими законами и имѣли особливое у себя правленiе.

Изъ сихъ трехъ системъ законовъ, говорятъ Роджеръ Говеденъ и Ранульфъ Цестренсисъ, собралъ Король Эдуардъ Конфессоръ одно всесодержащее изложенiе законовъ для употребленiя и наблюденiя онаго во всемъ государствѣ. При всемъ томъ, самъ Говеденъ и издатель старинной у насъ рукописной хроники или лѣтописи увѣряетъ также, что дѣло сего изложенiя предпрiято и начато было еще дѣдомъ Эдуар-

до-

довымъ, Королемъ Эдгаромъ. Да и сомнѣваться о семъ нѣтъ причины; ибо всеобщее изложенiе подобнагожъ существа встарину всегда и вездѣ удобнымъ представлялось, и по тому и въ дѣйствiе производилось многими и великими государствами, здѣлавшимися изъ присоединенiя не большихъ провинцiй, управляемыхъ своими особливыми обыкновенiями законными. Такое изложенiе правъ здѣлано было въ Португаллiи въ началѣ пятагонадесять вѣку при Королѣ Эдуардѣ, и въ Гиспанiи при Алонзѣ X. *которой* въ 1250. году подобноежъ изложенiе довершилъ, начатое отцемъ его Сентъ-Фердинандомъ, и собравши оное изо всѣхъ провинцiальныхъ обычайныхъ законовъ наименовалъ изложенiемъ правъ отечественныхъ, погиспански *Ласъ-Партидасъ*. Около того же времени и въ Швецiи всеобщее изложенiе обычайнаго закона собрано было изъ особливыхъ обычаевъ, уставленныхъ *Лахманами* всякой провинцiи, и названо пошведски *Ландзлахъ*,

во всемъ подобно названію нашего обычайнаго закона въ Англіи.

Оба оныя предпріятія Короля Эдгара и Эдуарда Конфессора повидимому клонились не къ чему другому, какъ токмо къ новому изданію и обнародованію Алфредова уложенья, называемаго *Домъ-Букъ*, съ такими при ономъ прибавленіями и пополненіями, какія только опытъ цѣлаго вѣка съ половиною имъ доставить могъ. Ибо Алфреда всѣ Историки называютъ основателемъ законовъ Аглинскихъ, а Эдуарда Конфессора возобновителемъ оныхъ. Сіи-то самые суть законы, которые всѣ наши Историки столь часто называютъ законами Эдуарда Конфессора; за сіи наши предки столь упорно стояли противъ прежде бывшихъ у насъ Государей Нормандскихъ, и послѣдовавшіе за оными другіе Государи сіи самые законы столь часто обѣщевали хранить и возобновлять наиторжественнѣйшимъ и всенароднымъ образомъ, когда понуждаемы были къ тому чуже-

жестранными и домашними злоключеніями; сверьхъ сего сіи законы выдержали и оныя не однократныя, на испровержение ихъ чинимыя, покушенія Римскаго закона, которой въ дванадесятомъ вѣкѣ утвердилъ новую имперію Римскую во внутренности Европы надъ многими государствами, которыя за воспріятіемъ сего закона потеряли свою вольность и поработились Папѣ, когда напротивъ сему свободная Англія удержаніемъ своего отечественнаго законоположенія несравненно больше поправилась, нежели повредилась. Кратко сказать, сіи законы подали начало и основаніе оному собранію правилъ и обычаевъ законныхъ, которое нынѣ у насъ всѣмъ извѣстно подъ именемъ общественнаго закона. Такое наименованіе обыкновенному закону дано у насъ или въ противорѣчіе другимъ, какъ на примѣръ, Статутному, Римскому, купеческому и подобнымъ симъ законамъ; или, можетъ статься, дано ему сіе наименованіе и для того, что онъ общій всему здѣшнему государству. Такое наименованіе пра-

пра́ва общаго, поаглински *Фэлкъ Райтъ*, упомянуто и Королемъ Эдуардомъ старшимъ, вскорѣ послѣ уничтоженія разныхъ провинціальныхъ обыкновеній и частныхъ законовъ выщепомянутыхъ.

Но хотя такое основаніе сего собранія пра́вилъ и обычаевъ есть и весьма вѣроятное; однакожъ самыя оныя пра́вила и обыкновенія такимъ образомъ собранныя суть несравненно глубочайшей древности, нежели какую память и Исторія наша достигнуть можетъ. Нѣтъ *ничего для* насъ труднѣе, какъ утвердить точное начало и происхожденіе древнихъ и долговременно наблюдаемыхъ обычаевъ народныхъ. Отсюда-то и произошло, что въ нашемъ законѣ правота и доброта обычая вся зависитъ отъ его долговременнаго и непамятуемаго употребленія въ народѣ. То есть, правота обыкновенія, какъ у насъ и по приказному говорится, вся утверждается на времени, которому вопреки и памяти

чело-

человѣческой недостаетъ. Сіе-то самое даетъ обычаямъ важность и силу, и такого существа суть пра́вила и обыкновенія, которыя составляютъ обыкновенный или общій законъ не писанный здѣшняго королевства.

Не писанный или общій законъ у насъ приличественно раздѣляется на три рода: 1. На общія обыкновенія, которыя суть всеобщимъ пра́виломъ для всего государства, и составляютъ общій законъ въ ближайшемъ и употребительнѣйшемъ его знаменованіи. 2. Раздѣляется онъ на особливыя или частныя обыкновенія, которыя по большой части касаются только до обывателей въ особливыхъ провинціяхъ. 3. Раздѣляется онъ на нѣкоторые особливые законы, которые обыкновеніемъ приняты и употребляются токмо въ нѣкоторыхъ особливыхъ и довольной власти судищахъ.

I. И вопервыхъ, что касается до всеобщихъ обыкновеній, составляющихъ

собственно называемый законъ Аглинскій общій; то по сему закону судопроизводства и опредѣляемыя рѣшенія предуправляются и производятся въ королевскихъ судилищахъ обыкновенныхъ Юстицкихъ. Сей законъ по большой части установляетъ порядокъ вотчинныхъ владѣній по наслѣдству; способъ и обрядъ въ пріобрѣтеніи и отчужденіи собственности имѣній; прáвила, касательныя до толкованія завѣщаній, Актовъ парламентскихъ и до всякихъ здѣлокъ канцелярскихъ; обряды и обязательства договоровъ; особливыя удовлетворенія за оскорбленія гражданскія; соразмѣрныя наказанія за временныя обиды, равномѣрно какъ и другія премногія меньшей важности распредѣляетъ дѣлà, какихъ только по сему закону обыкновенное доставленіе правосудія касаться можетъ. Чтобъ изъяснить выше сказанное больше примѣрами, то сей законъ установляетъ быть четыремъ главнымъ правительствамъ хранилищнымъ, канцлерскому, королевскому, судопроизводительному общему, и государ-

сударственному казначейскому. Определяетъ также сей законъ, чтобъ старшій сынъ, или первенецъ, былъ одинъ наслѣдникомъ въ недвижимомъ имѣніи; чтобъ собственность имѣнія была пріобрѣтаема и отчуждаема по крѣпостямъ; чтобъ всякое обязательное дѣло не было дѣйствительнымъ, пока оное не будетъ формально запечатано и вручено; чтобъ завѣщанія толкуемы были снисходительнѣе, а обязательныя дѣла строже; чтобъ данныя въ взаймы деньги подъ *обязательствомъ* взыскуемы *были челобитною, подлежащею* на должника; чтобъ нарушеніе спокойства общаго почиталось оскорбленіемъ, и какъ такое наказуемо было денежнымъ штрафомъ и заключеніемъ тюремнымъ. Всѣ сіи узаконенія нигдѣ въ нашихъ Статутахъ не написаны, а утверждаются единственно на долговременномъ употребленіи, то есть, на законѣ общемъ или обычайномъ, какъ на одномъ своемъ укрѣпленіи.

Нѣко-

Нѣкоторые у насъ раздѣляли законъ общїй или обычайный на двѣ главнѣйшїя части: 1. На обыкновенїя утвержденныя, каковыми, на примѣръ, установляется, чтобъ изъ трехъ братьевъ старшїй былъ наслѣдникомъ второму съ изключенїемъ отъ наслѣдства третьяго 2. На утвержденныя пра́вила и положенїя, по каковымъ, на примѣръ, Король подразумѣвается не могущимъ дѣлать зла, и въ силу которыхъ никакой человѣкъ не обязывается обвинять самъ себя; и на прочїя симъ подобныя *пра́вила и положенїя*. Но таковыя *раздѣленїя* почитаю я излишними, поколику важность сихъ пра́вилъ утверждается единственно на всеобщемъ ихъ принятїи и употребленїи, и доказать таковыя пра́вила и положенїя принадлежащими къ закону общему или обычайному, мы инако не можемъ, какъ токмо однимъ показанїемъ, что всегда было такое обыкновенїе оныя наблюдать.

Но отсюда происходитЪ весьма важной вопросЪ, какимЪ образомЪ сіи обыкновенія и положенія можно разпознавать, и кто ихЪ силу можетЪ опредѢлять? ОтвѢтЪ на сіе короткій есть, Судьи Юстицкіе оное все могутЪ дѢлать: они составляютЪ хранилище нашихЪ законовЪ; они суть живые прорицалища оныхЪ; они обязаны всѢ сомнительные вЪ законѢ случаи рѢшить, и рѢшить подЪ присягою все по закону отечественному; ихЪ знаніе сего закона, какЪ говоритЪ Фортескю, *должно почерпаемо быть* изЪ опытовЪ и ученія двятцатилѢтняго, и изЪ долговременной привычки кЪ судебнымЪ рѢшеніямЪ, дѢланнымЪ ихЪ предшественниками. И заподлинно сіи судебныя рѢшенія могутЪ служить главнѢйшимЪ и не оспоримымЪ доказательствомЪ бытія такихЪ у насЪ обыкновеній, которыя составляютЪ часть закона общаго или обычайнаго. Самой судЪ по сему закону и предварительныя оному судопроизводства всѢ тщательно у насЪ переписаны хранятся вЪ протоколахЪ

и

и архивахъ для сего особливаго употребленія, и съ оными прежде рѣшенными дѣлами частое имѣется сношеніе во всякихъ сомнительныхъ рѣшеніяхъ, въ какихъ только прежнія судопроизводства могутъ служить объясненіемъ и вспомоществованіемъ судителю сего закона и дѣлъ. По сей причинѣ мы видимъ, что и во времена у насъ завоеванія Нормандскаго знаніе происходившихъ по древнему закону судопроизводствъ почиталось первоначальнымъ качествомъ для желающихъ совершенно знать законъ *отечественный*. Ибо на *то у насъ и пра́вило положено*, чтобъ случившіяся одинакаго существа дѣла̀ спорныя рѣшить по сношенію съ прежде рѣшенными, дабы тѣмъ равновѣсіе удержать истинны не преклоняемымъ на всякое новое мнѣніе Судіи, которой присягою обязанъ рѣшить дѣла̀ не по своему собственному разсужденію, но по точнымъ законамъ и обыкновеніямъ отечественнымъ. Ему не позволительно произносить новой судъ, но утверждать и

тол-

толковать старой. Однакожъ и на сiе правило бываетъ изъятiе въ случаѣ, когда прежняго судопроизводства опредѣленiе явно учинено въ противность разуму, и въ противность божественному закону. Да и въ такихъ случаяхъ новые Судьи не почитаются издающими новой законъ, а паче обязываются выправлять старой отъ худыхъ толкованiй. Ибо естьли и заподлинно окажется прежнее рѣшенiе какого нибудь дѣла явно не справедливымъ, то такого не должно объявлять учиненнымъ по худому закону, но учиненнымъ и отнюдъ не по закону, то есть, что оное рѣшенiе здѣлано ошибкою, и не по обыкновенiю, принятому и наблюдаемому въ государствѣ. Для сей причины и Судьи наши достойно выхваляютъ съ избыткомъ справедливость общаго или обычайнаго нашего закона, когда оный называютъ совершенiемъ и предуправленiемъ къ совершенiю разума; и содѣваемое не по разуму содѣланнымъ и не по закону быть утверждаютъ. Такое утвержденiе

ніе пріемлется не для доказанія, что и всякому пра́вилу закона, въ толь дальномъ отъ насъ разстояніи времени особливая и точная можетъ быть назначена разумомъ причина; но довлѣетъ здѣсь, естьли не будетъ въ пра́вилѣ положенномъ ничего противнаго разуму, и по тому законъ ужѐ призна́етъ оное пра́вило порядочно основаннымъ. Да и въ законѣ Аглинскомъ издревле примѣчено, что принятаго пра́вила въ законѣ, [хотя бы онаго точная причина или разумъ намъ и не извѣстны были, когда нарушаемо было новыми законоположеніями,] премудрость напослѣдокъ всегда открывалась изъ самыхъ неудобствъ, кои слѣдовали за такимъ новымъ положеніемъ.

Итакъ законоученіе изъ сего выводится слѣдующее: примѣрамъ и пра́виламъ должно послѣдовать, естьли оныя не будутъ совсѣмъ не справедливыя и не дѣльныя. Ибо хотя бы оныхъ причины намъ сперьва и не извѣстны

были,

были, однакожъ мы уважая древнія времена, не должны заключать, что такія правила и примѣры дѣланы были безъ всякаго разсужденія. Чтобъ объяснить сіе законоученіе примѣрами, положимъ, что было такое узаконеніе во времена нами и непамятуемыя, по которымъ установлено, чтобъ пасынокъ съ отцовской, равномѣрно какъ и съ материнской стороны, не могъ наслѣдить имѣнія пасынковажъ, то есть, чтобъ сведенные дѣти не наслѣдовали имѣнія сведенныхъ дѣтей; но чтобы *по смерти таковыхъ оставшееся имѣніе отдаваемо было Государю или обладателю верьховному тоя земли.* Здѣсь мы видимъ законъ положительный, введенный обыкновеніемъ и судебными рѣшеніями доказанный; почему какъ отъ таковаго никакой новой судья не можетъ никогда отступить безъ нарушенія своей присяги и закона. Да въ семъ же случаѣ кажется ничего нѣтъ и противнаго естественной справедливости, хотя бы вымышленная тому причина, выведенная изъ Февдаль-

наго пра́ва и не всякому извѣстна была; слѣдовательно естьли бы новый судья и уваживъ претерпѣваемое пасынками изъ сего законоположенія утѣсненіе, и пожелалъ бы ихъ дѣло инако рѣшить: однакожъ онъ за силою такъ яснаго положенія никакъ не можетъ отмѣнить сего закона. На противъ того естьли бы какое нибудь судебное мѣсто отважилось утвердить, чтобъ старшей пасынокъ, или сведенное со стороны отцовской или материнской дитя, могъ наслѣдить и овладѣть землями, купленными *родившимся* опослѣ *меньшимъ его братомъ*; въ такомъ случаѣ новые судьи безъ всякаго сомнѣнія могутъ отозваться, что прежде зделанное до нихъ такое опредѣленіе было несправедливое и беззаконное. И такъ изъ сего довольно явствуетъ, что *законъ* и *мнѣніе судейское* суть слова̀ не всегда одно значащія, поколику нерѣдко случается, что судья иногда и ошибиться можетъ въ разумѣніи закона. Однакъ вообще мы можемъ то принять за главное пра́вило „ *что рѣшенія Юс-*

„ *тиц-*

„ *тицкихъ судебныхъ мѣстъ суть пра-*
„ *ктическія доказательства нашего*
„ *общаго или обычайнаго закона*„ то есть они суть примѣрныя и образцовыя для всякаго впредь случающагося рѣшенія, подобно какъ и въ Римскомъ законѣ, все то, что Императоръ единожды узаконилъ, служитъ примѣромъ и предуправленіемъ навсегда и впредь.

По сей причинѣ въ Англіи судебныя рѣшенія весьма уважаются и хранятся какъ вѣрнѣйшія записки не токмо въ Архивахъ разныхъ судебныхъ мѣстъ, но и издаются печатными для всенароднаго свидѣнія во множествѣ книгъ называемыхъ *репортами*, которыя для приказнаго человѣка составляютъ наилучшую библіотеку. Сіи репорты составляютъ исторію различныхъ и примѣрныхъ рѣшеній судебныхъ, съ показаніемъ при томъ краткимъ судопроизводствѣ, хранимыхъ во всей подробности своей при Архивахъ, и съ пріобщеніемъ доказательствъ дѣла

съ обѣихъ сторонъ равномѣрно какъ и самыхъ причинъ, данныхъ судьею при рѣшеніи. И сіи то судебныя рѣшенія служатъ къ объясненію рѣшимыхъ дѣлъ, для которыхъ во всякихъ тонкостяхъ и сомнительствахъ судьи обыкновенно велятъ пріискивать старыя рѣшенія и съ оными сношенія дѣлать. Таковые *репорты*, начатые по порядку со временъ Короля Эдуарда втораго, и продолжаемые до временъ Генрика осьмаго собираемы были главными писцами Канцелярскими, и коштомъ государственнымъ печатаемы и обнародываемы ежегодно. Отъ чего они и назывались годичными книгами, поаглински *year books*. Желательно бы было, естьли бы сіе толь полезное печатаніе канцелярскихъ дѣлъ подъ лучшимъ предуправленіемъ продолжаемо было и по днесь. Ибо хотя Король Іяковъ первый по представленію Лорда Бакона и опредѣлилъ было двухъ издавателей сего дѣла въ свѣтъ на государственномъ иждивеніи, однако сіе премудрое учрежденіе вскорѣ пренебрежено, и со временъ Генрика осьма-

съмаго даже до нынѣшняго времени сіе дѣло продолжаемо было разными приватными людьми, которые иногда ошибкою и неразумѣніемъ печатали весьма грубыя, несовершенныя и противорѣчущія между собою рѣшенія судебныхъ дѣлъ. Почитающіяся же у насъ наилучшими и вѣрнѣйшими обнародованныя древнія рѣшенія суть тѣ, которыя собралъ и напечаталъ самъ президентъ Юстицкой Кокъ, мужъ несравненнаго знанія въ семъ дѣлѣ, хотя при томъ былъ и немало зараженъ *Педанствомъ* тогдашнихъ временъ, каковымъ всѣ его сочиненія наполнены. Но при всемъ томъ, его сочиненія столь много уважаются, что выводимыя изъ оныхъ на судѣ доказательства пріемлются даже и безъ упоминанія его имени.

Сверхъ сихъ издателей приказныхъ дѣлъ, есть еще и другіе, которымъ великое уваженіе отдаютъ учащіеся закону общему. Изъ таковыхъ суть Главниль и Брактонъ, Литльтонъ

тонъ

тонъ и Финцгербертъ, Бритонъ и Флета и подобные симъ другiе древнiе, коихъ сочиненiя уважаются и поставляются въ доказательство, что и въ преждебывшихъ дѣлахъ судебныхъ такiя то и подобныя пункты рѣшимы были такъ: оныя нынѣ приняты ужѐ въ законѣ и за главныя начала. Одинъ изъ сихъ по времени послѣднiй Юридическiй писатель, о которомъ мы лишь только теперь упомянули, Сарръ Эдуардъ Кокъ, издалъ четыре книги, которые онъ назвалъ *настапленiями закона* хотя они и весьма мало имѣютъ въ себѣ такого наставительнаго порядку, что бы заслуживали сiе наименованiе. Въ первой его книгѣ содержится весьма пространное толкованiе на маленькое прекрасное сочиненiе, изданное о землевладѣнiяхъ судьею Литльтономъ при Эдуардѣ четвертомъ. Въ семъ толкованiи содержится великое сокровище ученiя принадлежащаго до закона общественнаго, собраннаго изъ древнихъ репортовъ и годичныхъ книгъ; но оное сочиненiе есть весьма недостаточно въ на-

надобномъ порядкѣ. Во второй его книгѣ содержится толкованіе на многіе старинные акты Парламентскіе, и также безъ всякаго систематическаго порядка издано. Въ третьей заключается порядочнѣйшее описаніе судопроизводствъ Королевскихъ. Четвертая и послѣдняя его книга наполнена описаніями различныхъ судебныхъ мѣстъ.

И такъ довольно будетъ вышесказаннаго для главнаго основанія закона Аглинскаго, состоящаго изъ древнихъ обыкновеній, называемаго закономъ общимъ, объясняемаго и утверждаемаго рѣшеніями судебными, которыя рѣшенія хранятся у насъ въ публичныхъ Архивахъ, изъясняются въ нашихъ репортахъ и издаются въ народъ для всеобщаго употребленія въ сочиненіяхъ почтеннѣйшихъ и законоискусныхъ мужей.

Что касается до Римскаго закона, то и сей въ первоначальной республикѣ употребляемый великое также отдавалъ

уваженіе къ своимъ древнимъ обыкновеніямъ, хотя впрочемъ и не столько, сколько онымъ нашъ Аглинской законъ отдаетъ: ибо Римской законъ тогда только послѣдовалъ обыкновенію, когда не доставало писаннаго или положительнаго права. Данныя во всесодержащемъ изложеніи Римскомъ или въ Пандектахъ причины довольно насъ оправдаютъ въ томъ, когда мы обычайной законъ и на равнѣ поставляемъ съ писаннымъ и положительнымъ закономъ. „ Ибо какъ Юстиніянъ говоритъ, писанной законъ *обязываетъ*
„ насъ не *по другой какой причинѣ*;
„ какъ токмо по тому, что народъ
„ оный принялъ и призналъ за законъ;
„ слѣдовательно и тѣ законы, кото-
„ рые народъ признаетъ и наблюдаетъ
„ безъ написанія, *должны* также обя-
„ зывать всякаго; да и какая въ
„ томъ разность, когда народъ при-
„ знаетъ издаваемый законъ по голо-
„ самъ или и благопримѣнитель-
„ нымъ къ оному поведеніемъ. „ Смотри Пандекты P. II. I. tit. 3. L. 32.

такъ

такъ Римляне о семъ разсуждали покуда въ Римѣ были еще нѣкоторые остатки вольности; но когда у нихъ императорское тиранство совершенно утвердилось, тогда и гражданской ихъ законъ началъ совсѣмъ другимъ языкомъ говорить. Ибо Улпіянъ утверждаетъ, „что нравится Государю, то „имѣетъ и силу закона, поколику на„родъ ему все свое право и власть от„далъ„ и уложеніе Юстиніяново говоритъ „единъ Императоръ есть из„датель и толкователь закона, и со„противленіе императорскому указу, „за святотатство почитать должно„ D. Lib. 1. tit. 4. L. 1 C. Lib. tit. 14. L. 12. et tit. 23. L. 5. и по истиннѣ сказать тѣмъ самымъ наибольше доказывается Аглинскаго народа и вольность, что нашъ общій законъ зависитъ отъ обыкновенія, которое уповательно, совокупно съ вольностію было введено по согласію произвольному народа.

II. Вторую часть неписанныхъ законовъ Аглинскихъ составляютъособ-

ливыя обыкновенія или законы, касательные только до обывателей, живущихъ въ особливыхъ уѣздахъ.

Сіи особливыя обыкновенія, а по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ сихъ суть безъ сомнѣнія остатки отъ оныхъ множественныхъ помѣстныхъ обыкновеній вышеупомянутыхъ, изъ которыхъ нынѣшній общій законъ собираемъ былъ сперьва Королемъ Альфредомъ, а потомъ Эдгаромъ и Эдуардомъ Конфессоромъ. Каждой тогда уѣздъ пожертвовалъ удѣленіемъ своихъ особливыхъ обыкновеній, дабы совокупно все государство могло воспользоваться единообразною и всеобщою системою законовъ. Но по причинамъ, которыхъ за долговременностью никто теперь и не помнитъ, особливыя Графства, уѣзды, города̀, области и волости, вскорѣ послѣ того получили себѣ снисходительныя привилегіи жить на своихъ законныхъ обыкновеніяхъ отличенными отъ прочихъ въ государствѣ городовъ и областей; которыя при-

привилегіи напослѣдокъ имъ и конфирмованы были разными Актами Парламентскими

Изъ таковыхъ обыкновеній есть называемое *Гепелъ-Кяйндъ*, наблюдаемое въ Кентѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ нашего Королевства, хотя оное можетъ статься и по всемѣстнымъ было до завоеванія Нормандскаго. Сіе обыкновеніе узаконяетъ, чтобъ не старшой токмо сынъ наслѣдовалъ отцовскимъ имѣніемъ, но и всѣ прочія дѣти равномѣрно; и чтобъ не взирая на преступленіе, за которое предшественикъ хотя бы и повѣшенъ былъ, наслѣдникъ могъ обладать имѣніемъ безъ конфискованія онаго на Государя. Изъ таковыхъ обыкновеній есть и оное усилившееся въ разныхъ древнихъ городахъ, и по тому называемое обыкновеніемъ городскимъ Аглинскимъ, по которому меньшой братъ преимущественно предъ всѣми своими старшими братьями наслѣдуетъ недвижимое имѣніе. Изъ таковыхъ есть обы-

обыкновеніе и въ другихъ городахъ, по которому вдова за свое приданое владѣетъ всѣми землями мужними, когда по закону общему она имѣетъ право лишь только на третью часть поземельнаго мужняго имѣнія. Изъ таковыхъ напослѣдокъ суть премногія и другія особливыя обыкновенія наблюдаемыя въ *Лондонѣ*, касательныя до купечества, Сидильцовъ, Вдовъ, Сиротъ и до прочихъ. Всѣ сіи особливыя обыкновенія суть противны закону общему, и дѣйствительны только по особливому употребленію въ *особливыхъ* мѣстахъ, *хотя впрочемъ Лондонскія* обыкновенія конфирмованы также и Актами Парламентскими.

Къ симъ причислить можно и оную особливую систему обыкновеній, употребляемую токмо нѣкоторымъ числомъ Королевскихъ подданныхъ, и называемую обыкновеніемъ или и закономъ купеческимъ. Сія система правъ или обыкновеній купеческихъ хотя и не согласна съ правилами общаго закона, од-

однакожъ сопричтена къ оному и составляетъ общаго закона часть, будучи принята въ законъ для пользы купечества, и употребляема дѣйствительно во всѣхъ коммерческихъ здѣлкахъ: ибо и употребляемое въ сей системѣ пра́вило, есть пра́вило закона, „ чтобъ всякому человѣку въ его иску„ ствѣ вѣрить „ *cuilibet in sua arte credendum est*.

Принадлежащія до особливыхъ обыкновеній пра́вила наблюдаютъ или *доказательство* точнаго бытія, или *законность*, или *позволительность* сихъ обыкновеній. Вопервыхъ мы будемъ разсуждать о правилахъ *доказательства*.

Что касается до особливаго обыкновенія, называемаго *Гепель-Кайндъ*, и Аглинскихъ городскихъ обыкновеній, самой законъ особливое къ симъ имѣетъ уваженіе; и по тому доказывать точное бытіе сихъ обыкновеній не нужно, а требуется только доказать, что спорная вещь или земля подвержена сему обык-

обыкновенію. Прочихъ же всѣхъ особливыхъ обыкновеній должно доказывать и точное бытіе, и спорную вещь, подверженною онымъ: такъ напримѣръ, доказавъ сперьва „ что въ такой-то „ области земельное владѣніе достается „ только мужеска полу наслѣднику „ и никогда женскому; напослѣдокъ „ должно доказывать, что и самая „ та земля, о которой споръ идетъ, „ точно тамъ находится и подлежитъ „ обыкновенію той области. „ Все сіе должно доказывать дванадесятью Джуриманами, а не Судьями, которыми тогда только можно разбирать и доказывать такое дѣло, когда у нихъ такое точно особливое обыкновеніе было прежде судимо, рѣшено и записано въ судебной протоколъ.

Особливыя обыкновенія Лондонскія различествуютъ въ томъ весьма отъ всѣхъ прочихъ, что ихъ бытіе неможетъ быть доказуемо Джуриманами, а токмо по приказанію Лорда Мера и Элдермановъ Протоколистомъ ихъ го-

родскимъ словесно. Однакожъ естьли коснется дѣло и Лондонскаго обыкновенія, въ которомъ общество само интересуется и имѣетъ право, какъ напримѣръ, брать пошлины на заставахъ съ проѣзжающихъ по мостамъ и мостовымъ дорогамъ; то въ такомъ случаѣ законъ не позволяетъ и имъ свидѣтельства дѣлать самимъ собою въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Когда обыкновенія дѣйствительное будетъ доказано *бытіе*, то въ слѣдующемъ надобно доказывать онаго и *законность*. Ибо естьли обыкновеніе неесть доброе, то такого и наблюдать не должно, по оному принятому и утвержденному въ законѣ правилу, худое употребленіе уничтожать должно, *malus usus abolendus est*.

Для составленія всякаго особливаго обыкновенія добрымъ, требуются слѣдующія принадлежности.

1. Надобно, чтобъ оное обыкновеніе было въ употребленіи долговременномъ и не памятуемомъ. Ибо естьли кто нибудь можетъ доказать его начало, то по самому сему доказательству оное здѣлается и не годнымъ обыкновеніемъ. По сей самой причинѣ никакое обыкновеніе не можетъ усилиться противъ Акта Парламентскаго, поколику такое законоположеніе само есть доказательствомъ того времени, въ которое не было такого обыкновенія.

2. Обыкновенію должно быть *продолжаемому*, поколику всякой *прерывъ* можетъ возпричинствовать временное остановленіе, а возобновленіе остановленнаго даетъ оному новое начинаніе, остающееся въ памяти человѣческой, и тѣмъ самымъ дѣлающее уничтоженнымъ обыкновеніе. Но такой прерывъ должно разумѣть въ *правѣ*, а не въ *употребленіи*. Ибо пресѣченіе, или лучше сказать неупотребленіе, единаго токмо владѣнія лѣтъ черезъ десять или двацать, не разрушаетъ обык-

обыкновенія, какъ на примѣръ, естьли-бы обыватели какого нибудь приходу имѣя право обыкновенія поить скотину свою въ извѣстномъ источникѣ, и не поили бы оной лѣтъ черезъ десять въ томъ источникѣ; то обыкновеніе чрезъ то не разрушается, а дѣлается только труднѣйшимъ въ доказательствѣ. Но естьли право самое какимъ нибудь образомъ прервется, хотя только, на единъ день, то тутъ и обыкновенію конецъ.

3. *Обыкновеніе должно быть мирное, спокойное и не подверженное никакому сопротивленію ни спорамъ* Ибо какъ обыкновенія имѣютъ свое начало и происхожденіе отъ общаго народнаго согласія; то ихъ опороченье закономъ, даже и непамятуемое, доказываетъ, что такого согласія на такое-то обыкновеніе когда нибудь не доставало.

4. Обыкновенія должны быть сходственны съ разумомъ, или лучше сказать отрицательно, оныя не должны

быть противны разуму, чрезЪ которой, какЪ СаррЪ ЭдуардЪ КокЪ говоритЪ, не всегда разумѢть должно разумЪ всякаго не ученаго человѢка, но выводимый искусствомЪ и законный разумЪ, состоящій вЪ справедливой и позволительной закономЪ причинѢ. По сему разумѢнію обыкновеніе можетЪ почесться добрымЪ, хотя оному особливой причины и показать не можно; ибо довольно для обыкновенія, естьли оному вопреки не сыщется ни одной законной причины. Такое, на примѢрЪ, есть введенное обыкновеніе, чтобЪ никто вЪ селѢ не выпускалЪ своей скотины на общій выгонЪ до третьяго дня Октября, можетЪ быть добрымЪ; но весьма трудно найти тому причину, для чего точно третій день тому назначенЪ, а не другой какой прежде или послѢ онаго. НапротивЪ сему обыкновеніе, чтобЪ никто вЪ селѢ не выпускалЪ скотины на общій выгонЪ, покуда сперьва помѢщикЪ не выгонитЪ своей, было бы весьма не справедливое, и по тому худое. Ибо случиться можетЪ,

жетъ, что владѣлецъ или помѣщикъ и во все лѣто не пуститъ своей скотины на общій выгонъ для того, чтобъ не пользовались онымъ другіе.

5. Обыкновенія должны быть извѣстныя и не сомнительныя. Ибо обыкновеніе, установляющее, на примѣръ, чтобъ поземельное владѣніе доставалось достойнѣйшему въ родѣ владѣльца наслѣднику, есть никакое, поколику никакъ не можно такого достоинства опредѣлить точно. Напротивъ сему обыкновеніе опредѣляющее, чтобъ наслѣдство низходило къ ближайшему въ родѣ мужеска полу съ изключеніемъ женскаго, есть извѣстное, и по тому доброе. Равнымъ образомъ обыкновеніе платить по двѣ копѣйки съ десятины попу, есть также доброе; но обыкновеніе платить иногда по двѣ, иногда по три копѣйки съ десятины по произволенію землевладѣтеля, есть худое по причинѣ своей неизвѣстности. Однакожъ и обыкновеніе платить въ штрафъ ежегодную прибыль Господину

съ земли, отдаваемой въ Кортому, за неустойку въ договорѣ, есть въ законѣ годное, хотя прибыль годовая съ оной земли, съ начала и не извѣстна, но можетъ напослѣдокъ быть извѣстною, и для того и въ законѣ принято правило: „почитать за извѣстное „то, что можетъ послѣ здѣлаться „извѣстнымъ„. Id certum est, quod certum reddi potest.

6. Обыкновенія хотя установлены и по согласію, однако должны быть обязующими, а не *предоставленными* на волю всякаго такъ, чтобъ кто хотѣлъ, ихъ употреблялъ, а не хотящій и не употреблялъ бы. Почему обыкновеніе полагающее, чтобъ всѣ обыватели платили извѣстную сумму денегъ ежегодно для починки и содержанія въ порядкѣ мосту, можетъ быть годнымъ въ законѣ; но обыкновеніе, чтобъ всякой человѣкъ способствовалъ къ тому, сколько онъ хочетъ, есть пустое, не дѣльное и совсѣмъ не обыкновенное.

7. НапослѢдокъ обыкновенія должны быть между собой согласны, и одно другому не противорѢчущее. Ибо естьли оба суть дѢйствительныя обыкновенія, то имъ обоимъ надлежитъ быть равномѢрной древности, и обоимъ должно быть установленнымъ по согласію народному, чего однакожъ не можно утверждать о противорѢчущихъ между собой обыкновеніяхъ. И такъ естьли одинъ человѢкъ будетъ утверждать, что ему обыкновеніе даетъ право имѢть о́кна въ чужой садъ, то другой человѢкъ не можетъ ужѐ имѢть пра́ва по другому обыкновенію заслонить и задѢлать оныя о́кна. Ибо сіи противорѢчущія обыкновенія оба не могутъ быть годными въ законѢ, и не могутъ быть вмѢстѢ, и по тому должно перваго бытіе опровергать, чтобы здѢлалось другое дѢйствительнымъ.

Что касается до *позволительности* особливыхъ обыкновеній, то изъ таковыхъ принятыя въ пониженіе закону общему должно толковать строго,

а не снизходительно, такъ на примѣръ: положимъ, что по обыкновенію, называемому Гевель-Кяйндъ можетъ и пятнатцатилѣтняго возрасту мальчикъ уступить свою землю на время или вовсе, по одному отчужденію, называемому *Фифментъ*. Но сіе обыкновеніе не уполномочиваетъ его отчуждать своихъ земель другимъ образомъ, и ниже дозволяетъ ему и отчуждать оныхъ на семь лѣтъ. поколику обыкновеніе въ семъ случаѣ должно быть строго толкуемо и наблюдаемо. Сверьхъ сего въ разсужденіи *позволительности* особливыхъ обыкновеній, и то надобно знать, что всѣ особливыя обыкновенія уступаютъ королевскимъ прерогативамъ, и потому естьлибы Король купилъ зѐмли, подлежащія обыкновенію, называемому Гевель-Кяйндъ, по которому всѣ сыновья дѣлаются равномѣрными наслѣдниками имѣній; то по смерти Короля одинъ старшій его сынъ оныя зѐмли наслѣдить можетъ по праву прерогативы королевской, а не по обыкновенію Гевель-Кяйндскому. И такъ

се-

сего довольно для второй части о законахъ *не писанныхъ*, и особливыхъ оныхъ обыкновенiяхъ, касательныхъ до особливыхъ токмо людей и мѣстъ.

III. Въ третьей части законовъ неписанныхъ заключаются оные особливые законы, которые обыкновенiемъ у насъ приняты и употребляются токмо въ нѣкоторыхъ нашихъ мѣстахъ судебныхъ. Чрезъ таковые я разумѣю законы Римской гражданской, и Папежской духовной или Канонической.

Можетъ статься иному съ перваго взгляду покажется страннымъ причисленiе къ не писаннымъ такихъ законовъ, которые напечатаны въ Пандектахъ, Изложенiяхъ, въ Наставленiяхъ, въ Соборахъ вселенскихъ, въ рѣшенiяхъ и опредѣленiяхъ Папежскихъ, и которые утверждены безчисленнымъ множествомъ толкованiй, рѣшенiй и писанiями учеными и пространными обоихъ сихъ правъ. Но къ не писаннымъ законамъ причислю я сiи по

примѣру Господина Ге́ля; ибо всякому извѣстно, что ни гражданское, ни Каноническое Римское право не могутъ у насъ никого обязывать ни по своему написанію и напечатанію въ книгахъ, и нижѐ по содержащейся въ нихъ подлинности и власти, каковыя имѣютъ у насъ писанные наши законы и Акты Парламентскіе. Они не обязываютъ подданныхъ въ Англіи по тому, что собраны и изложены Папами и Императорами. Сіи уваженія не даютъ имъ здѣсь никакой власти ни силы; ибо законодательство Аглинское не *признае́тъ*, какъ-то и *никогда не признавало* никакой чужестранной власти вышшею или равною власти законодательной въ здѣшнемъ государствѣ, и по тому никакая чужестранная власть не можетъ здѣсь нижѐ и послѣдняго изъ подданныхъ обязывать, но вся сила, какую только Папской или Императорской законъ въ здѣшнемъ или и въ другомъ какомъ нибудь государствѣ Эвропейскомъ имѣютъ, зависитъ отъ того единственно, что оные законы были допущены и при-

приняты по долговременному и не памятуемому обыкновенію и употребленію въ нѣкоторыхъ особливыхъ случаяхъ и судебныхъ мѣстахъ; по сему убо они и составляютъ у насъ часть законовъ не писанныхъ или обычайныхъ; а которые и изъ сихъ законовъ у насъ приняты по согласію Парламента, таковые пра́вильно могутъ причисленными быть къ закону у насъ писанному или положительному. Сіе явно изображено въ оныхъ достопамятныхъ словахъ Статута 25. послѣдовавшаго при Королѣ Генрикѣ VIII. въ главѣ 21. „Сіе „Вашего Величества государство, не „признавая по Бозѣ вышшимъ надъ „собой никого кромѣ Вашего Величе„ства, было издревле, и нынѣ есть, „не подверженнымъ никакому другому „закону человѣческому, а такому един„ственно, который въ здѣшнемъ го„сударствѣ изданъ, обнародованъ и „утвержденъ для благополучія онаго, „или и другому подвергается оно та„кому, которой по изволенію Вашего „Величества и Вашихъ предковъ на-

„ родѣ здѣшняго Вашего королевства
„ при всей своей свободѣ и вольности
„ принялъ по собственному согласію
„ для употребленія, и обязался по дол-
„ говременному обыкновенію наблюдать
„ оный, не какъ чужестранный и из-
„ данный отъ чуждаго обладателя или
„ Іерарха; но какъ *обыкновенный* и
„ древній здѣшняго королевства законъ,
„ принятый издревле по вышеска-
„ занному Вашему и Вашихъ предковъ
„ попущенію, по народному согласію и
„ обыкновенію, а не по другому како-
„ му обязательству.„

Чрезъ Римской законъ въ его точномъ знаменованіи разумѣется законъ гражданскій бывшей имперіи Римской. Сей законъ Императоръ Юстиніянъ собралъ и расположилъ въ четырехъ книгахъ, изъ коихъ 1. называется, Краткія Наставленія Римскихъ правъ, 2. Уложенье Юстиніяново, 3. Пандекты или Всесодержащее Изложеніе правъ Римскихъ, и 4. Новелли, или новопослѣдовавшія при Юстиніянѣ и его пріемникахъ

кахъ законоположенія. Сихъ законовъ, поколику мы часто будемъ ихъ приводить для объясненія нашихъ законовъ, слѣдуетъ теперь дать краткое описаніе.

Римской законъ, будучи сперьва основанъ на царскихъ постановленіяхъ древныхъ Государей, потомъ на дванадесятитабличномъ законѣ, на Сенатскихъ указахъ, на народныхъ узаконеніяхъ, на Эдиктахъ преторскихъ, на мнѣніяхъ законоискусныхъ мужей, и напослѣдокъ на императорскихъ законоположеніяхъ, умножился до толикой огромности, что тяжесть онаго по свидѣтельству Ливія и Тейлора, въ понесеніи и многихъ верблюдовъ требовала. Толикое бремя сего закона нѣсколько облегчено было послѣдовавшими тремя изложеніями онаго приватными, отъ законоискусниковъ Григорія, Гермогена и Папирія, а потомъ и отъ Императора Ѳеодосія меньшаго, коего повелѣніемъ въ 438. году отъ Рождества Христова издано было уложеніе, по имени его назва-

званное, въ коемъ собраны были и систематически расположены всѣ почти императорскія тогда дѣйствовавшія постановленія. Сіе одно только уложеніе пра́ва Римскаго Ѳеодосіево принято за подлинное, и наблюдаемо было чрезъ нѣсколько вѣковъ въ за́падной части Эвропы; и весьма уповательно, что Франки и Готы часто оное употребляли при изложеніи законовъ для своихъ новоучреждающихся государствъ. Ибо тогда Юстиніянъ императорствовалъ только надъ остатками имперіи восточной, и подъ его-то *высочайшимъ покровительствомъ* въ 533. году собрано и окончано Трибоніаномъ и другими законоискусниками оное Римское право, которое въ цѣлости своей, доставшейся и до нашихъ временъ, называется Корпусомъ пра́ва гражданскаго, полатински *corpus iuris civilis*.

Все сіе такъ собранное и расположенное право раздѣляется на выше означенныя четыре изложенія, изъ коихъ въ 1. называемомъ Наставленія

правъ,

правѣ, содержатся краткія и первыя начала Римскаго гражданскаго закона, раздѣленныя на четыре части или книги. Во 2. называемомѣ Пандекты, и раздѣляющемся на 50 книгѣ, содержатся мнѣнія и утвержденія знатныхѣ законоискусниковѣ Римскихѣ, расположенныя по порядку систематическому. 3. Третье, называемое уложеніемѣ Юстиніяновымѣ, есть не что иное, какѣ собраніе императорскихѣ законоположеній, здѣланное Юстиніяномѣ вѣ пополненіе уложенью преждебывшему Ѳеодосіеву, которое по прошествіи цѣлаго вѣка при Юстиніянѣ оказалось не совершеннымѣ. 4. Четвертую и послѣднюю книгу составляютѣ Новелли, или вновь послѣдовавшія императорскія изложенія, вѣ коихѣ содержатся Юстиніяновы и его преемниковѣ рѣшенія и постановленія, служащія кѣ пополненію вышесказаннаго уложенія Юстиніянова. Всѣ сіи книги составляютѣ оной Корпусѣ права Римскаго, которое вскорѣ послѣ Юстиніяна вѣ упадокѣ и вѣ пренебреженіе пришло, и было вѣ забвеніи

даже

даже до 1130 году, около котораго времени Пандекты Римскихъ правъ найдены были въ Италіянскомъ городѣ Амалфи. Сіе приключеніе, совокупно съ дѣйствованіемъ политики Папежской, внезапно произвело новое уваженіе къ гражданскому закону Римскому, которой немедлѣнно и насильно введенъ былъ въ разныя государства Европейскія, и возпричинствовалъ толь огромныя на себя толкованія, каковыми вся его система больше, нежели и какая нибудь другая нынѣ обремененною здѣлалась.

Законъ Канонической или духовной есть также изложеніе церковныхъ законовъ, касающихся до такихъ вещей, надъ которыми Папежская церковь или имѣетъ или присвояетъ себѣ правоправленія. Сей законъ собранъ изъ мнѣній древнихъ Латинскихъ святыхъ Отцевъ, изъ опредѣленій вселенскихъ Соборовъ, изъ посланій и Буллъ Папскихъ; что все съ начала находилось въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ былъ

и

и древній законЪ Римской гражданской, и вЪ какомЪ оное продолжалось до 1151 году, вЪ которомЪ ГраціянЪ МонахЪ Италіянскій, будучи возбужденЪ найденными Юстиніяновыхъ правЪ Пандектами, привелЪ также и церковныя законоположенія вЪ нѣкоторой порядокЪ, раздѣля оныя на три книги, и назвавЪ ихЪ *Согласованіемъ несогласныхъ правилъ*, полатински *concordia discordantium Canonum*, которыя однакожЪ больше извѣстны подЪ именемЪ *decretum Gratiani.* Сіи законоположенія церковныя *продолжались даже до* временЪ Папы Александра III. Послѣдовавшія сЪ того времени Папскія законопоженія подобнымЪ же образомЪ обнародованы были при Папѣ Григоріи IX. вЪ пяти книгахЪ около 1230. году. Шестая книга сихЪ же правЪ прибавлена была при Папѣ Вонифатіи VIII. вЪ 1298. году, и названа полатински *sextus liber decretalium*, подобно какЪ и Григоріевы законоположенія названы были *decretalia Gregorii noni*. Клементиновы или Климента V. Папы Римскаго церковныя постановленія

нія подобнымъ же образомъ обнародованы были въ 1317 году его преемникомъ Папою Іоанномъ XXII. которой къ симъ прибавилъ и своихъ дватцать законоположеній, и назвалъ ихъ extravagantes Ioannis; которыя последнія изложенія много похожи на Новелли закона Римскаго гражданскаго. Въ последовавшія времена накопилось и еще отъ другихъ Папъ книгъ пять церковныхъ правъ, которыя къ прежнимъ присоединены и названы полатински *extravagantes communes*. И сіи-то всѣ вмѣстѣ изложенія, то есть Граціяновы, *Григоріевы*, *Вонифатіевы*, *Климентовы* и Іоанновы составляютъ цѣлую систему Каноническаго Папежскаго закона, называемаго полатински *corpus iuris Canonici*.

Сверьхъ сихъ Папскихъ законоизложеній, которыя при Папежскомъ исповѣданіи вѣры введены и приняты были на нашемъ островѣ, равномѣрно какъ и въ другихъ Эвропейскихъ государствахъ, есть еще у насъ и здѣшней

ней государственной законъ Каноническ-ской, состоящій изъ постановленій провинціальныхъ, дѣланныхъ посланниками здѣсь Папежскими по тогдашнимъ обстоятельствамъ для здѣшней церкви и государства. Посланническія церковныя законопостановленія здѣсь дѣланы были въ провинціальныхъ нашихъ Синодахъ при Кардиналахъ Ото и Отобонъ, бывшихъ Посланниками здѣсь отъ Папы Григорія IX. и Климента IV. при Королѣ Генрикѣ III. въ *1220. и 1268. году. Провинціальныя законоположенія церковныя* состоятъ по большой части изъ опредѣленій и установленій провинціальныхъ нашихъ Синодовъ, бывшихъ при разныхъ Архіепископахъ Кантербургскихъ, начатыхъ при Архіепископѣ Стефанѣ *Лангтонѣ* въ царствованіе Генрика III. и продолжавшихся до Архіепископа Чичеля въ царствованіе Генрика V. При самомъ восхожденіи у насъ Реформатскаго исповѣданія, послѣдовавшемъ въ царствованіе Генрика VIII. опредѣленіе здѣлано было въ Парламентѣ для разсмо-

тр҃нія Каноническаго закона, и до учиненія сего разсмотр҃нія позволено было употреблять вс҃ преждеизданныя церковныя пра́вила, постановленія и Синодальныя провинціальныя учрежденія, какія только не были противны нашему отечественному закону и королевским҃ прерогативам҃. А поколику такое разсмотр҃ніе Парламентом҃ и поднесь несовершено, то от҃ сего обстоятельства зависит҃ вся сила и д҃йствіе Каноническаго закона в҃ Англіи.

Чтож҃ касается до церковных҃ пра́вил҃, изданных҃ у нас҃ при Корол҃ Іаков҃ первом҃ в҃ 1603. году, и никогда Парламентом҃ не конфирмованных҃; то сих҃ по точн҃йшим҃ началам҃ законоположеній присуждено было неинако наблюдать, как҃ токмо в҃ случаях҃, в҃ коих҃ они согласны с҃ древним҃ законом҃ церковным҃, и не касаются до новых҃ и противных҃ оному законовведеній.

Четыре у нас҃ им҃ются такія судебныя м҃ста̀, в҃ коих҃ Римской граждан-

жданской и церковной законъ позволено употреблять подъ различнымъ воспященіемъ. Изъ таковыхъ: 1. Первыя суть судебныя мѣста Архіепископскія и Епископскія, называемыя въ нашемъ законѣ судищами христіянскими, полатински *curiae christianitatis*. 2. Вторыми военныя судебныя мѣста. 3. Третьими Адмиралтейскія, и 4. Четвертыми Университетскія въ Камбриджѣ и Оксфордѣ, въ которыхъ во всѣхъ принятіе сихъ законовъ вообще и въ особенности утверждается единственно на обыкновеніи, которое обыкновеніе въ не давнешнія времена подтверждено и Актомъ Парламентскимъ, конфирмовавшимъ всѣ оныя грамоты, основанныя на обыкновенномъ законѣ и касательныя до обоихъ нашихъ Университетовъ Камбриджскаго и Оксфордскаго. Подробнѣйшее о семъ будетъ разсужденіе въ толкованіяхъ, касательныхъ до Юрисдикціи или правоправленія каждыхъ судебныхъ мѣстъ; а теперь довольно будетъ, естьли мы покажемъ хотя нѣкоторыя особливости, принад-

лежащія ко всѣмъ имъ, которыя могутъ служить для вперенія всякому ученія преподаваемаго объ нихъ.

1. И вопервыхъ судебныя мѣста общаго закона имѣютъ смотрѣніе надъ оными вышесказанными судилищами, употребляющими законъ Римской гражданской и церковной, и по своему преимуществу могутъ ихъ удерживать въ предписанныхъ имъ предѣлахъ, могутъ ихъ сократить и ограничить, естьли выдутъ за предѣлъ своея власти, и въ случаѣ упорства и неповиновенія могутъ Судью и Экзекутора оштрафовать и наказать за учиненіе рѣшенія беззаконнымъ.

2. Общій законъ предоставилъ себѣ навсегда и толкованіе всѣхъ тѣхъ Актовъ Парламентскихъ, кои касаются до простирающагося позволенія въ данномъ употребленіи другихъ правъ. И потому естьли другія судебныя мѣста не захотятъ поступать по изданнымъ для нихъ Актамъ Парламентскимъ,

скимъ, или отважутся и толковать оныя не такъ, какъ законъ общій велитъ; въ такомъ случаѣ Королевскія въ Вестминстерѣ судебныя мѣста нашлютъ на оныя запрещеніе и имъ не дозволятъ болѣе дѣйствовать внѣ предѣла своего.

3. На всѣ оныя судебныя мѣста, употребляющія другія права, бываетъ послѣдній позывъ или аппелляція къ Королю, а симъ самымъ и доказывается не оспоримо, что употребляемая въ оныхъ мѣстахъ Юрисдикція или власть, происходитъ отъ Короны Аглинской, а не отъ чужестраннаго законодателя или отъ собственнаго въ нихъ какого либо преимущества. Ибо такія чужестранныя узаконенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судебныхъ мѣстахъ, хотя у насъ по обыкновенію и приняты, однакожъ подъ предуправленіемъ вышшаго закона нашего общаго; и такимъ образомъ по сему закону чужестранныя узаконенія у насъ принятыя, ограниченныя, перемѣненныя и поправленныя, не составляютъ никакъ особливаго рода

законовъ, но суть низшія и подверженныя нашему обычайному закону Аглинскому права̀, иначе называемыя Королевскими церковными, Королевскими военными, Королевскими морскими и Королевскими Академическими правами.

Въ слѣдующемъ продолженіи, намъ должно разсуждать о *законахъ писанныхъ*, каковыми въ здѣшнемъ государствѣ почитаются Статуты, Акты или Эдикты, обнародуемые Королевскимъ Величествомъ съ Совѣтомъ Лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и другихъ нижнихъ членовъ, засѣдающихъ въ Собраніи Парламентскомъ. Самые древнѣйшіе изъ таковыхъ у насъ и поднесь имѣются и печатаются въ нашихъ Статутныхъ книгахъ тѣ, которые составляютъ нашу славную великую грамату, называемую полатински *magna carta*, и конфирмованную въ 9 Парламентѣ при Королѣ Генрикѣ III. хотя впрочемъ безъ сомнѣнія были многіе и прежде сихъ другіе Акты Парламентскіе, о которыхъ у насъ нынѣ

за-

записки въ Архивахъ потеряны, и которыхъ опредѣленія нынѣ можетъ быть по теченію своему приняты за пра́вила стариннаго нашего общаго закона.

Какимъ образомъ у насъ дѣлаются Статуты, о томъ приличественнѣе и пространнѣе будетъ показано послѣ, когда мы будемъ показывать самое учрежденіе Парламентовъ. А теперь довольно будетъ, естьли мы примѣчаніе здѣлаемъ о разныхъ родахъ Статутовъ и о принадлежащихъ къ толкованію ихъ общихъ пра́вилахъ.

И вопервыхъ, что касается до ихъ разныхъ родовъ, то Статуты у насъ бываютъ или *общіе* или *частные*, *публичные* или *припатные*. Общій или публичный Статутъ или Актъ Парламентскій есть пра́вило, объемлющее все общество; и таковые публичные Акты или Статуты судебныя мѣста̀ обязываются наблюдать и по одной судейской должности, хотя бы оныхъ нарушеніе и не было доказываемо тяжебною стороною. Напротивъ

симъ частные или приватные Акты походятъ больше на изъятія, нежели на пра́вила, будучи такими, которые дѣйствительны только для частныхъ въ обществѣ людей и дѣлъ приватныхъ. Таковые и у Римлянъ были Акты, называемые Сенатскими опредѣленіями, *Senatus decreta*, въ отличность отъ Сенатскихъ указовъ, *Senatus consulta*, относительныхъ ко всему обществу. И таковыхъ-то, касательныхъ до частныхъ людей и приватныхъ дѣлъ, Актовъ и Статутовъ Судья помнить не обязывается, пока оные не будутъ ему формально доказываемы и оспориваемы тяжущимися сторонами. Чтобы доказать сію разность примѣрами, то положимъ Статутъ или Актъ, послѣдовавшій (*) въ 13.

(*) Акты Парламентскіе приводятся и именуются разнымъ образомъ: нѣкоторые изъ древнихъ нашихъ Актовъ называются по мѣсту, въ которомъ они изданы, какъ на примѣръ Акты Парламентскіе Мертонскіе, Вестминстерскіе, Глочестерскіе и Винчестерскіе. Но со вре-

13. году царствованія Королевы Елисаветы гл. 10, которымъ запрещается духовнымъ особамъ не дѣлать отчужденія въ ранговыхъ имѣніяхъ долѣе двatцати одного году; такой Актъ есть публичный по тому, что въ немъ предписывается правило, касательное до всѣхъ въ государствѣ духовныхъ особъ. Но Актъ, уполномочивающій Архіепископа Честерскаго отчуждать такое имѣніе, на примѣръ Тицію и Каію, на шестьдесятъ лѣтъ, есть изъятіе на прежній Статутъ, учиненное толь-

временъ Эдуарда втораго, оные приводятся по годичному царствованію Короля или Королевы, при которыхъ они были здѣланы, съ приписаніемъ главы, въ которой они содержатся. Какъ на примѣръ такой-то Актъ Парламентскій послѣдовавшій въ 9. году, царствованія Короля Георгія II. глава 4. При чемъ надобно также знать, что всѣ Акты Парламентскіе, здѣланные въ единолѣтное засѣданіе Парламента Великобританскаго, составляютъ собственно лишь только одинъ Статутъ; а когда въ одинъ годъ случались и два разныя засѣданія Парламентскія, то по числу оныхъ засѣданій выходили и два Статута.

ко для Архіепископа Честерскаго и для его преемниковЪ, а по тому самому и составляетЪ АктЪ приватный.

Статуты также у насЪ бываютЪ или *утверждающіе* законЪ общій, или *пополняющіе* и способствующіе оному. Утверждающими бываютЪ вЪ случаѢ, когда старинное обыкновеніе государственное изЪ своего употребленія выйдетЪ или здѢлается спорнымЪ. ВЪ такомЪ случаѢ ПарламентЪ для отвращенія всѢхЪ сомнительствЪ и для всегдашняго увѢренія [in perpetuum rei testimonium] *объявляетЪ и утверждаетЪ* какой на то у насЪ есть, и какой былЪ прежде законЪ общій. Такого существа СтатутЪ или АктЪ Парламентскій о измѢнникахЪ, послѢдовавшій вЪ 25. лѢто царствованія Эдуарда III. гл. 2. не прибавляетЪ никакихЪ другихЪ измѢнЪ, а только для знанія подданныхЪ объявляетЪ и вычисляетЪ разные роды оскорбленій величества, которые и прежде вЪ законѢ общемЪ и обычайномЪ почитались за измѢну.

По-

Пополнительными же или способствующими закону общему у насъ бываютъ Статуты и Акты Парламентскіе, дѣланные въ пополненіе такихъ недостатковъ, и въ сокращеніе такихъ излишествъ въ законѣ общемъ, которыя происходятъ или отъ всеобщаго всѣмъ законамъ человѣческимъ несовершенства, отъ перемѣны времени и обстоятельствъ, отъ ошибокъ и не справедливыхъ рѣшеній, чинимыхъ не искусными и не учеными Судьями, или и отъ другой какой нибудь причины. Происходившее такимъ образомъ или въ пополненіе закону общему, когда оный былъ чрезмѣрно стѣсненъ и ограниченъ, или и въ сокращеніе, когда оный выходилъ за предѣлъ, законоутвержденіе возпричинствовало и другое у насъ раздѣленіе Актовъ Парламентскихъ на *умножающіе* и *сокращающіе* Статуты. Чтобъ доказать сіе примѣромъ, то положимъ, что обрѣзываніе ходячей въ государствѣ монеты почиталось за измѣну, и что такое оскорбленіе не довольно охраняемо

или

или наказуемо было закономъ общимъ. Въ слѣдствіе чего и обнародованъ былъ въ 5. лѣто царствованія Королевы Елисаветы, гл. 2. Статутъ или Актъ Парламентскій, повелѣвающій признавать обрѣзываніе монеты за высочайшее оскорбленіе величества и за измѣну, каковымъ оное прежде не было признаваемо въ обыкновенномъ нашемъ законѣ. И такъ послѣдовавшій на сіе Статутъ былъ *умножающій*. Напротивъ того духовные чины, будучи уполномочены закономъ нашимъ обычайнымъ или общимъ, могли *отчуждать* и отдавать въ наемъ принадлежащія имъ по церкви вотчины, на сколько лѣтъ имъ угодно было, пока такое произвольное отчужденіе возпрепятствовано имъ не было Статутомъ вышеупомянутымъ, послѣдовавшимъ въ 13. лѣто царствованія Королевы Елисаветы. По сей причинѣ сей Статутъ есть *сокращающій*.

Во вторыхъ, что касается до прáвилъ, наблюдаемыхъ въ толкованіи Ста-

Статутовъ, то оныя суть слѣдующія.

1. Во всѣхъ *пополняющихъ* или *способствующихъ* Статутахъ нашихъ три пункта наблюдать должно: старой законъ, недостатокъ онаго, и учиненное на оный поправленіе, то есть: вопервыхъ примѣчать надлежитъ, каковъ былъ общій законъ при изданіи на оный Акта Парламентскаго; во вторыхъ какое чувствуемо было зло или недостатокъ, не отвращаемые закономъ общимъ; и напослѣдокъ какое поправленіе или способъ приняты были Парламентомъ для отвращенія оныхъ. Для большаго въ семъ объясненія мы возмемъ опять въ примѣръ оный возпретительный Статутъ, послѣдовавшій въ 13. лѣто царствованія Королевы Елисаветы гл. 10. до изданія котораго по старинному общему закону духовенство и церковники могли отчуждать и въ Кортому отдавать церковныя земли на столько лѣтъ, на сколько сами хотѣли. Происходящее

изъ

изъ сего законоположенія зло или недостатокъ въ томъ состояли, что чрезъ такія долговременныя и безразсудныя отчужденія именій церковныхъ въ бедность приходили преемники церковныхъ местъ. Для отвращенія такого зла и недостатка въ старинномъ законоположеніи Елисаветинскомъ напоследокъ Статутомъ узаконено было не признавать законными всехъ такихъ отчужденій, которыя предшественниками церковныхъ местъ заключаемы больше, нежели на двадцать летъ. Въ *толкованіи* сего Статута смыслъ есть тотъ, что отчужденія церковныхъ земель, зделанныя Архіепископами и Динами Аглинскими, и на должайшее двадцатилетняго время, могутъ быть действительными и законными, естьли только жизнь ихъ и пребываніе въ должности своей продолжаться будутъ долее предписаннаго времени; поколику сей Статутъ зделанъ единственно для пользы и покровительства грядущихъ преемниковъ церковныхъ местъ. И

такъ

такѣ симѣ законоположенiемѣ зло довольно отвращается, когда по оному такiя отчужденiя уничтожаются по смерти предшественниковѣ; но поколику оныя при жизни ихѣ не причиняютѣ никому зла, того ради и кѣ поправленiю законному тогда не принадлежатѣ.

2. Статутѣ, касательный до низшаго состоянiя людей, не можетѣ ни по какому общему толкованiю простираться до людей вышшаго состоянiя. *Такого существа* у насѣ Статутѣ, изданный *о Динахѣ или Намѣстникахѣ* духовныхѣ, о Попахѣ и другихѣ имѣющихѣ церковное производство, не можетѣ простираться до Архiепископовѣ и Епископовѣ, хотя такое же и сiи имѣютѣ духовное и церковное производство, одако вѣ вышшемѣ знаменованiи заключающееся.

3. Уголовные Статуты должно строго и точно толковать. Такого существа Статутомѣ послѣдовавшимѣ вѣ 1. лѣто царствованiя Эдуарда, VI.

гл. 12. узаконено было, чтобъ приличенные въ покражѣ *лошадей* казнены были безъ выгодъ церковникамъ принадлежащихъ. (*) Въ слѣдствіе такого узаконенія Судьи и толковали слово *лошадей* точно не принадлежащимъ до вора, которой лишь только одну *лошадь* укралъ, и для того въ слѣдующій годъ новой исходатайствовали Актъ Парламентскій. Да и въ наши времена Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 14. лѣто царствованія Короля Георгія II. гла. 6. покража овецъ и *другой скотины* наказуемою здѣлалась уголовно безъ выгодъ церковническихъ. Но какъ и въ семъ Статутѣ употребленныя слова и *другой скотины*, казались весьма сомнительными для уголовныхъ дѣлъ, то Судьи и не разпространяли сего Статута далѣе, какъ токмо

(*) Выгоды церковниковъ, поаглински *the benefit of clergy*, введены въ Англію во времена Папежства. По симъ выгодамъ освобождаемы были отъ смертной казни одни церковники, а потомъ оныя распространены и до тѣхъ людей, кои умѣютъ читать и писать. Пространнѣе будутъ онѣ показаны въ своемъ особливомъ мѣстѣ.

токмо до покражи овецъ; и для того въ слѣдующемъ засѣданіи Парламентскомъ за нужное признано объяснить сіе законоположеніе другимъ Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 15. лѣто царствованія Георгія II. гл. 34. которой противъ прежняго Статута распространенъ и касательнымъ здѣланъ до покражи быковъ, коровъ, воловъ, оленей, бычковъ, телушекъ, телятъ и ягнятъ каждаго поименно.

4. Статуты, касательные до обмановъ, должно толковать снисходительно. *Такое утвержденіе можетъ показаться противорѣчущимъ выше принятымъ правиламъ*, поколику многіе изъ Статутовъ, касательныхъ до обмановъ, бываютъ по самымъ слѣдствіямъ уголовными. Но разность здѣсь принимать должно въ разсужденіе сію: когда изъ Статутовъ, касательныхъ до обмановъ, выводится самая казнь и налагается на преступника привязаніемъ его у столба или оштрафованіемъ денежнымъ; тогда Статуты должно толковать строго. Но когда по

Статутам судится обман как преступленіе вообще, тогда Статуты должно толковать снисходительно. На таком основаніи и Статут, послѣдовавшій въ 13 году царствованія Елисаветы гл. 5. здѣланный для уничтоженія всѣх подарков, чинимых расточеніем имѣнія в обман Кредиторов и *других*, признан был по толкованію общих слов простирающимся и до таких подарков, кои дѣланы были для обману Королевы расточеніем имѣній, подлежащих Конфискаціи.

5. Одну часть Статута съ другою так *должно толковать*, чтобы весь Статут, сколь можно, в цѣлости соблюден был, и судимая вещь лучше бы уцѣлѣла, нежели пропала, *ut res magis valeat, quam pereat.* Так на примѣр, положим, что по Акту Парламентскому досталась земля Королю и его наслѣдникам съ соблюденіем пра́ва, какое имѣет на оную А, и положим, что А в то время, как досталась Королю земля, имѣет право владѣть оною три года. В таком за-

законоположенiи А можетъ владѣть землею три года, и по прошествiи сего времени она отойдетъ къ Королю. Ибо сiе толкованiе закона можетъ удовлетворить всякому условiю, содержащемуся въ Статутѣ, и можетъ дѣйствовать во всякомъ.

6. Напротивъ того соблюденiе условiя во всемъ противорѣчущаго Статуту есть не возможное и не дѣйствительное. Ибо естьлибы Актъ Парламентскiй отдалъ Королю и его наслѣдникамъ землю, съ соблюденiемъ притомъ *пра́ва*, *какое на оную имѣютъ* и всѣ *другiе наслѣдники*, какiе бы то ни были; или естьлибы оной же Актъ отдалъ землю, принадлежащую къ А. и съ соблюденiемъ навсегда пра́ва принадлежащаго къ А. то въ обоихъ сихъ случаяхъ соблюденiе условiя есть противорѣчущее всему Статуту, и по тому есть пустое и не могущее имѣть никакого дѣйствiя.

7. Гдѣ общiй нашъ законъ и Статутъ между собой разнствуютъ, тамъ общiй законъ уступаетъ Статуту, равно-

номѣрно какъ и старой Статутъ уступаетъ новому; и сіе наблюдается по принятому во второй части правилу, по которому „послѣдовавшіе за„коны опровергаютъ себѣ противные „предъидущіе „. *Leges posteriores, priores contrarias abrogant.* Но сіе правило тогда только разумѣется употребительнымъ, когда послѣдовавшій Статутъ бываетъ воспретительнымъ прежнему, или заключаетъ воспрещеніе въ самой касательной до него вещи. На примѣръ, естьли бы прежній Актъ гласилъ, чтобъ бывшій при такомъ-то Судопроизводствѣ Джуриманомъ или присяжнымъ свидѣтелемъ и рѣшителемъ онаго получалъ 20 фунтовъ Стерлинговъ во всю жизнь, и естьлибы новой Статутъ послѣ гласилъ, чтобъ онъ получалъ 20 Марковъ; здѣсь новой Статутъ хотя и не объявляетъ, однако заключаетъ въ себѣ не обходимое воспрещеніе, и по оному прежній Статутъ дѣйствительно уничтожаетъ. Ибо естьли по послѣднему Статуту довольно за то полагается и 20 Марковъ,

ковъ, то прежній Статутъ, опредѣлявшій за то несравненно больше, то есть 20 фунтовъ Стерлинговъ, совсѣмъ уничтожается. Но естьли бы оба Акты или Статуты были утвердительны такъ, чтобъ оба вмѣстѣ могли стоять; въ такомъ случаѣ послѣдній не можетъ опровергнуть прежняго, но оба вмѣстѣ имѣютъ совокупное дѣйствованіе. Ибо естьлибы по прежнему Статуту позволено было судить человѣка за преступленіе въ одномъ судищѣ, а по послѣднему позволено было судить его за преступленіе и въ другомъ судебномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ власть ни у единаго судища не отнимается, и преступникъ можетъ позванъ быть какъ въ первой, такъ и въ другой судъ, естьли только въ послѣднемъ Статутѣ не прибавлено, чтобъ въ одномъ, а не въ другомъ какомъ судебномъ мѣстѣ человѣкъ за преступленіе судимъ былъ.

8. Естьли Статутъ послѣдній будетъ уничтожающимъ прежній, а послѣ и самъ уничтожится другимъ Ста-

 ту-

тутомъ; въ такомъ случаѣ прежній Статутъ возобновляется дѣйствительно, хотя бы о его возобновленіи формально и не упомянуто было. Такимъ образомъ когда у насъ Статуты, послѣдовавшіе въ 26. и 35. лѣто царствованія Генрика VIII. утверждавшіе Короля главою церкви, были уничтожены послѣдовавшими Статутами 1. и 2. при Королѣ Филиппѣ и Королевѣ Маріи; и когда напослѣдокъ и сіи уничтожены были Актомъ 1. при Елисаветѣ: то въ Елисаветинскомъ Статутѣ не требовалось никакихъ формальныхъ словъ къ возобновленію прежнихъ о семъ Актовъ Генриковыхъ, но оные и по одному заключенію здѣлались дѣйствительно возобновленными во всей своей силѣ.

9. Акты Парламентскіе, умаляющіе власть послѣдующихъ Парламентовъ, не суть обязующіе. И такъ изданный Актъ въ 11. лѣто царствованія Генрика VII. гл. 1. которымъ повелѣвается, чтобъ никто за вспоможеніе Королю не былъ судимъ измѣнникомъ

комъ по Акту Парламентскому, и ниже по другому какому либо законоположенію, признанъ дѣйствительнымъ только въ обыкновенныхъ позывахъ на судъ за измѣну. Однакожъ сей Актъ не можетъ воспретить Парламенту узаконить и противное сему законоположеніе; по тому что законодательство, будучи самодержавная власть, имѣетъ навсегда равномѣрную и самовластную силу. Законодательство не признаетъ на свѣтѣ никакого другаго вышшимъ или первѣйшимъ надъ собою законодательства, котораго бы приказанія могли обязывать нынѣшній Парламентъ. По сему точно основанію и Цицеронъ въ своемъ письмѣ къ Аттику съ довольнымъ презрѣніемъ порочитъ всѣ оныя законодательства ограничиванія, которыми сокращается и связуется власть послѣдующихъ законодательствъ. „Когда уничтожается законъ, говоритъ онъ, „тогда уничтожается и самое то, по которому бы ему и уничтожаться не должно „. *Cum lex abrogatur, illud ipsum abrogatur, quo non eam abrogari oporteat l. 3. ep. 23.*

10. Напослѣдокъ и Акты Парламентскіе, которыхъ исполнить не возможно, суть не дѣйствительны; и естьли отъ такихъ Актовъ произойдутъ какія постороннія дурныя слѣдствія, и явно противорѣчущія разуму человѣческому; то въ разсужденіи такихъ постороннихъ слѣдствій сіи Акты бываютъ не дѣйствительны. Я положилъ сіе пра́вило съ такими различеніями для того, что многіе утверждаютъ и просто не дѣйствительными Акты, которые только противны разуму человѣческому. Но естьлибы *Парламентъ узаконилъ и дѣйствительно* что нибудь противное разуму человѣческому; то я не знаю никакой другой вышшей на свѣтѣ власти, которая бы Парламентской противиться могла: приводимые же обыкновенные примѣры въ утвержденіе принятаго пра́вила нимало не доказываютъ, чтобы Судьи могли опровергать Статуты, коихъ содержаніе противно разуму. Ибо чрезъ то самое судительная власть здѣлалась бы вышщею законодатель-

тельной, и могла бы со временемъ испровергнуть и разрушить все правленіе. Но когда нѣкоторыя постороннія дѣла̀ происходятъ изъ неограниченнаго въ Статутѣ знаменованія словъ, и окажутся противными разуму человѣческому; тогда Судьи могутъ съ благопристойностію заключить, что такія слѣдствія были не предусмотрѣны Парламентомъ, и по тому свободно могутъ толковать такой Статутъ по правотѣ, и въ такомъ токмо случаѣ могутъ и не уважать его: такимъ на примѣръ образомъ, естьли бы Парламентъ далъ помѣщику или обладателю власть судить въ своей дворовой Канцеляріи всѣ дѣла̀, происходящія между судящимися его подданными; однакожъ естьлибы случилось и такое дѣло, въ которомъ бы онъ самъ участникомъ былъ, то Акта сего не можно толковать простирающимся и до такого дѣла, по тому что за противное разуму почитается рѣшить и судить человѣку свои собственные споры. При всемъ томъ естьли бы мы

могли представить возможнымъ для Парламента и такое узаконеніе, по которому бы онъ дозволилъ помѣщику судить и рѣшить равномѣрно свои какъ и чужія дѣла; въ такомъ случаѣ нѣтъ другаго Судебнаго мѣста, которое бы имѣло власть довольную къ испровержению намѣренія законодательственнаго, а особливо когда оное толь ясными словами объявляется, что о подлинности его не можно и сомнѣваться.

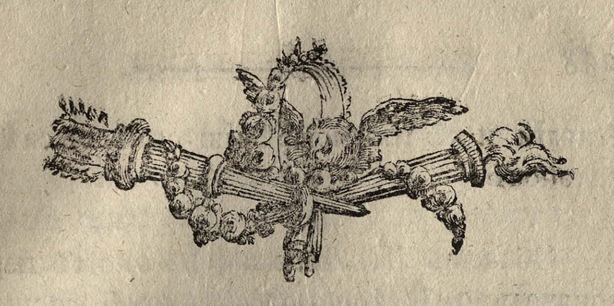
Сіи суть правила и основанія Аглинскихъ законовъ, которымъ въ пополненіе пріемлется также нерѣдко и *прапота для вспоможенія*, смягченія и объясненія законовъ. Что есть *прапота*, и сколь не возможно привести ее въ извѣстныя и точныя правила, о семъ довольно толковано въ концѣ предъидущаго разсужденія. И такъ мнѣ только теперь и остается прибавить здѣсь то, что при всей той не сравненной искренности и осторожности, съ какою наши Судьи толкуютъ Акты Парламентскіе и правила закона не писаннаго и не положительнаго, есть еще

у насъ судебныя мѣста и *прапоты*, учрежденныя для благополучія подданныхъ. И сихъ-то *прапоты* Судилищъ должность есть: выискивать кроющіеся подъ видомъ закона обманы и утаенія, каковыхъ сплетенное судопроизводство постигнуть не можетъ; избавлять бѣдныхъ на судѣ отъ такихъ опасностей, каковыя по нещастію рода человѣческаго и не усмотрѣнію судейскому приключаются; и напослѣдокъ доставлять судимому такое крайнее и благопримѣнительнѣйшее къ *обстоятельствамъ* облегченіе, каковаго по *строгости* пра́вилъ закона не всегда получить можно. Такая есть должность нашихъ судебныхъ мѣстъ, основанныхъ на правотѣ, въ которыя однакожъ не входятъ другія дѣла, какъ токмо касательныя до собственности имѣній. Ибо вольность нашего правленія никакому Судьѣ въ уголовныхъ дѣлахъ не дозволитъ толковать законъ инако, какъ литерально. Сія предосторожность, когда столь удивительно защищаетъ всенародную вольность, ни-

никогда не можетъ утѣснять частныхъ въ обществѣ людей. Человѣкъ не можетъ понести наказанія *больше*, нежели законъ налагаетъ, но онъ можетъ понести онаго *меньше*. Законы не могутъ ни по какому пристрастію налагать казней свыше предписанныхъ точными словами; но когда и самыя слова закона навлекаютъ видимую жестокость, то оную Государь имѣетъ власть ослабить и простить. (*)

ЧАСТЬ

(*) Подобнаго существа при нынѣшней Премудрой Всероссійской Законодательницѣ открылись и у насъ судебныя мѣста, основанныя на *правотѣ*, называемыя *Совѣстными Судами*. Но какъ въ сихъ мѣстахъ Засѣдающіе обязываются быть Судіями закона и дѣлъ; того ради они должны имѣть не токмо власть, но и могущество, то есть, великое знаніе и упражненіе въ законѣ, которое они не инако пріобрѣсть могутъ, какъ токмо тщательнымъ чтеніемъ и совершеннымъ разумѣніемъ разныхъ о семъ писателей, изъ коихъ наилучшимъ почитается на Аглинскомъ *Лордъ Кемзъ*, (Lord Kainis's cases of equity) издатель книги, въ которой онъ изслѣдовалъ въ тонкость всѣ нужные случаи, какіе могутъ быть рѣшены по *правотѣ*, и въ которой онъ ясно доказалъ сколько можно дозволять и не дозволять Судьѣ поступать по правиламъ *правоты*. Слово *Экиты* поаглински и Экитè пофранцузски, происходящее отъ Латинскаго *aequitas*, могутъ на Рускомъ переводѣ стоять *правота или правда*, которое знаменованіе сего слова у насъ имѣется и во Псалтырѣ, гдѣ говорится: „ милость и истинна срѣтостѣся, *прав*„*да* и миръ облобызастася. „

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕДИСЛОВНАГО РАЗСУЖДЕНІЯ.

О областяхъ, управляемыхъ законами Аглинскими.

Аглинское Королевство, управляемое нашимъ закономъ гражданскимъ, кромѣ земель, составляющихъ собственно называемую Англію, не заключаетъ въ себѣ по закону общему ни области Валлижской, ни Скотландіи, ни Ирландіи и ниже другихъ Королевскихъ владѣній. Однакожъ законы гражданскіе и обыкновенія помѣстныя Аглинскія отчасти или и всѣ пріемлются нынѣ и въ сихъ и въ другихъ прикосновенныхъ Англіи областяхъ, о которыхъ подробнѣйшее приличествуетъ здѣсь дать описаніе, прежде нежели мы приступимъ къ описанію самой Ан-

Англіи и къ разсмотрѣнію самыхъ сихъ законовъ.

Область Валлижская, въ ономъ первоначальномъ скотоводственномъ состояніи, какое приписываютъ древней Британіи вообще Юлій Кесарь и Тацитъ, продолжалась не зависимою и не просвѣщаемою отъ Англіи чрезъ множество вѣковъ, даже и во времена непріятельскихъ нападеній Саксонскихъ, когда древніе и Христіанскіе сего острова жители имѣли свое въ ея гористыхъ мѣстахъ убѣжище отъ посѣщающихъ Англію язычниковъ. Но когда и самые сіи нападатели обратились въ Христіанскую вѣру, и завели у себя порядочное и сильное государство; тогда и удаленіе древнихъ Британцовъ въ *Валлижскую* область начало умаляться, и они, будучи отчасу больше побѣждаемы и утѣсняемы, напослѣдокъ отъ часто претерпѣваемыхъ разореній принуждены были сократить и свою звѣрскую независимость отъ Англіи, такъ что и изъ самой древнѣйшей на-

нашей Исторіи мы видимъ ихъ Государей, покоряющихся коронѣ Аглинской: и въ царствованіе Эдуарда перваго, которой по справедливости назваться можетъ завоевателемъ области Валлижской, линія ихъ древнихъ Государей совсѣмъ пресѣклась, и старшій сынъ Короля Аглинскаго съ того времени на́чалъ быть ихъ титулярнымъ Государемъ. Съ тѣхъ поръ область Валлижская совершенно присоединилась ко владѣніямъ короны Аглинской, и подвластною оной здѣлалась такъ, какъ и Статутъ Родландской объ ней утверждаетъ на Латинскомъ языкѣ. (*)
„*Область Валлижская со всѣми своими*
„*обывателями сперьва Королю по пра-*
„*ву феодальному подданною здѣлалась,*
„*нынѣ же въ собственность владѣнія*
„*вся обращена и коронѣ Аглинскаго*

„ го-

(*) Terra Walliae cum incolis ſuis prius regi iure feudali ſubiecta, iam in proprietatis dominium totaliter et cum integritate conuerſa eſt, et coronae regni Angliae tanquam pars corporis eiusdem annexa et vnita.

„государства, какъ часть къ единому „тѣлу, присопокуплена и соединена„. По Статутамъ также Валлижскимъ весьма важныя перемѣны учинены въ разныхъ частяхъ древнихъ Валлижскихъ законовъ, для приведенія оныхъ въ сходственность съ Аглинскими: однакожъ Валлижскіе законы и поднесь много удержали своего древняго правоправленія, касательнаго до наслѣдства, по которому земельныя у нихъ владѣнія раздѣляются и нынѣ равномѣрно на всѣхъ сыновъ, и не наслѣдуются однимъ перворѳднымъ сыномъ. По другимъ же воспослѣдовавшимъ Статутамъ ихъ провинціяльныя привилегіи были еще и больше умалены, но конечное истребленіе всей Валлижской независимости послѣдовало отъ Статута, изданнаго въ 27. лѣто царствованія Генрика VIII. гл. 26. который истребя независимость возставилъ Валлижцамъ величайшее благополучіе въ гражданствѣ, дозволивъ имъ совершенно пользоваться законами вмѣстѣ съ подданными Аглинскими. Такимъ образа-

разомъ сей храброй народъ напослѣдокъ былъ покоренъ въ послушаніе и наслажденіе вольности, будучи нечувствительно уравненъ и сопричтенъ въ гражданство съ своими побѣдителями. Симъ способомъ Агличане доказали такое великодушное надъ покоренными торжествованіе, какое только древняя республика Римская употребляла съ великимъ успѣхомъ, когда плѣняла всю Италію себѣ въ повиновеніе, и дозволяла побѣжденнымъ областямъ наслаждаться выгодами Римскихъ гражданъ.

По сему Статуту Генрика VIII. узаконено: 1. Чтобы область Валлижская навсегда оставалась присоединенною къ королевству Аглинскому. 2. Чтобъ всѣ природные Валлижцы наслаждались равномѣрною съ прочими Королевскими подданными вольностію и свободою. 3. Чтобы поземельныя владѣнія Валлижскія наслѣдуемы были по правамъ наслѣдства Аглинскимъ. 4. Чтобы одни законы Аглинскіе были употребляемы въ Валлижской области, и проч. Сіи

 узa-

узаконенія подтвердили еще и другіе Статуты, послѣдовавшія въ 34. и 35. годахъ при томъ же Генрикѣ VIII. и прибавили еще къ онымъ и другія распоряженія, по которымъ Валлижская область раздѣлена на двенатцать провинцій и приведена въ такой порядокъ, въ каковомъ она и поднесь находится, различествуя отъ королевства Аглинскаго въ весьма не многихъ, и то похожихъ больше на привилегіи, особенностяхъ, по которымъ ей дозволено имѣть у себя мѣста судебныя, не зависимыя отъ судопроизводствъ Вестминстерскихъ въ Лондонѣ, и по которымъ имѣетъ она и другія не важныя, уступленныя ей выгоды, каковыми пользуются и многія провинціи въ самой Англіи.

Королевство Скотландское не взирая и на соединеніе Коронъ, послѣдовавшее при вступленіи на престолъ Аглинскій Короля Скотландскаго Іакова VI. продолжалось совсѣмъ отдѣленнымъ отъ Англіи государствомъ чрезъ сто лѣтъ.

О соединеніи сихъ королевствъ предлагаемо было еще и до соединенія Коронъ, и оное тѣмъ удобнѣйшимъ для обѣихъ сторонъ почиталось быть, чѣмъ болѣе сіи государства издревле состояли подъ одинакимъ правленіемъ, и удержали и поднесь не малое сходство во взаимности одинакихъ законовъ. По Акту Парламентскому, послѣдовавшему въ 1. годъ царствованія Іакова I. гл. 1. подтверждено было, что сіи оба сильныя, славныя и древнія государства были съ начáла однимъ государствомъ, и Сарръ Эдуардъ Кокъ справедливо примѣчаетъ, сколь удивительное всегда было между сими двумя государствами сходство не токмо въ вѣрѣ и языкѣ, но и въ древнихъ ихъ законахъ, въ наслѣдіи престола ихъ Государей, въ ихъ титлахъ вельможескихъ, въ ихъ чинахъ государственныхъ, въ ихъ правосудіи, въ ихъ обыкновеніяхъ и даже въ самомъ нарѣчіи одинакомъ ихъ законовъ. По сей причинѣ онъ и справедливо заключаетъ, что общій или обычайной обоихъ сихъ

государствѣ законъ былъ съ начала одинакій, а особливо когда и Скотландскихъ правъ древнѣйшая и вѣрнѣйшая книга, называемая Царскимъ Величествомъ, [Regia Majestas] и содержащая правила *ихъ* древняго обычайнаго закона, есть весьма сходственна съ книгою Гланвила содержащею правила *нашего* древняго закона, бывшаго при Генрикѣ второмъ. Оставшіяся же и понынѣ разногласія между обоими сими законами могутъ быть довольно доказаны произшедшими отъ ихъ различнаго употребленія въ сихъ двухъ обширныхъ и не сообщительныхъ *правительствахъ*, равномѣрно какъ и отъ издаваемыхъ прежде Актовъ сими двумя особливыми и не зависящими Парламентами, которые во многихъ пунктахъ перемѣнили и сократили старинной общій законъ въ обоихъ сихъ государствахъ.

При всемъ томъ Сарръ Эдуардъ Кокъ и Политики тогдашнихъ временъ находили великое затрудненіе въ совершеніи начатаго соединенія сихъ госу-

дарствъ,

дарствѣ, которое однакожѣ было напослѣдокѣ преодолѣно, и сіе великое дѣло щастливо окончено вѣ 1707, и вѣ 6. году царствованія Королевы Аглинской Анны, при которой двашцать пять артикуловѣ о соединеніи было постановлено и утверждено Парламентами обоихѣ государствѣ, изѣ коихѣ самые важнѣйшіе суть слѣдующіе:

1. Сѣ перваго числа Маія 1707. года и сѣ сего времени навсегда быть соединеннымѣ государствамѣ Аглинскому и Скотландскому во едино государство и именоваться Великобританніею.

2. Наслѣдіе Короны Великобританской да будетѣ то же самое, какое и прежде установлено вѣ Англіи.

3. Оба соединенныя государства да будутѣ представляемы вѣ единомѣ Парламентѣ Великобританскомѣ.

4. Да будетѣ дозволено пользоваться всѣми правами и преимуществами подданнымѣ обоихѣ государствѣ, выклю-

ключая только случаи, въ коихъ инако постановлено.

9. Когда Англія будетъ давать съ поземельныхъ пошлинъ два миліона фунтовъ Стерлинговъ. [около 10 миліоновъ руб.] тогда Скотландія должна давать таковыхъ денегъ сорокъ восемь тысячь фунтовъ Стерлинговъ [около 240000. рублей.]

16. и 17. Деньги, вѣсъ и мѣра должны быть одинаки съ Аглинскими въ обоихъ соединенныхъ государствахъ.

18. Узаконенія, касательныя до коммерціи, до портовъ, и до пошлинъ собираемыхъ при портахъ и таможняхъ, должны быть таковыяжъ и въ Скотландіи, каковыя наблюдаются и въ Англіи, прочіе же законы Скотландскіе должны остаться въ своей полной силѣ, и перемѣняемы Парламентомъ Великобританскимъ тѣ только могутъ быть законы Скотландскіе, которые касаются до благоучрежденія всего государства. Напротивъ того касательные

ные до приватныхъ правъ законы не могутъ быть перемѣняемы и Парламентомъ Великобританскимъ инако, какъ токмо для явной пользы народа Скотландскаго.

22. Шестнатцать Перовъ должно выбирать для представленія вельможества Скотландскаго въ вышшемъ Парламентѣ, и сорокъ пять членовъ Скотландскихъ должны засѣдать въ нижнемъ онаго департаментѣ.

23. Шестнатцать Перовъ Скотландскихъ, присудствующихъ въ Парламентѣ, должны имѣть всѣ привилегіи Парламентскія, и всѣ прочіе не присудствующіе въ Парламентѣ Перы Скотландскіе да будутъ Перами Великобританскими, и въ рангѣ поверстаны вторыми послѣ равныхъ себѣ Перовъ, бывшихъ при соединеніи, и да будетъ имъ дозволено пользоваться всѣми привилегіями, принадлежащими Перамъ, изключая только не присудствующихъ Скотландскихъ Перовъ отъ засѣданія въ вышшемъ Парламен-

тѣ и отъ подаванія голосовъ на судимаго въ ономъ Пе́ра Великобританскаго.

Сіи изъ двадцати пяти артикуловъ о соединеніи суть главнѣйшіе и подтверждены Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 5. лѣто царствованія Королевы Анны, гл. 8. въ которомъ Статутѣ упомянуты также и два Акта Парламентскіе: одинъ касательный до Скотландіи, въ силу котораго Короли Великобританскіе и ихъ преемники присягою обязываются хранить всегда ненарушимо церковь Скотландскую и четыре въ ономъ государствѣ учрежденные Университета; другой, касательный до Англіи, послѣдовавшій того же году при Королевѣ Аннѣ, гл. 6. въ силу котораго Акты о наблюденіи вѣры, обнародованные въ 13. лѣто царствованія Елисаветы и въ 13. жъ Карла II. и всѣ при томъ прочіе тогда въ своей полной силѣ бывшіе Акты о соблюденіи церкви Аглинской подтверждены были дѣйствительными навсегда; и въ сихъ-то двухъ упомянутыхъ и ка-

касательныхЪ до Скотландіи и Англіи АктахЪ ПарламентскихЪ постановлено было, чтобЪ всякой Король и Королева, восходящіе на престолЪ Великобританскій, обязывались присягою хранить тожЪ самое ненарушимо вЪ Англіи, Ирландіи, вЪ области Валлижской и вЪ городѣ Берикѣ при рѣкѣ Твидѣ; и сверьхЪ сего тогдажЪ узаконено, чтобЪ сіи упомянутые два Акта Парламентскіе „были навсегда почитаемы и при„знаваемы за главнѣйшія и существен„нѣйшія условія вЪ постановленіи со„единенія.„

При сихЪ артикулахЪ и АктахЪ о соединеніи, должно примѣчать: 1. Оба сіи государства нынѣ столь не разрывно соединены, что ихЪ опять ничто на свѣтѣ раздѣлить не можетЪ, развѣ какЪ только взаимное обоихЪ на то согласіе, или воспослѣдовавшее сЪ обѣихЪ сторонЪ такое сопротивленіе, по которому явно нарушены будутЪ самые тѣ пункты, кои оба государства будучи вЪ раздѣленіи и незави-

симости утвердили признавать „ за „главнѣйшія и существеннѣйшія условія въ постановленіи соединенія. 2. Какъ бы кто ни разсуждалъ о возможности раздѣленія сихъ государствъ, однако „главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ условіямъ въ постановленіи ихъ „соединенія „ каковыми суть соблюденіе обѣихъ церквей Аглинской и Скотландской въ прежде бывшемъ ихъ состояніи до соединенія, и наблюденіе Актовъ, касательныхъ до предписанія и утвержденія нашихъ молитвъ церковныхъ, явно и точно *подтверждено быть такими навсегда*. 3. *По* сей причинѣ всякая перемѣна, послѣдовавшая съ какой нибудь стороны въ сихъ церквахъ „можетъ почесться нарушеніемъ, „сихъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ условій „ и можетъ подвергнуть опасности самое соединеніе. 4. А поколику гражданскому закону Скотландскому и при соединеніи опредѣлено дѣйствовать въ ономъ государствѣ по прежнему, и кромѣ Парламента Великобританскаго, не премѣняемому быть никѣмъ;

кѣмъ; того ради гражданскій или общій законъ Аглинскій не имѣетъ никакой силы въ Скотландіи, и по тому въ слѣдующихъ толкованіяхъ закона Аглинскаго мы весьма мало будемъ имѣть нужды ссылаться на законъ Скотландскій, и не болѣе какъ токмо для объясненія тѣхъ законовъ гражданскихъ, кои послѣдовали при соединеніи сихъ государствъ.

Городъ Берикъ при рѣкѣ Твидѣ съ начала принадлежащимъ былъ къ государству Скотландскому, и въ такой своей къ оному принадлежности былъ на нѣсколько времени приведенъ въ подданство коронѣ Аглинской Эдуардомъ первымъ. Будучижъ въ подданствѣ получилъ отъ сего Государя грамоту, которая по воспослѣдовавшемъ его при Эдуардѣ Балліолѣ присоединеніи навсегда къ Коронѣ и къ государству Аглинскому, была конфирмована Эдуардомъ III. и съ нѣкоторыми при ней пополненіями, а особливо касательными до того, чтобъ ему быть у-

управляему законами и обыкновеніями, каковыми онъ пользовался до покоренія своего Эдуарду первому. Потомъ установленіе сего города было возобновлено по примѣру Аглинскихъ городовъ грамотою, пожалованною ему Королемъ Іаковомъ первымъ. И напослѣдокъ вольности, выгоды и свободное отправленіе торговли подтверждены были въ Парламентѣ Статутами, послѣдовавшими въ 22. лѣто царствованія Эдуарда IV. гл. 8. и въ лѣто 2 царствованія Іакова I. гл. 28. и потому хотя сей городъ и имѣетъ нѣкоторыя свои въ правленіи мѣстныя особливости, занятыя отъ древняго закона Скотландскаго, однакожъ онъ явственно принадлежитъ къ государству Аглинскому, тѣмъ больше, что теперь уже имѣетъ своихъ и Депутатовъ въ нижнемъ Парламентѣ, и всѣми Актами Великобританскаго Парламента обязуется. А какъ теперь уже и сомнѣнія нѣтъ о его принадлежности къ Англіи, то можно почесть и излишнимъ объявленіе, учиненное Статутомъ, послѣ-

до-

довавшимъ въ 20. лѣто царствованія Георгія II. гл. 42. которымъ повелѣвается, чтобы во всякомъ Актѣ Парламентскомъ, въ коемъ только упоминается одна Англія, щитались заключающимися и область Валлижская и городъ Берикъ при рѣкѣ Твидѣ. Впрочемъ хотя нѣкоторые королевскіе указы и судопроизводства изъ Вестминстерскихъ присудственныхъ мѣстъ и не простираются до города Берика, такъ какъ оныя не простираются и до области Валлижской; однакожъ различными законоположеніями торжественно узаконено, чтобъ всѣ преимущественные изъ вышшихъ судебныхъ мѣстъ указы могли быть насылаемы въ городъ Берикъ, равномѣрно какъ и въ другія области, подвластныя Коронѣ Аглинской, и чтобъ при томъ позывы на судъ и другія помѣстныя, происходящія въ городѣ Берикѣ, дѣла были разбираемы и судимы Джурами или присяжными судопроизводителями изъ провинціи Нортумберландской.

Что

Что касается до Ирландіи, оная хотя и подвластна Англіи, однако щитается и поднесь особливымъ и отдѣленнымъ государствомъ. Съ нача́ла она почиталась только областью Ирландскою, и Король Аглинскій именовался только обладателемъ Ирландіи или Лордомъ Ирландскимъ, [Dominus Hiberniae] даже до тритцать третьяго году царствованія Генрика VIII. который первый на́чалъ называться Королемъ Ирландскимъ, и сей титулъ послѣ признанъ и утвержденъ былъ Актомъ Парламентскимъ при томъ же Генрикѣ VIII. въ 35. лѣто его царствованія, *гл.* 3. Но какъ Скотландія и Англія нынѣ щитаются однимъ государствомъ, и различествуютъ въ своихъ собственныхъ гражданскихъ законахъ; такъ напротивъ того Англія и Ирландія почитаются особливыми государствами, и вообще согласны суть въ своихъ законахъ. Жители Ирландскіе по большой части суть выходцы изъ Англіи, которыми сей завоеванной Королемъ Генрикомъ вторымъ островъ населенъ былъ, и

ко-

которыми тогда и законъ Аглинскій принятъ и присягою всего народа Ирландскаго въ собраніи Лисморскомъ утвержденъ былъ. А поколику Ирландія, такимъ образомъ завоевана, населена и управляема, продолжается и нынѣ зависимою отъ Англіи; того ради ей необходимо слѣдуетъ сообразоваться и повиноваться такимъ законамъ, какіе вышшее правительство ей за благоразсудитъ предписать.

До сего завоеванія Ирландія была *управляема законами Ерегонскими*, такъ прозванными отъ Ирландскихъ древнихъ Судей, называвшихся Ерегонами. Для сей причины Король Іоаннъ Аглинскій въ двенатцатомъ году своего царствованія ѣздилъ въ Ирландію со многими законоискусниками, и тамъ по праву завоеванія узаконилъ и утвердилъ Ирландіи быть управляемой законами Аглинскими, которое его узаконеніе, какъ Сарръ Эдуардъ Кокъ примѣчаетъ, было конфирмовано тогда и тамошнимъ Парламентомъ. Но сему узаконе-

нению многіе Ирландцы не повиновались и держались еще своихъ Брегонскихъ законовъ такъ, что Короли Аглинскіе Генрикъ третій и Эдуардъ первый принуждены были возобновить повторительное отмѣненіе сихъ законовъ. Напослѣдокъ сіи Брегонскіе законы были торжественно уничтожены въ Ирландскомъ Парламентѣ, бывшемъ при Килкенѣ въ 40. году царствованія Эдуарда III. и при Вицероѣ Ирландскомъ Ліонелѣ, Дюкѣ Кларенскомъ. Въ то время сіи Брегонскіе законы единомысленно всѣми признаны не *основательными*, и почтены *больше за своевольныя* обыкновенія, вкравшіяся въ народъ въ послѣднѣйшія времена. Однакожъ не взирая и на сіе послѣднее уничтоженіе простой и не просвѣщенной народъ Ирландской даже и во времена Королевы Елисаветы крѣпко держался своего Брегонскаго закона, которой по данному о немъ описанію былъ „ правиломъ „ права не писаннаго, но сообщаемаго „ однимъ другому по преданію, и въ „ которомъ часто оказывалась великая

„ пра-

„ правота для утвержденія права ме-„ жду тяжебными сторонами, но ко-„ торой во многомъ былъ совсѣмъ про-„ тивенъ Божію и человѣческому зако-„ ну „. Прибавленное сему закону въ концѣ знаменованіе есть точно такое, какое ему приписано и на Латинскомъ языкѣ въ законахъ Эдуарда перваго и его внука. (*)

А какъ Ирландія была особливою областью и имѣла свои собственные Парламенты; то слѣдуетъ объ ней и то еще примѣчать, что хотя оные древніе и не памятуемые обычаи или обычайной законъ Аглинской поставляемы были за главнѣйшее правило правосудія и въ Ирландіи, однакожъ съ двенатцатаго году царствованія Короля Іоанна, никакіе Акты Парламента Аглинскаго не были распространяемы до

(*) A. R. 5. pro eo quod leges, quibus vtuntur Hybernici, Deo deteſtabiles exiſtunt, et omni iuri diſſonant, adeo quod leges cenſeri non debeant; nobis et conſilio noſtro ſatis videtur expediens eisdem vtendas concedere leges Anglicanas.

Ирландіи, развѣ какъ только нѣкоторые или именно къ Ирландіи, или относительно къ ней во всеобщемъ заключеніи всѣхъ королевскихъ владѣній распространяемы были. Сіе самое точно изображено, и причина тому довольная показана въ Аглинскихъ годичныхъ книгахъ, въ коихъ именно сказано, что:,, наложенная пошлина Парламентомъ
,, Аглинскимъ на подданныхъ Аглин-
,, скихъ не можетъ быть платима Ир-
,, ландцами для того, что они не под-
,, властны нашему Парламенту,,. И опять въ тѣхъ же годичныхъ книгахъ утверждается: ,, *что Ирландія* имѣетъ
,, свой собственный Парламентъ, кото-
,, рой издаетъ и перемѣняетъ въ ней
,, самъ законы, и наши Аглинскіе Ста-
,, туты не обязываютъ Ирландцовъ
,, потому, что они не имѣютъ изъ сво-
,, ихъ вельможъ, засѣдающихъ въ на-
,, шемъ Парламентѣ, но щитаются
,, только королевскими подданными то-
,, чно такъ, какъ въ прежнее завоеваніе
,, щитались подданными Аглинскими
,, и Французы въ Кале, въ Гасконіи и

,, въ

„ въ Гени „. Повсемственное простирательство законовъ, издаваемыхъ вышшимъ государствомъ, разумѣется намѣреваемымъ только для своего внутренняго правленія, а не касательнымъ до отдаленныхъ и подданныхъ себѣ областей, которыя какъ не участвуютъ въ вышнемъ законодательствѣ, такъ не могутъ и быть объемлемы обыкновеннымъ и ежедневнымъ онаго о себѣ промышленіемъ. Но когда верховная законодательная власть за нужное усмотритъ приложить и распространить свое попеченіе даже и о подвластныхъ себѣ областяхъ, и въ своихъ законоположеніяхъ упомянетъ ихъ именно или и включительно во всеобщемъ объятіи всѣхъ владѣній, тогда безъ сомнѣнія онѣ обязываются ея законами.

Принятый съ начáла способъ издавать Статуты въ Ирландіи былъ почти такой же, каковъ употребляется и въ Англіи, то есть, посылаемый изъ Англіи туда Вицерой или На-

мѣстникъ Государевъ сзывалъ когда хотѣлъ вышшій и низшій въ Ирландіи Парламенты, которые при немъ издавали законы, какіе имъ угодны были. Но какъ изъ сего не ограниченнаго произволенія произошло, особливо при Намѣстникѣ Горманстовнѣ, злоупотребленіе; того ради въ 10. лѣто царствованія Генрика VII. и при Намѣстникѣ Эдуардѣ Пойнингѣ обнародованы были нѣкоторые Статуты, которые по имени сего Намѣстника и названы Пойнинговыми законами, и изъ которыхъ однимъ Статутомъ, *изданнымъ для уменьшенія власти Намѣстнической* равномѣрно какъ и Парламентской, узаконено было: 1. Чтобъ Намѣстникъ Государевъ съ совѣтомъ Ирландскимъ, предварительно всякому сзыву и засѣданію Парламентскому, докладывалъ Королю Аглинскому подробно обо всѣхъ предпріемлемыхъ въ Ирландіи Актахъ, и оные бы присылалъ ко Двору съ приложеніемъ на нихъ печати Ирландской. 2. Чтобъ присланные такимъ образомъ къ Королю Акты бы-

были въ его Королевскомъ совѣтѣ разсматриваемы, подтверждаемы или отмѣняемы, и напослѣдокъ съ приложеніемъ на нихъ печати Великобританской отсылаемы обратно въ Ирландской Парламентъ, которой тогда ужè а не прежде могъ бы такіе Акты обнародовать или отмѣнять. Но какъ сіе установленіе препятствовало всякому законоположенію быть предлагаемому предварительно въ Парламентѣ Ирландскомъ, и воспричинствовало въ законоизданіи многія неудобства и частыя самаго Парламента распущенія; того ради Статутомъ Короля Филиппа и Королевы Маріи было узаконено, чтобъ всякія новопредлагаемыя узаконенія могли быть присылаемы обыкновеннымъ образомъ для извѣстія въ Англію, и по собраніи на то предварительномъ и въ самое засѣданіе Парламента Ирландскаго. Однакожъ и за симъ постановленіемъ Ирландскому Парламенту не оставалось больше ничего какъ токмо одна власть воспретительная, по которой онъ могъ только отвергать законы, присылаемые

изъ Королевскаго совѣта, а не новые самъ собою установлять или отмѣнять. По нынѣшнему же и послѣднему постановленію намѣреваемыя законопредложенія дѣлаются предварительно и въ нижнемъ и въ вышнемъ Парламентахъ Ирландскихъ подъ наименованіемъ *Статьи на новой законъ*, и съ симъ наименованіемъ отдаются на разсмотрѣніе Государеву Намѣстнику, которой по представленію Парламентскому принимаетъ и пропущаетъ оныя статьи, а иногда и отвергаетъ ихъ вовсе безъ пропущенія даже и въ Англію. Чтожъ касается до особливости Пойнинговыхъ узаконеній, то оныхъ дѣйствованія ни отмѣнить, ни остановить не можно, пока объ нихъ представленіе апробовано не будетъ въ обоихъ Парламентахъ Ирландскихъ предварительно до представленія объ оныхъ въ Англію.

Такимъ образомъ Ирландія лишившись пользы Аглинскихъ Статутовъ лишилась чрезъ то многихъ и выгод-

ныхъ для нея законовъ, служащихъ къ совершенію общественнаго закона: и какъ доставленіе провосудія чрезъ то здѣлалось въ обоихъ сихъ государствахъ не согласнымъ; того ради другими Пойнинговыми законоположеніями установлено было, чтобъ всѣ Акты Парламентскіе, дѣланные прежде въ Англіи, имѣли дѣйствительную силу и въ Ирландскомъ государствѣ. Но поколику со времянъ Короля Іоанна и Пойнинговыхъ законовъ, никакихъ въ Англіи не дѣлано было Актовъ, обязующихъ *Ирландію; то по сему самому правилу* слѣдуетъ, что никакіе Акты Аглинскаго Парламента, послѣдовавшіе съ 10 году царствованія Генрика VII. не обязываютъ народа Ирландскаго, развѣ какъ только тѣ одни обязательными почесться могутъ, въ коихъ или именно Ирландія упомянута, или и включительно во всеобщемъ объятіи всѣхъ владѣній королевскихъ. Такими Актами Аглинскими, въ коихъ она именно или и включительно упомянута, Ирландія безъ сомнѣнія обязуется по самому

существу и постановленію своея зависимости, которая зависимость не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ обязательствѣ повиноваться волѣ и закону оныя верьховныя особы или правительства, отъ которыхъ низшее правительство зависитъ. Первоначальное и подлинное основаніе верьховности Англіи надъ Ирландіею заключается, хотя и несобственно, въ принадлежащемъ ей правѣ завоеванія, которое право имѣть дозволяютъ права̀ народныя и естественныя, но которое въ смыслѣ политическомъ не болѣе *значитъ*, какъ оный, *именно или и подразумѣвательно заключенный* между побѣдителемъ и побѣжденными договоръ или союзъ, по которому для прекращенія вражды такое дѣлается условіе, что естьли побѣжденные захотятъ признавать побѣдителя за своего Обладателя, то бы и онъ поступалъ съ ними впредь какъ съ подданными, а не какъ съ непріятелями.

Но

Но какъ сіе состояніе зависимости почти ужѐ и въ забвеніе приходило и всегда было оспориваемо народомъ Ирландскимъ; того ради въ недавнѣйшія времена за нужно почтено опредѣлить точно, въ какомъ состояніи зависимости Ирландія находится: и для того Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 6. лѣто царствованія Георгія перваго, гл. 5. точно подтверждено государству Ирландскому быть подвластнымъ и зависимымъ отъ Короны Великобританской, какъ неразрывно и навсегда присоединенному къ оной, и чтобъ по сему послѣднему установленію Его Величество Король Великобританскій съ согласіемъ Парламента Великобританскаго имѣлъ власть насылать Ирландіи законы и оными обязывать народъ Ирландскій.

И такъ изъ вышесказаннаго мы видимъ, сколь далеко простираются и сообщаются законы Ирландскіе съ Аглинскими, и оныхъ сообщеніе заподлинно весьма нужно для того, что изъ Ирланд-

ландскихъ судебныхъ мѣстъ, равномѣрно какъ и изъ Валлижскихъ, послѣднія аппелляціи бываютъ въ Юстицкія мѣста̀ Аглинскія, и всякое рѣшеніе, учиненное непра́вильно въ Королевскомъ и въ Канцлерскомъ судѣ Ирландскомъ, переносится въ Королевской судъ Аглинской; да и Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 6. лѣто царствованія Георгія перваго, гл. 5. точно подтверждено, что Ирландскіе Пе́ры или вышшей ихъ Парламентъ не имѣютъ власти никакой ни утверждать, ни опровергать и нижѐ переверши*вать судовъ*, производимыхъ въ *вышесказанныхъ* Королевскихъ судищахъ Ирландскихъ. Ибо правосудію вообще хотя и надлежитъ быть доставляему судищами собственными во всякомъ государствѣ, однако аппелляціямъ послѣднимъ на оныя должно непременно быть въ судахъ верьховнаго правительства. Свойственность и надобность сего постановленія для всѣхъ низшихъ областей утверждаются на двухъ причинахъ: 1. Что въ противномъ случаѣ законъ у-

ста-

становленный или позволенный такимъ подданнымъ областямъ могъ бы нечувствительно перемѣненъ быть безъ вѣдома и согласія верьховнаго Обладателя. 5. Что противнымъ сему постановленію судомъ, и опредѣленія могли бы послѣдовать въ уменьшеніе верьховности и въ составленіе зависимости только отъ одной Королевской особы, а не отъ Короны Аглинской наслѣдственной.

Чтожъ касается до другихъ прикосновенныхъ и подданныхъ Коронѣ Аглинской острововъ; то нѣкоторые изъ сихъ, какъ на примѣръ, островъ Ва́йтъ, По́ртландъ и Та́нетъ, заключаются въ смѣжныхъ и сопредѣльныхъ себѣ областяхъ, и сопричтенными почитаются частьми Королевства Аглинскаго. Но сверьхъ сихъ есть еще и другіе острова̀, которые требуютъ подробнѣйшаго описанія и разсужденія.

И вопервыхъ такой есть островъ Манъ, совсѣмъ отдѣленная область отъ Англіи и не управляемая нашими за-

законами, котораго никакой Актъ Парламентской не обязываетъ, развѣ какъ только именно для него насланный. Въ древнія времена сей островъ былъ февдальнымъ государствомъ и подвластнымъ Королямъ Норвежскимъ, потомъ здѣлался подданнымъ Королямъ Аглинскимъ Іоанну и Генрику III. послѣ сихъ былъ онъ въ подданствѣ Королей Скотландскихъ, и напослѣдокъ опять былъ принадлежащимъ Коронѣ Аглинской до тѣхъ поръ, пока Генрикъ IV. потребовавъ сей островъ себѣ по праву завоеванія, и отдалъ его во владѣніе *потомственное Эрлу или Графу* Нортумберландскому, за измѣну котораго оный опять былъ конфискованъ и пожалованъ грамотою Генрика IV. Сару Джону де Станле, у коего въ потомственномъ владѣніи продолжался до смерти Фердинанда Дербскаго, скончавшагося въ 1594. году. По смерти Фердинанда споръ произошелъ въ наслѣдіи сего острова между Фердинандовыми дочерьми и его оставшимся въ живыхъ братомъ Вильгельмомъ, по которому спо-

ру

ру онъ паки былъ конфискованъ коронѣ Аглинской и разными грамотами Іакова Перваго былъ жалованъ въ 7. лѣто царствованія сего Государя Вильгельму Графу Дербскому и его наслѣдникамъ мужескаго пóлу, которое пожалованіе вскорѣ было конфирмовано и Актомъ Парламентскимъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы наслѣдники его не могли сего óстрова никому отчуждать. По смерти Графа Іакова Дербскаго, случившейся въ 1735. году, мужеское колѣно Графа Вильгельма пресѣклось; Дюкъ Атольской съ женниной стороны здѣланъ былъ наслѣдникомъ сего óстрова. Между симъ временемъ хотя Короли Аглинскіе и не именовались Государями сего óстрова, а именуясь Графы Дербскіе обладателями Островоманскими, равную почти Королевской имѣли надъ онымъ власть, соглашаясь иногда и не соглашаясь съ законами Аглинскими; и хотя при томъ никакіе указы Аглинскіе ни судопроизводства Вестминстерскихъ присудственныхъ мѣстъ не были уважаемы на островѣ

Манѣ;

ManѢ; однако апелляціи на рѢшенія обладателей Островоманскихъ могли быть подаваемы въ верховной совѢтъ Короля Великобританскаго. Но напослѢдокъ когда отдѢленное правоправленіе сего малаго и подвластнаго Королевства оказалось препятствующимъ доставленію правосудія и собиранію доходовъ государственныхъ, и когда самой сей островъ здѢлался явнымъ убѢжищемъ Должникамъ, Обеззаконеннымъ *) и Провозникамъ безъ пошлины товаровъ; того ради Статутомъ, послѢдовавшимъ въ 13. лѢто царствованія Георгія *перваго*, гл. 28. дана *власть государственному* Казначейству купить доходы у обладателей сего óстрова, и присоединить оные къ доходамъ государственнымъ, которая купля напослѢдокъ и дѢйствительно совершена въ 1765. году, и кон-

(*) Обеззаконеннымъ въ Англіи называется человѢкъ, которой по троекратному позыву на судъ не явился, и чрезъ то изключается вóвсе и изъ всѢхъ правъ и законовъ государственныхъ такъ, что всякому позволяется и убить его.

конфирмована Статутами, последовавшими въ 5. лѣто царствованія Георгія III. гл. 26. и 39. по которымъ весь сей островъ со всѣми принадлежностьми, издревле жалованными, безъ отчужденія впредь достался Коронѣ Аглинской, и подверженнымъ здѣлался правленію Британскому таможенному и портовому, выключая только принадлежащее фамиліи Атольской право въ собственности землѝ, въ правоправленіи помѣщичьемъ и въ патронствѣ Архіепископства Островоманскаго, соединеннаго при томъ и съ другими прибыльми церковными.

Что касается до другихъ, прикосновенныхъ Англіи, острововъ Дже́рзе, Ге́рнзе, Саркъ, А́лдерне; то сіи издревле составляли часть Французской области Нормандской, и первыми Королями Аглинскими изъ Нормандскаго поколѣнія присоединенными здѣлались къ Коронѣ Аглинской. Всѣ сіи острова̀ управляются своими собственными законами, которые по большой части

состоятъ изъ обыкновеній Нормандскихъ, собранныхъ и содержащихся въ ихъ старинныхъ весьма уважаемыхъ и теперь изложеніяхъ, которыя называются у нихъ *Великимъ изложеніемъ обычайнаго закона*, пофранцузски Le grand coustumier. Королевскіе указы и судопроизводства изъ Вестминстерскихъ присудственныхъ мѣстъ въ сихъ островахъ никакой силы не имѣютъ, но Королевскіе въ оныхъ повѣренные или Комисары имѣются. Вообще же всѣ сіи острова не обязываются обыкновенными Актами Парламентскими, *развѣ* какъ *только для нихъ именно здѣланными*. Всѣ дѣла издревле и нынѣ тамъ судятся и разбираются ихъ собственными чиноначальниками, Судьями и присяжными судопроизводителями; однакожъ послѣднія аппелляціи и на ихъ рѣшенія бываютъ въ верховной совѣтъ Короля Великобританскаго.

Сверьхъ сихъ прикосновенныхъ Англіи острововъ, и удаленныя наши селенія въ Америкѣ и въ другихъ ча-

стяхъ

частяхъ свѣта управляются также нѣсколько Аглинскими законами. Находящіяся въ отдаленности наши селенія могутъ раздѣлены быть на два рода, изъ коихъ одни имѣютъ собственность въ земляхъ преждебывшихъ пустыхъ и ничьихъ, принадлежащую имъ по праву занятія и заселенія своимъ отечественнымъ народомъ; когда напротивъ симъ другія тамъ селенія владѣютъ землями обработанными прежде, по праву завоеванія и по трактатамъ имъ уступленными: и хотя оба сіи права̀, *по занятію* и *по завоеванію* имъ принадлежащія, *утверждаются на законѣ естественномъ или народномъ*, однако разность сіи оба селенія имѣютъ въ разсужденіи законовъ, коими они обязуются. Ибо то ужѐ принято за не оспоримую истинну, что естьли новонайденныя и прежде не обитаемыя зе́мли заняты и населены были гдѣ подданными Аглинскими; то въ таковыхъ селеніяхъ всѣ законы Аглинскіе, существующіе какъ природныя для всякаго подданнаго права̀, безпосредственно

имѢютъ свою силу и дѢйствіе. Но сіе утвержденіе разумѢть должно со многими и великими ограничиваніями, поколику такіе населенцы или Колонисты заимствуютъ отъ законовъ Аглинскихъ не болѢе, какъ сколько ихъ обстоятельства и состояніе новоначинающагося ихъ селенія употребить могутъ; и изъ таковыхъ наибольше они заимствуютъ пра́вила, касательныя до наслѢдства и до защищенія личной безопасности. Прочія же тончайшія и подробнѢйшія законоположенія, приличествующія собственности *многочисленнаго* и *коммерческаго народа*, равномѢрно какъ и законы, касательные до полиціи, поборовъ государственныхъ, до содержанія церковниковъ и благоучрежденія духовныхъ судилищъ и расправъ, суть нижѐ способны, ни нужны для новонаселяющихся народовъ, и по тому самому таковыя у нихъ не могутъ имѢть своего и дѢйствія. И такъ что должно здѢсь изъ заимственныхъ законовъ принимать, что отвергать, въ которое время и подъ какимъ ограни-

ничиваніемъ; сіе все при случившемся сворѣ надлежитъ разбирать и рѣшить сперьва въ провинціяльномъ каждаго селенія судищѣ, которое и само подверженнымъ бываетъ Королевскому совѣту такъ, какъ и все селеній правленіе подвергается благоучрежденію и поправленію верховнѣйшей власти законодательства отечественнаго Аглинскаго. Напротивъ того въ селеніяхъ, завоеванныхъ или уступленныхъ по трактатамъ и управляемыхъ при томъ своими собственными законами, Король Аглинскій *хотя* и заподлинно можетъ перемѣнять и *отмѣнять* законы, однако покуда онъ ихъ дѣйствительно не перемѣнитъ, старинные законы селеній остаются дѣйствительными, естьли только не противны закону Божію и не идолопоклоннические суть. Американскія наши селенія по большой части суть сего послѣдняго рода, доставшіяся намъ въ послѣднемъ столѣтіи или по праву завоеванія, или и по трактатамъ, и утвердившіяся намъ по изгнаніи изъ оныхъ природныхъ обыва-

телей, которое изгнаніе, съ какою естественною справедливостію или несправедливостію учинено, о семъ теперь я не буду разсуждать. Для вышесказанныхъ обстоятельствъ въ сихъ послѣдняго рода нашихъ селеніяхъ обыкновенный Аглинскій законъ не имѣетъ силы, поколику оныя не составляютъ части природнаго отечества Аглинскаго, но суть отличныя, хотя и зависящія отъ него владѣнія. Онѣ подвластны Парламенту Аглинскому, хотя впрочемъ, какъ Ирландія и островъ Манъ, не обязываются и никакими другими Актами Парламентскими, развѣ какъ *только особливо* и именно для нихъ здѣланными.

По внутреннему же своему правленію наши селенія имѣютъ собственныя три правленія: 1. Первыми суть провинціяльныя правленія, коихъ установленіе зависитъ отъ особливыхъ повѣренностей и инструкцій, насылаемыхъ отъ Короны Аглинской къ тамошнимъ Губернаторамъ, подъ властію которыхъ учреждаются провинціяльныя собра-

бранія, уполномоченныя дѣлать помѣстныя узаконенія, лишь бы только оныя не были противны законамъ Аглинскимъ. 2. Вторыми суть владѣльческія правленія, дозволяемыя Короною Аглинскою частнымъ людямъ такъ, какъ Феодальнымъ областямъ со всѣми низшими учиновленіями и съ подчиненною властію законодательства, каковую въ древнія времена имѣли владѣльцы Палатинскихъ областей, однакожъ съ такими точно условіями, чтобъ тѣ самыя условія и намѣренія, для которыхъ Корона дозволяетъ имѣть такое правленіе, были точно исполняемы, и чтобъ при томъ сими правленіями не было ничего предпріемлемо противнаго и умаляющаго верьховность самодержавія Великобританскаго. 3. Третьими суть правленія, жалованныя грамотами поселенцамъ, какъ составляющимъ общества градоначальническія со властію дѣлать уставы для собственнаго распоряженія, и непротивнаго законамъ Аглинскимъ, и съ такими при томъ правами и преимуществами, каковыя

именно имъ даны въ разныхъ грамотахъ на общество. Въ сихъ правленіяхъ всѣхъ Колонистовъ нашихъ по большой части заимствованъ родъ правленія Аглинскаго. Всѣ они имѣютъ Губернатора, назначаемаго отъ Короля, которой въ лицѣ Государя правитъ какъ его Намѣстникъ или какъ Депутатъ Королевскій. Юстицкія судилища они имѣютъ свои собственныя, на которыхъ рѣшенія бываютъ аппелляціи въ верховный совѣтъ Королевскій. Ихъ народныя собранія, составляющія низшій Парламентъ, и ихъ *государственной совѣтъ*, *составляющій вышшій Парламентъ*, съ согласіемъ Короля или его намѣстническаго Губернатора, издаютъ законы, сообразуемые съ ихъ обстоятельствами. Но Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 7. и 8. лѣто царствованія Вильгельма III. гл. 22. точно опредѣлено, что всѣ законы, уставы и обыкновенія, намѣреваемыя для употребленія въ селеніяхъ и противныя узаконеніямъ Аглинскимъ, издаваемымъ для оныхъ селеній, должны быть вовсе не дѣйстви-

тель-

тельными и не имѣющими никакой силы. А какъ многія изъ селеній присвоивали себѣ самовластное право налагать самимъ на себя поборы государственные; того ради и другимъ Статутомъ, послѣдовавшимъ въ 6. лѣто царствованія нынѣшняго Георгія III. гл. 12. именно объявлено: что всѣ Его Величества селенія Американскія издревле были, нынѣ суть и по закону должны быть и впредь подвластными и зависящими отъ Короны и Парламента Великобританніи, которая имѣетъ полную власть и силу давать селеніямъ Американскимъ законы, обязующіе тамошнихъ народовъ во всякомъ случаѣ какъ подданныхъ Коронѣ Великобританской. Сему законоположенію Парламентскому, когда провинція новаго Йорка воспротивилась и не хотѣла снабдѣвать Королевскихъ тамъ войскъ нужными припасами, тогда и подвластная власть законодательная совѣта и собранія провинціяльнаго остановлена была Статутомъ, изданнымъ въ 7. лѣто царствованія Георгія III. гл. 59. до

 тѣхъ

тѣхъ поръ, покуда приказанія Акта Парламентскаго исполнены были.

Сіи-то суть различныя владѣнія Короны Великобританской, въ коихъ гражданскіе законы Аглинскіе, единственно какъ гражданскіе, не имѣютъ власти ни силы: многія изъ сихъ владѣній, можетъ статься, заимствовали силу собственныхъ своихъ законовъ первоначально и отъ Аглинскаго закона; но таковой законъ получаетъ свою силу въ селеніяхъ, здѣлавшись ужѐ въ оныхъ отечественнымъ закономъ.

Чтожъ касается до чужестранныхъ владѣній, принадлежащихъ единственно особѣ Королевской по наслѣдству, по куплѣ и по другому пріобрѣтенію, каковымъ есть Ганноверъ и другія Его Величеству принадлежащія въ Германіи владѣнія; то сіи, какъ ни мало не принадлежащія къ здѣшнему государству, никакъ не участвуютъ въ законахъ Аглинскихъ и оными ни подъ какимъ видомъ не обязываются. Аглинское

ское законодательство премудро и довольно уже заприметило все оныя неудобства, какія происходили от прежде бывших во внутренности Эвропы владений Аглинских, кои сперьва начались Вильгельмом победителем в области Нормандской, и пріумножившись по наследству Генрику второму в областях Анжуйских, были чрез долгое время под державою Аглинскою. Наше правительство довольно нагляделось на свое отечество, занятое чрез четыре ста лет разорительными войнами и защищеніем таковых чужестранных владений, покуда оныя, по щастію нашему потеряны были при Короле Генрике шестом. С того времени наши Политики лучше узнали государственную прибыль и интересы на море, и больше к оным прилагая старанія увидели, что как скоро сіе государство отдохнуло несколько от междоусобных и чужестранных браней, то и начало вдруг процветать, и зделалось от того несравненно больше уважаемым в Эвро-

пѣ, нежели какъ когда Государи его владѣли великими областьми чужестранными и его министры безпрестанно заняты были наблюденіемъ интересовъ чужестранныхъ. Опытъ и разсужденія о семъ нашихъ Политиковъ подали причину и оному благоусловному Акту Парламентскому, состоявшемуся въ 12. и 13. лѣто царствованія Вильгельма III. гл. 3, по которому установлено „чтобъ „впредь, когда Корона Аглинская достанется какому нибудь изъ Государей чужестранныхъ и не природныхъ здѣшнему государству, не обязываться Англіи входить *ни въ какую войну*, „для защищенія владѣній Королевскихъ „безъ согласія на то Парламентскаго„.

И такъ описавъ предварительно всѣ области, принадлежащія Коронѣ Аглинской, мы приступаемъ теперь къ описанію самой Англіи въ особенности съ показаніемъ при томъ точнаго предмета тѣхъ ея законовъ, о которыхъ подробнѣйшее будетъ изъясненіе въ слѣдующихъ толкованіяхъ.

Въ такомъ особливомъ знаменованіи взятая Англія заключаетъ въ себѣ не только область Валлижскую и городъ Берикъ, о коихъ уже довольно говорено прежде, но также и прикосновенную ей часть морей. Глубокія и пространныя моря составляютъ не послѣднюю часть Королевства Атлинскаго, и надъ оными, какъ-то сіе пространнѣе будетъ показано послѣ, наши Адмиралтейскія правительства имѣютъ власть. Предѣлы моря начинаются по приливу и отливу съ самой мѣлкой воды въ берегахъ. (*) Но надъ тѣми мѣстами, до которыхъ вода въ приливѣ простирается, и въ отливѣ убываетъ, обычайной или общій законъ съ Адмиралтейскимъ имѣютъ между собой раздѣленную власть [diuisum imperium], изъ которыхъ Адмиралтейскій за-

(*) Приливъ и отливъ воды во всякія сутки бываетъ по наважденію луны во всѣхъ рѣкахъ и берегахъ, кои сообщеніе имѣютъ съ Океяномъ и великими морями; такой приливъ воды въ Лондонской рѣкѣ Темзѣ бываетъ до 12. и 13. футовъ вышиной.

законъ дѣйствуетъ въ водополь надъ водою, а общій по удаленіи воды надъ землею.

Аглинская земля подвержена двоякому раздѣленію, церковному и гражданскому.

1. По церковному раздѣляется она вопервыхъ на двѣ провинціи Кантербургскую и Йоркскую. Въ семъ церковномъ раздѣленіи провинція значитъ епархію Архіерейскую, раздѣляющуюся поаглински на разныя діоцезіи или консисторіи Архіерейскія. Таковыхъ *діоцезій* Кантербургская *провинція* имѣетъ двапцать одну, а Йорская три съ приписаннымъ сей послѣдней Архіепископствомъ Островоманскимъ, которое Йоркской провинціи *или* епархіи присоединилъ Король Генрикъ VIII. Всякая діоцезія или консисторія раздѣляется на Архидіяконства, каковыхъ всѣхъ въ Англіи щитается шестьдесятъ. Каждое Архидіяконство раздѣляется на деревенскія или сельскія Діяконства, состоящія въ округахъ, препорученныхъ

ныхъ смотрѣнію Архидіаконовъ и сельскихъ Діаконовъ. Напослѣдокъ всякое діаконство поаглински раздѣляется на парохіи или приходы, принадлежащіе всякой церквѣ въ особенности.

N. B. Для удобнѣйшаго о семъ понятія Россійскому читателю должно примѣчать, что въ Англіи сіе раздѣленіе введено отъ Папистовъ, и по чиноположенію церковному Папежскому въ Англіи Архидіаконами и Діаконами опредѣляются Священники или Пастори. *Діаконы* на Греческомъ языкѣ и въ *первоначальномъ христіянствѣ* значили служителя церковнаго, но при возвышающейся Папской власти Архидіаконства и Діаконства здѣлались великими достоинствами; почему и въ Англіи теперь Архидіаконъ значитъ Священника или Пастора во власти бóльшаго, нежели у насъ Протопопъ, коего должность есть: объѣзжать всю препорученную ему округу два раза въ три года, разсматривать въ ней злоупотребленія церковныя, и важнѣйшія дѣ-

дѣла предлагать Архіепископу на разсмотрѣніе въ Консисторіи. Сельской въ Англіи Діяконъ имѣетъ должность, какая у насъ препоручается благочинному, и Діякона сельскаго въ Англіи постановляетъ Архидіяконъ съ согласіемъ Архіерея чиноначальникомъ надъ нѣсколькими приходами.

Парохіею или приходомъ называется тотъ округъ земли, въ которой прихожане подъ смотрѣніемъ одного поставленнаго или викарнаго Попа живутъ. Таковыхъ приходовъ въ *землѣ Агинской щитается до десяти тысячь.* сколь древнее есть въ Англіи сіе послѣднее раздѣленіе на приходы или парохіи, сего теперь точно утвердить весьма трудно. *Ибо въ томъ* почти всѣ повѣствователи согласны, что въ первоначальные вѣки христіянства, воспріятаго на семъ островѣ, парохіи не извѣстны были, а по крайней мѣрѣ оныя значили не иное что, какъ нынѣшнія діоцезіи или Консисторіи Архіерейскія. Съ начала въ Англіи не бы-

было особливаго приписанія ни къ какой церкви поборовъ десятинныхъ, но всякой человѣкъ давалъ оные, какому хотѣлъ Попу и церквѣ, лишь бы только извѣстно было, что онъ далъ ихъ кому нибудь; и естьли кто тогда не имѣлъ и совсѣмъ своего приходскаго Попа и церкви, то таковой отдавалъ десятинные поборы самому Архіепископу, котораго долгъ былъ раздѣлять оные на церковь и на другія благочестивыя употребленія по своему благоусмотрѣнію.

Господинъ Ка́мденъ говоритъ, что Англія раздѣлена была на приходы въ 630. году Архіепископомъ Гоноріемъ: но Сарръ Генрикъ Гобартъ утверждаетъ, что парохіи или приходы вопервыхъ учреждены были здѣсь соборомъ Латеранскимъ, бывшимъ въ 1179. году Рождества Христова. Оба сіи писатели весьма не согласны въ истиннѣ, которую уповательно можно лучше найти въ срединѣ такихъ крайне не согласныхъ мнѣній. Ибо Г. Селденъ ясно

ужѐ

ужѐ доказалъ, что Попы въ Англіи не раздѣляясь на приходскіе долго жили въ обществѣ всѣ и послѣ упоминаемаго Камденомъ времени; да и изъ Саксонскихъ законовъ довольно явствуетъ, что парохіи или приходы давно ужѐ были въ Англіи и до собора Латеранскаго, коему оныя приписываетъ Гобартъ.

Въ законахъ Короля Эдгара мы можемъ найти раздѣленіе не токмо парохій или приходовъ, но даже и приходскихъ церквей, открывшееся еще въ 970. году. *До сего времени посвященіе* и собираніе десятинныхъ поборовъ церковныхъ было произвольное, то есть, всякой человѣкъ, какъ и выше сказано, платилъ оные приходу и церквѣ, какимъ хотѣлъ. Но какъ въ такомъ не устроенномъ платежѣ происходить начали обманы и злоупотребленія; того ради закономъ Короля Эдгара повелѣно было: „платить всѣ десятин„ные поборы церквѣ, къ кото„рой приходъ принадлежитъ.„ dentur

omnes

omnes decimae primariae Ecclesiae, ad quam parochia pertinet. Однакожъ и тогда, естьли какой Лордъ или помѣщикъ имѣлъ у себя дворовую, отдѣленную отъ приходской и имѣющую кладбище церковь; то на таковую ему дозволялось удѣлять третью часть поборовъ десятинныхъ для содержанія при оной Попа. Естьли же дворовая у Лорда церковь не имѣла кладбища; то таковую онъ долженъ былъ содержать собственнымъ коштомъ, а поборы десятинные платить всѣ сполна въ приходскую церковь.

Изъ сего довольно явствуетъ, что Англія въ тогдашнія еще времена вся была раздѣлена на парохіи или приходы, которое раздѣленіе введено въ ней не вдругъ, но въ разныя времена и постепенно; да и сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что и предѣлы каждаго прихода первоначально означаемы были предѣлами владѣній каждаго Лорда, по тому что въ старину весьма рѣдко случалось, чтобъ одинъ владѣлецъ

маетностьми своими распространялся за предѣлъ больше одного приходу, хотя мѣлочныхъ помѣщиковъ и много случалось въ одномъ приходѣ. При распространенiи у насъ христiянства Лорды начали строить на своихъ дачахъ для присоединенiя своихъ подданныхъ къ одному или двумъ владѣнiямъ, и для доставленiя имъ порядочнаго богослуженiя принудили разнобоярскихъ всѣхъ прихожанъ мужиковъ платить десятинные поборы въ одну приходскую церковь, не дозволяя имъ болѣе собирать и платить оныхъ *по прежнему* въ *Дiоцезiю или Консисторiю*: и сiя-то земля или округа, съ коей десятинные поборы собирались для одной церкви, составляла собственно парохiю или приходъ. Такое происхожденiе приходовъ довольно можетъ объяснить и причину частаго у насъ смѣшенiя приходовъ съ приходами. Ибо когда какой Лордъ имѣлъ часть земли въ другой парохiи, удаленную отъ большой своей вотчины, но не могущую составить цѣлой парохiи или прихода; то

то въ такомъ случаѣ самой натуральной разсудокъ ему велѣлъ снабдить новопостроенную имъ церковь десятинными поборами съ оныхъ, внѣ главной вотчины лежащихъ, земель, а особливо когда ни въ единомъ помѣстьѣ чужемъ и прикосновенномъ его черезполоснымъ владѣніямъ не было ни единой церкви.

Такимъ образомъ постепенно парохіи или приходы въ Англіи были учреждены, и приходскія церкви снабдѣны десятинными поборами, собираемыми съ *означенныхъ* на приходъ округъ. *Но при всемъ томъ* нѣкоторыя и еще остались въ Англіи зéмли, которыя или по причинѣ своихъ не христіянскихъ и нерадивыхъ издревле обладателей, или по своему положенію въ лѣсахъ и пустошахъ состоящему, или и по другой какой не доведомой причинѣ, никогда не были причислены ни къ единому приходу, и по тому называются и поднесь экстрапарохіяльными или не принадлежащими къ приходамъ землями, съ которыхъ по древ-

нему и не памятуемому обыкновенію поборы десятинные вмѣсто Архіепископа платятся Королю съ такою довѣренностію и упованіемъ, что онъ конечно сіи поборы раздастъ на всеобщее благоупотребленіе церковное: однакожъ и сіи экстрапарохіяльныя земли, когда здѣлались пахатными и удобренными, велѣно причислять къ землямъ парохіяльнымъ или приходскимъ по воспослѣдовавшему Статуту въ 17. лѣто царствованія Георгія II. гл. 37. И сего понятія о раздѣленіи здѣшняго Королевства по церковному разпредѣленію довольно.

2. Гражданское раздѣленіе Англіи бываетъ на Графства, Графствъ на сотни, и сотенъ на десятоначальства или на города̀ и градоначальства, которое послѣднее раздѣленіе, удержанное и поднесь по видимому имѣетъ свое происхожденіе отъ Короля Алфреда, которой для предохраненія государства отъ разбоевъ и безпорядковъ, умножившихся въ тогдашнія времена,

учре-

учредилъ десятоначальства, поаглински и посаксонски называемыя *тайтынгсъ* [*tithings*], для того, что десять помѣщиковъ съ ихъ фамиліями составляли одинъ городъ. Сіи десять помѣщиковъ вмѣстѣ живущіе были взаимными одинъ по другомъ поруками, и отвѣчали Королю всѣ за одного и одинъ за всѣхъ въ порядочномъ житіи и поведеніи каждаго такъ, что естьлибы какая наглость или разбой въ ихъ округѣ оказались; то они всѣ обязывались немедлѣнно сыскивать и отдавать такого злодѣя подъ судъ. По сей причинѣ встарину никому не позволялось въ Англіи жить долѣе сорока дней не записанному въ какое нибудь десятоначальство. Изъ сихъ десяти помѣщиковъ одинъ ежегодно выбираемъ былъ Предсѣдателемъ, которой будучи подразумѣваемъ вѣрнѣйшимъ и честнѣйшимъ изъ всѣхъ, назывался Десятиначальникомъ, Градоначальникомъ и Старѣйшиною града, поаглински *tithingman headborough and boroug's Ealder*.

Десятоначальства, города и села въ законѣ Аглинскомъ всѣ значатъ одно, и каждое десятоначальство, городъ и село имѣли встарину собственную церковь и кладбище, хотя сіе ихъ различеніе больше походитъ на церковное, нежели на гражданское. На Аглинскомъ языкѣ слово *town* или *vill* *городъ*, по премѣненіи времени и языка нынѣ заподлинно получило всеобщее знаменованіе, заключающее въ себѣ разныя наименованія городовъ главныхъ, купеческихъ и уѣздныхъ, каковые поаглински называются *cities*, *Boroughs*, *and common towns*. *Ситы* [*cyti*] *поаглински* называется городъ, въ коемъ Архіепископъ жилъ или живетъ; и хотя въ немъ Архіепископство послѣ и уничтожено, какъ-то здѣлано заподлинно въ Вестминстерѣ, однако таковой всегда именуется и по уничтоженіи Архіепископства городомъ или Ситы. Бургъ или Боро [Borough] нынѣ значитъ городъ купеческій, изъ котораго имѣются члены въ нижнемъ Парламентѣ Аглинскомъ. Прочихъ же низшаго знаменова-

ванія городовъ въ Англіи щитаетъ Сарръ Эдуардъ Кокъ до 8803. изъ коихъ иные имѣютъ привилегію торговли, а иные и не имѣютъ; однако всѣ въ законѣ Аглинскомъ называются городами. Ко многимъ изъ сихъ послѣднихъ городовъ принадлежатъ пригородки, называемые поаглински *Гáмлетсъ* [hamlets], каковые примѣчаются въ Статутѣ Экзетерскомъ, въ коемъ часто упоминаются цѣлые городà, полугородà и пригородки, называемые поаглински entire vills, demi vills, and hamlets. *Энтаеръ-Вилъсъ*, или цѣлые городà, состояли какъ думаетъ Сарръ Генрикъ Спéлманъ, изъ вышесказанныхъ десяти помѣщичьихъ градоначальствъ; *Деми-вилъсъ* или полугородà состояли изъ пяти; а *Гáмлетсъ* или пригородки изъ меньше пятерыхъ таковыхъ помѣщиковъ. Сіи послѣднія не большія соединенія домовъ и семействъ иногда управляемы бываютъ главнымъ городомъ, коему приписаны, а иногда и особливыми чиноначальниками, и когда они управляются особливыми, тогда въ за-

конѣ почитаются особливыми городками. Всѣ же сіи города составляли встарину, какъ и вышесказано, лишь только одну парохію или приходъ, хотя нынѣ при размноженіи обывателей, многіе изъ нихъ раздѣлились и на разные приходы, и многіе изъ нихъ бываютъ и по два въ одномъ приходѣ.

А какъ по вышесказанному десять фамилій помѣщиковъ во единожительствѣ составляютъ цѣлой городъ или десятоначальство; то десять городовъ составляютъ и бо́льшее раздѣленіе, называемое *сотеннымъ*, и состоящимъ изъ десятью десяти фамилій или семействъ. Сотнями управляютъ великіе Констабели, у которыхъ встарину имѣлся и Сотенный судъ, хотя оный нынѣ и не употребительнымъ здѣлался. Въ нѣкоторыхъ удаленныхъ къ сѣверу графствахъ сіи сотни называются *Вѣпентексъ*, wapentakes, то есть, оружейноподданными по тому, что въ знакъ подданства и вѣрности

отдавали свое оружіе главноначальствующему надъ ними.

Раздѣленіе сотенъ на десятки или на десятоначальства выдумано было Королемъ Алфредомъ, учрежденіе же самыхъ сотенъ онъ больше въ обыкновеніе ввелъ, нежели изобрѣлъ. Ибо таковыя сотни были и до его временъ въ Даніи, и подобноежъ сему учрежденіе сотенъ примѣчается бывшимъ за двѣсти лѣтъ прежде и во Франціи, которое тамъ завели Клотарій и Чилдебертъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобы *всякой округъ обязанъ былъ отвѣчать* за разбой, учиненной въ своемъ помѣстьѣ. Сіи сотенныя раздѣленія во Франціи были военныя, равномѣрно какъ и гражданскія, и *каждая* сотня заключала въ себѣ сто свободныхъ человѣкъ, коими повелѣвалъ Офицеръ, называемый Сотникомъ, centenarius; сами же Сотники или centenarii подвластны были вышшему военоначальнику, которой назывался Графомъ, полатински Comes, спутникъ *или* послѣдователь за глав-

нымЪ военоначальникомЪ. (*) Подобноежъ сему учрежденіе сотенЪ можно видѢть даже и у древнѢйшихЪ Германцовъ, отЪ которыхЪ произошли и Франки, здѢлавшіеся обладателями Галліи, и Саксонцы, поселившіеся вЪ Англіи: ибо какЪ вещь, такЪ и самое наименованіе поземельнаго людей общежительства, отЪ коего, можетЪ статься, и самая земля послѢ получила свое прозваніе, были довольно извѢстны онымЪ военнымЪ народамЪ. Сіе самое доказываетЪ и Та́цитЪ говоря о древнихЪ ГерманцахЪ: „что по сту ихЪ вЪ „каждомЪ селеніи *было и сотенными* „между собой назывались, и то, что „прежде у нихЪ значило число, напо„слѢдокЪ преобратилось вЪ чинЪ и „честь,

(*) Такое или подобное сему есть раздѢленіе людей, удержанное и поднесь вЪ Малороссіи, которая раздѢляется на полкй, и полкй на Сотни, управляемыя своими Полковниками и Сотниками, изЪ которыхЪ не токмо Полковники, но даже и Сотники вЪ разсужденіи многолюдства, управляемаго ими, могли бы вспарину еще и преимущественно предЪ Французскими назваться Графами.

„ честь, то есть сотника „. Centeni ex singulis pagis sunt, idqne ipsum inter suos vocantur; et quod primo numerus fuit, iam nomen et honor est. *Tacit. de morib. German.*

Не опредѣленное число сотенъ составляютъ Графство или Провинцію, поаглински называемую Ширъ, shire, которое слово есть Саксонское, и значитъ собственно *раздѣленіе*. Но Графство поаглински *Кóунты*, county, происходитъ отъ Латинскаго *comes* и *comitatus*, и отъ *Кóунтъ*, Графа древнихъ Франковъ, котораго древніе Саксонцы называли *Эрломъ* и *Алдерманомъ*, то есть, старѣйшиною *или старшиною* Шира или Провинціи, коея правленіе все ему препоручалось. Сіе въ Провинціяхъ правленіе обыкновенно препоручали Графы своему Намѣстнику, которой полатински назывался *vice-comes*, или Вицеграфъ, а поаглински *Шерифъ*, такъ названный отъ стариннаго слóва *шрипъ* или *шир-рипъ* *shrieve or shire-reeve*, которое значитъ Офицера или Воеводу провинціяльнаго, коему въ послѣдовавшія времена и все правленіе гражданское досталось. Въ нѣкоторыхъ граф-

графствахъ Аглинскихъ бываетъ еще раздѣленіе и на сотни, каковыхъ три въ Кентѣ называются *Латсъ*, *lathes*, и нѣсколько таковыхъ же въ Суссексѣ называются *Репсъ rapes*. Сіи раздѣленія встарину имѣли своихъ чиноначальниковъ *Лáтрипсъ* и *Рéприпсъ*, кои подчинены были главному *Ширрипу* или Воеводѣ. Когда графство раздѣляется на три изъ такихъ сотенныхъ правленій, тогда сіи правленія называются *третинами*, поаглински *трáйтынгсъ trithings*, [такъ какъ у Новгородцовъ встарину назывались *пятины*] и управляемы были своими чиноначальниками *трáйрипсъ*. Сіи раздѣленія на *третины* или *трáйтынгсъ* и понынѣ удержаны въ обширномъ графствѣ Йоркскомъ, котораго жители испортивши старинное имя вмѣсто *трáйтынгсъ* называютъ ихъ *рáйдынгсъ*, *ridings*, каковыми у нихъ и нынѣ называются сѣверные, восточные и западные *райдынгсъ* или *третины*. Число графствъ въ Англіи и въ области Валлижской въ разныя времена было разное; нынѣ

же

же въ Англіи таковыхъ графствъ имѣется со́рокъ, а въ области Валлижской двенатцать.

Три изъ сихъ Графствъ, то есть, Честеръ, Доргамъ и Ланкастеръ называются Княженіями или Графствами Палатинскими. Честерское и Доргамское Графства Палатинскими признаны издревле по обыкновенію даже и не памятуемому; а по крайней мѣрѣ таковыми они здѣлались со времен завоеванія Англіи Нормандскаго. *Ланкастерскоежъ Графство Палатинскимъ пожаловано отъ Эдуарда III.* Генрику Плантагенету, бывшему сперьва Эрломъ, а пото́мъ и Дюкомъ Ланкастерскимъ, котораго наслѣдница дочь, какъ вышла за мужъ за Королевскаго сына Ивана де Гантъ, of Gant, то привилегіи сему Графству были еще и больше умножены и конфирмованы Парламентомъ, и по смерти Генрика Плантагенета Король здѣлалъ Ивана де Гантъ на мѣсто его тестя Дюкомъ Ланкастерскимъ. Графства въ Англіи Па-

Палатинскими названы отъ Латинскаго слова Palatium дворецъ, по тому что обладатели оныхъ, Эрлъ Честерской, Епископъ Доргамской, и Дюкъ Ланкастерской, имѣли права̀ и прерогативы Королевскія въ толь полномъ знаменованіи, въ какомъ оныя имѣлъ и Король въ своемъ Королевскомъ дворцѣ, то есть, Королевскую, какъ Бра́ктонъ утверждаетъ, они имѣли во всемъ власть: regalem poteſtatem in omnibus. Они могли въ своихъ Графствахъ прощать виноватыхъ въ измѣнахъ, смертоубивствахъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. *Они* опредѣляли въ оныхъ *своихъ Судей*, и всѣ указы и приговоры ихъ именемъ насылаемы и исполняемы были точно такъ, какъ бы оные въ другихъ Графствахъ и отъ имени Короля насылаемы были, и происходящія въ ихъ владѣніяхъ оскорбленія почитались оскорбленіями ихъ самихъ, а не оскорбленіями Короля. Да по древнимъ законамъ и во всѣхъ частныхъ правительствахъ происходившія обиды почитались оскорбленіями самого того правительства,

ко-

коего суду подвержены были: какъ на примѣръ, судимыя во владѣльческомъ (*) судѣ обиды, почитались оскорбленіями владѣльца; и судимыя въ Шерифскомъ судѣ почитались оскорбленіями Шерифа или Вецеграфа. Сіи Палатинскія привилегіи, столь подобныя оной царской и не зависимой власти, которую похитили великіе Бароны при слабомъ и младенчествующемъ состояніи Февдальныхъ государствъ Эвропейскихъ, были съ начала, весьма уповательно, пожалованы Графствамъ Честерскому и *Доргамскому для ихъ смѣжности съ* не *пріятельскими предѣлами области* Валлижской и Скотландіи: то есть, для того пожалованы, дабы обладатели сихъ Графствъ, будучи къ тому заохочены толь великою властію, могли больше защищать оныя отъ набѣговъ не-

(*) Владѣлческой судъ, поаглински Court Leet, принадлежитъ Лорду по мѣсту его пребыванія въ своемъ владѣніи. Въ семъ судѣ издревле всѣ обиды, измѣны и оскорбленія Величества судимы были какъ бы учиненныя противъ самого Лорда.

непріятельскихъ; и чтобъ при томъ и Обыватели, имѣя вскорости доставляемое дома правосудіе не выходили за онымъ изъ отечества, и не оставляли бы онаго открытымъ непріятельскимъ нападеніямъ. По сейто причинѣ были встарину у насъ и еще два Графства, Пе́мброкширское и Ге́ксгамширское, здѣланы Палатинскими, изъ коихъ послѣднее нынѣ присоединено къ Графству Нортумберландскому. Но напослѣдокъ оба сіи Графства были уничтожены Парламентомъ. Пе́мброкширское уничтожено въ 27. лѣто царствованія Генрика VIII. а Ге́ксгамширское въ 14. году Королевы Елисаветы, и при Генрикѣ осьмомъ вышесказанныя привилегіи обладателей Графствъ Палатинскихъ были весьма уменьшены, по причинѣ той, что оныя отчасу больше и не употребительными остались, хотя впрочемъ и понынѣ въ сихъ Графствахъ всѣ указы насылаются именемъ обладателей, и всѣ конфискованія за измѣну по закону общему къ нимъ принадлежатъ.

Изъ

Изъ вышесказанныхъ первыхъ трехъ Палатинскихъ Графствъ одно только Доргамское осталось нынѣ во владѣнiи подданнаго Великобританскаго. Ибо Графство Честерское, по доказательству Камдена, присоединено Генрикомъ III. Коронѣ Аглинской, и титулъ сего Графства навсегда отданъ старшему сыну Королевскому. Ланкастерское же Графство Палатинское было въ собственности Генрика Болинброка, сына Ивана де Гантъ, въ то время, когда онъ Генрикъ похитилъ Корону у Короля *Ричарда II.* и принялъ на себя титулъ *Генрика IV.* Но онъ здѣлавшись Королемъ весьма остроумно здѣлалъ, что не присоединилъ сего Графства къ Коронѣ Аглинской, дабы въ противномъ случаѣ потерянiемъ одного не потерять и другаго. Ибо, какъ Пловденъ и Сарръ Эдуардъ Кокъ примѣчаютъ: „ онъ довольно вѣдалъ, что Графство Ланкастерское онъ могъ всегда „ удержать за собой по не оспоримому „ праву наслѣдства, когда напротивъ „ сему его право на Корону Аглинскую

„ было весьма сомнительно, по той при-
„ чинѣ, что по смерти Ри́чарда II,
„ право на Корону Аглинскую имѣлъ
„ преимущественнѣйшее наслѣдникъ Ліо-
„ онелья Дюка Кла́ренскаго *второй сынъ*
„ Эдуарда III; когда вопреки Иванъ де
„ Гантъ, отецъ сего Генрика IV. былъ
„ *четвертой* сынъ„. Для сихъ обсто-
ятельствъ онъ въ первой годъ своего
царствованія исходатайствовалъ Актъ
Парламентскій, чтобъ Графство Лан-
кастерское и всѣ другія его наслѣд-
ственныя области со всѣми преимуще-
ствами и привилегіями остались *навсег-
да* ему и его наслѣдникамъ *принадле-
жащими*, низходящими и управля-
емыми такъ, какъ бы онъ ихъ имѣлъ
въ собственности не будучи и никогда
Королемъ. Въ слѣдствіе такого укрѣ-
пленія сіе Графство низходило по на-
слѣдству сперва его сыну Генрику V.
а потóмъ оное досталось и его внуку
Генрику VI. которой при Эдуардѣ IV.
какъ здѣлался измѣнникомъ, то сіе
Графство и обьявлено въ Парламентѣ
конфискованнымъ Коронѣ Аглинской,
и

и въ то же самое время здѣланъ былъ Актъ Парламентскій для соединенія сего Графства во едино, для продолженія его Графствомъ Палатинскимъ и для утвержденія его со всѣми частьми Королю Эдуарду IV. и его наслѣдникамъ навсегда. Съ тѣхъ поръ и по воспослѣдовавшему еще и другому при Генрикѣ VII. Акту Парламентскому, *Графство Ланкастерское*, раздробленное прежде, соединено во едино и отдано во владѣніе Королю и его наслѣдникамъ.

Островъ Эли не есть Графство *Палатинское, а только есть область*, жалованная Королевскою грамотою, хотя нѣкоторые ошибкою и называютъ его Графствомъ Палатинскимъ. Епископъ сего óстрова, будучи пожалованъ Королевскими правами *iuribus regaliis*, имѣетъ власть судить всѣ дѣлà уголовныя равномѣрно какъ и тяжебныя.

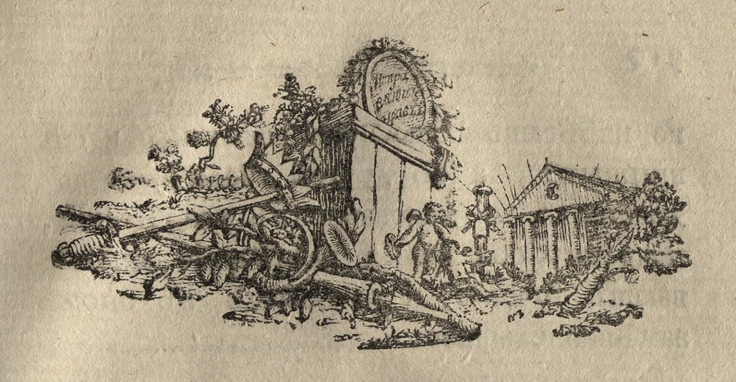
Сверьхъ сихъ Графствъ есть еще въ Англіи Графства *присоединенныя*, состоящія изъ нѣсколькихъ городовъ съ

принадлежащими къ нимъ, въ иныхъ мѣстахъ побольше, а въ иныхъ поменьше, землями; которымъ изъ высочайшей милости Короли Аглинскіе дозволили именоваться Графствами особливыми и быть управляемыми своими собственными Шерифами и Градоначальниками. Таковыми суть Графство Лондонское, Йоркское, Нóрвичское, Кóвентрское и многія другія. И такъ теперь сего довольно будетъ о областяхъ, управляемыхъ законами Аглинскими.

ТОЛ-

ТОЛКОВАНІЯ
НА
ЗАКОНЫ АГЛИНСКИЕ
КНИГА ПЕРВАЯ

О правахъ персональныхъ, или происходящихъ отъ различнаго состоянія людей въ государствѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О правахъ природныхъ каждаго въ обществѣ человѣка.

Предметы законовъ Аглинскихъ суть толь многочисленны и обширны, что показаніе оныхъ даже и съ посредственною ясностію необходимо требуетъ раздѣлять ихъ систематическимъ порядкомъ, и по особливымъ каждому предмету статьямъ; при чемъ съ одной стороны всячески стараться долж-

но избѣгать безмѣрно великихъ и обширныхъ, а съ другой безмѣрно подробныхъ и маловажныхъ раздѣлений, поколику оба такія раздѣленія затмѣваютъ ученіе и раждаютъ въ ономъ замѣшательство.

И такъ когда законъ гражданскій названъ у насъ „правиломъ гражданскаго „поведенія, повелѣвающимъ дѣлать пра„ведное, и воспящающимъ неправедное„ или, какъ Цицеронъ и съ нимъ купно и нашъ Брактонъ, его назвали (*) „пра„веднымъ установленіемъ, повелѣваю„щимъ дѣлать честное, и запрещаю„щимъ противное„: то изъ сего слѣдуетъ, что первоначальными и главнѣйшими предметами Аглинскаго закона должны быть *права* и *преступленія*. (**) По

(*) Sanctio iusta, iubens honesta et prohibens contraria *II. Philip.*. 12.

(**) *Права* и *преступленія*, полагаетъ Г. Блакстонъ только двумя предметами законовъ. Нѣкоторые законоучители полагаютъ еще и одно только *достапленіе правосудія* предметомъ законовъ. Но изъ такихъ безмѣрно обшир-

По чему и я въ показанiи предпрiятыхъ толкованiй буду послѣдовать сему самому простому и удобнѣйшему раздѣленiю, и вопервыхъ буду показы-

ширныхъ раздѣленiй выходитъ больше мѣлкихъ и затмѣвающихъ смыслъ раздѣленiй. Лучшаго и удобнѣйшаго раздѣленiя законовъ нѣтъ того, которое Юстинiанъ установилъ, и которое нынѣ уже и во всемъ законоученiи Эвропейскомъ принято; по сему раздѣленiю полагается троякiй предметъ законовъ, то есть: *персоны*, *вещи* и *обязательства* съ принадлежащими къ симъ послѣднимъ *челобитными*.

I. Персоны въ законѣ различаются по *натуральному* и по *гражданскому* состоянiю. Въ *натуральномъ* состоянiи человѣкъ имѣетъ природныя права пользоваться безпрепятственно своею жизнiю, здравiемъ, честiю и собственностiю имѣнiя. Въ *гражданскомъ* состоянiи имѣетъ онъ другiя прiобрѣтенныя права дворянства, разночинства, мѣщанства и проч. И отъ сего-то перваго законовъ предмета, то есть отъ персонъ, дѣлается первое раздѣленiе правъ на *права*, *происходящiя* отъ различнаго состоянiя людей въ государствѣ, каковыми суть права, установленныя между подданными и Государемъ, между слугою и Господиномъ, между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женою, между опекунами и состоящими подъ опекою малолѣтными.

вать права повелѣваемыя, а вовторыхъ преступленія запрещаемыя законами Аглинскими.

Но

II. *Вещи* обладаемы бываютъ по праву Божію и человѣческому. Обладаемыя по праву Божію суть священныя, святыя и благочествуемыя, каковыми суть: 1. Храмы Божіе и святыхъ его угодниковъ, вклады и утвари церковныя; 2. Города, крѣпости и стѣны градскія; 3. Гробы усопшихъ и надгробные монументы.

Обладаемыя по праву человѣческому вещи суть: 1. или *общія*, какъ на примѣръ, воздухъ, вода проточная, море, берега морскіе, дикіе звѣри, рыбы, птицы и прочія *подобныя симъ*; 2. или *публичныя* и *народныя*, на примѣръ, рѣки, пристани и проч. 3. или *компанейскія* и *сообщественныя*, какъ на примѣръ, откупы винные, заводы и фабрики обществомъ заведенныя, изъ коихъ прибыль каждому изъ сочленовъ общества принадлежитъ, 4. или *собственныя* каждаго въ обществѣ человѣка, каковыя у всякаго имѣются движимыя и не движимыя.

Отъ сего втораго законовъ предмета, то есть отъ *вещей*, *выпаетъ* второе раздѣленіе правъ на права *вещественныя* и *происходящія* отъ различныхъ между обывателями здѣлокъ приказныхъ. И таковыми правами суть: *собственность имѣній*, *наслѣдство*, *право*, до-

Но права подвержены еще и другому раздѣленію, будучи вопервыхъ соединены не посредственно, или съ самыми персонами людей, и по тому названы правами *персональными*. [iura per-

---

дозволенное или *служебное*, *закладъ*, и *привилегіи на вещи изключительныя*.

Собственность есть право вещественное, по которому человѣкъ имѣетъ власть употреблять свою вещь по произволенію, отчуждать оную при жизни и по смерти кому угодно, и взыскивать оную отъ всякаго завладѣвшаго ею неправедно.

Право дозволенное или *служебное* есть власть заставлять чужую вещь служить намъ или вещамъ нашимъ. И сіе право есть двоякое, городское и деревенское, а при томъ восспретительное и позволительное, такъ какъ законъ и договоръ взаимный сосѣдей ему быть полагаютъ. Въ деревняхъ право дозволенное имѣется въ тропинкѣ, въ не большой дорогѣ ходить пѣшкомъ и гонять скотину черезъ чужое поле, черезъ чужой лѣсъ, огородъ и проч. Въ городахъ случается оное въ утвержденіи чужой стѣны на моей стѣнѣ, въ дѣланіи и недѣланіи окошекъ чужихъ на мой дворъ, и въ подобныхъ симъ безчисленныхъ вещахъ. Прочія же сего раздѣленія права наслѣдства, закладовъ и привилегій сами по себѣ и безъ описанія вразумительны.

III.

sonarum], или вовторыхъ соединены съ одними вещьми безъ отношенія къ персонамъ, и по тому названы правами *вещественными* [iura rerum]. Равнымъ образомъ и *преступленія* раздѣляются вопервыхъ на *преступленія приватныя*, которыя не иное что суть, какъ нарушенія приватныхъ правъ, касательныхъ только до частныхъ въ обществѣ людей, и которыя иначе называются гражданскими обидами; и вовторыхъ оныя раздѣляются на *преступленія публичныя*, которыя заключаютъ въ себѣ нарушенія публичныхъ правъ, относительныхъ *ко всему* обществу, и которыя иначе называются оскорбленіями и дѣлами уголовными.

А

III. *Обязательства* раждаются отъ договоровъ и преступленій человѣческихъ, и отъ сего третьяго и послѣдняго предмета законовъ происходитъ раздѣленіе правъ персональныхъ на *договоры* и *аки договоры*, на *преступленія* и *аки преступленія*, коихъ, равномѣрно какъ и принадлежащихъ къ нимъ челобитенъ, подробное истолкованіе составляетъ послѣднюю часть законо-

А какъ законы Аглинские подвержены сему четверояκому раздѣленію, того ради и начинающіяся объ нихъ толкованія будутъ состоять въ четырехъ слѣдующихъ частяхъ, изъ коихъ: Въ 1. первой части будутъ толкованы *права персональныя* съ показаніемъ средствъ, каковыми оныя пріобрѣтаются или теряются. Во 2. второй права *вещественныя* съ показаніемъ также средствъ, каковыми оныя пріобрѣта-

---

коноученія. По сему трояκому законовъ предмету *и слѣдующему изъ онаго трояκомужъ* раздѣленію правъ, сочиненная на Россійскомъ языкѣ всеобщая или Универсальная Юриспруденція, весьма бы полезна была для доставленія Россіянамъ яснѣйшаго понятія о полной системѣ законовъ; *а особливо естьлибы* въ такомъ всеобщемъ законопоказаніи *истолкованы были* начало и происхожденіе правительствъ и правъ, съ показаніемъ точныхъ *каждому* причинъ и правилъ, на которыхъ они утверждаются. Въ дополненіе такому всеобщему законопознанію можно бы присоединить и науку градоправленія, обыкновенно называемую *Полиціею*, которыя за собственной предметъ поставляется доставленіе *безопасности, чистоты и изобилія* въ городахъ.

таются и теряются. Въ 3. третьей, *приватныя преступленія* или гражданскія обиды съ показаніемъ средствъ для удовлетворенія законнаго по онымъ. Въ 4. четвертой, *публичныя преступленія* или оскорбленія и уголовныя дѣла, съ показаніемъ средствъ къ предупрежденію и наказанію оныхъ.

Вопервыхъ мы будемъ разсуждать о правахъ персональныхъ съ показаніемъ средствъ, каковыми оныя пріобрѣтаются и теряются.

Персональныя *права*, *которыя* наблюдать велитъ намъ гражданскій законъ, суть двоякаго рода, изъ коихъ первыми суть тѣ, кои долженствуются отъ всякаго гражданина и обыкновенно называются *должностьми гражданскими*. Вторыми называются принадлежащія ко всякому частному человѣку, и въ такомъ обыкновеннѣйшемъ знаменованіи называются собственно *прапами* или полатински *iura*. Оба сіи раздѣленія правъ могли бы заподлинно

но соединены быть и во единое сїе разделенїе; ибо какъ всѣ должности суть взаимно сопряженныя, то и слѣдуетъ изъ того, что естьли касаются они до одного человѣка, или до нѣкотораго числа людей, то равномѣрно и до всѣхъ прочихъ принадлежать они должны. Но я думаю, что многїя изъ правъ удобнѣе почесть можно должностьми паче, нежели правами особливо людямъ принадлежащими. Такъ на пр. присяга въ вѣрности къ правительству обыкновеннѣе и удобнѣе почитается за должность народа, а покровительство за должность правительства; однакожъ онѣ взаимно между собою почитаются и правами и должностьми такъ, что присяга въ вѣрности есть право начальства, а покровительство право народа.

Персоны по закону раздѣляются на натуральныя и политическїя. Первыми суть тѣ, кои сотворены Богомъ и природою; а вторыми почитаются персоны передѣланныя и различенныя

за-

законами человѣческими для разныхъ намѣреній въ обществѣ и правительствѣ, которыя по тому и называются собраніями политическими.

Права̀ персональныя въ естественномъ объ нихъ понятіи суть двоякія: *природныя* и *относительныя*. Природными правами разумѣются принадлежащія къ каждому въ обществѣ частному человѣку права̀; относительными почитаются правами принадлежащія человѣку, яко члену общества, и состоящія во взаимныхъ отношеніяхъ, какія находятся *между членами*, оное общество *составляющими*. И такъ въ сей главѣ толкованій мы будемъ вопервыхъ показывать права̀ природныя каждому въ обществѣ человѣку.

Чрезъ природныя и принадлежащія всякому частному человѣку права̀ разумѣются тѣ, кои людямъ даны отъ первобытнаго ихъ состоянія, то есть отъ природы, и коими всѣ люди должны пользоваться въ обществѣ и внѣ она-

онаго. Но что касается до природныхъ *должностей*, которыя человѣкъ будучи единственно частнымъ и въ натуральномъ состоянiи обязуется исполнять, то таковыхъ гражданскiе законы человѣческiе никакъ не могутъ ни ослабить, ни усилить. Ибо сихъ гражданскихъ законовъ единственной предметъ состоитъ въ предписанiи пра́вилъ поведенiямъ человѣка, яко члена общества и имѣющаго сношенiе съ прочими членами сего общества, для котораго сiи законы зделаны не касательными до взаимныхъ должностей между *частными людьми*. И такъ человѣкъ, сколько бы ни былъ развращенъ въ своихъ мнѣнiяхъ и пороченъ въ своихъ поступкахъ, не нарушаетъ пра́вилъ общей благопристойности, и не подвергается истязанiю человѣческихъ законовъ, естьли только онъ своихъ пороковъ и беззаконiй не открываетъ публикѣ, и не производитъ изъ оныхъ слѣдствiй вредныхъ другимъ. Но естьли на противъ того, порокъ его дѣлается публичнымъ или всѣмъ извѣстнымъ,

какъ на примѣръ склонность къ пьянству, тогда сей порокъ здѣлавшись всѣмъ извѣстенъ, дѣлается вмѣстѣ вреднымъ для всего общества, подавая соблазнъ другимъ, и тогда законы человѣческіе долженствуютъ исправлять его, по тому что сей порочной человѣкъ, тѣмъ самымъ, что учинилъ порокъ свой всѣмъ извѣстнымъ, принудилъ общество взять участіе въ слѣдствіяхъ онаго, и поколику сей порокъ съ того самаго времени, какъ онъ здѣлался всѣмъ извѣстенъ, совсѣмъ особливаго учинился свóйства. Всеобщая трезвость *есть должность относительная и закономъ предписанная*; а *трезвость* частная есть должность каждаго человѣка въ особливости, которая можетъ быть исполняема или пренебрегаема безъ оскорбленія закона, которой по тому не можетъ усугубить силы ея и не обязанъ смотрѣть, чтобъ она была наблюдаема. Но о правахъ сего разумѣть не надлежитъ: законы человѣческіе подкрѣпляютъ ихъ, и опредѣляютъ разпространеніе оныхъ, принадлежатъ *ли* оныя

каж-

каждому человѣку во особливости, или относительно къ другимъ.

Общество вопервыхъ стараться должно о томъ, чтобъ всѣ частные люди, его составляющіе, пользовались безпрепятственно природными правами отъ природы имъ дарованными, но коихъ они не могутъ сохранить безъ помощи установленій, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ общества учрежденныхъ. И какъ главный предметъ законовъ человѣческихъ есть определеніе и сохраненіе правъ каждому частному человѣку приличествующихъ, то и слѣдуетъ изъ того, что всѣ права̀ общественныя и относительныя, долженствовали здѣланы быть послѣ учрежденія государствъ и обществъ, кои впрочемъ не что иное суть, какъ слѣдствія ихъ. Изъ сего явствуетъ, что учрежденія для подкрѣпленія обществъ установленныя, здѣланы были сообразно самымъ онымъ обществамъ. И такъ граждаскій законъ надлежитъ почитать истолко-

вательнымъ и здѣланнымъ для сохраненія и подкрѣпленія правъ, каждому частному человѣку собственныхъ, кои сами собою просты и не многіе, но учинившись относительными, здѣлались многочисленные, пространные и не столько ужè просты. Почему и уложенье, относящееся къ симъ правамъ, яко относительнымъ, долженствуетъ быть гораздо важнѣе, и требуетъ большаго вниманія и большей точности, нежели уложенье оныхъ правъ природныхъ каждому частному человѣку.

Разсмотримъ же теперь, коль далеко простираться можетъ власть законовъ въ разсужденіи правъ природныхъ человѣка; и сколь дѣйствительно простирается она нынѣ въ Англіи, въ разсужденіи подкрѣпленія и сохраненія самыхъ сихъ правъ.

Природныя права̀ человѣка, почитаемаго существомъ дѣйствующимъ свободно, имѣющимъ способность различать добро отъ зла, и власть избирать

то

то или другое, обыкновенно заключаются въ одномъ всеобщемъ имъ наименованіи, и называются *природною польностью* рода человѣческаго. Сія вольность, которую онъ при самомъ рожденіи своемъ получаетъ отъ природы, и которую наслѣдуетъ онъ отъ родителей своихъ, есть даръ отъ Бога, при самомъ созданіи его данной ему. Но въ самое то время, какъ человѣкъ вступаетъ въ общество съ прочими людьми, отдаетъ онъ обществу, въ которое пріемлется, нѣкоторую часть самой сей вольности, въ замѣну какъ *бы, за выгоды*, отъ принятія его въ сіе общество имъ получаемыя. За самыя сіи выгоды человѣкъ обязывается сообразоваться законамъ, обществомъ учрежденнымъ, и самое сіе законное повиновеніе, коему онъ себя добровольно подвергаетъ, бываетъ для него несравненно полезнѣе той дикой вольности, которою онъ до того пользовался, и коей самопроизвольно лишилъ себя.

Да и ниодинъ человѣкъ здраво мыслящій, не можетъ желать, удержать навсегда природное право свое или власть дѣлать все то, что онъ хочетъ; ибо естьлибъ онъ имѣлъ сіе право, то необходимо долженствовалибъ имѣть его и всѣ прочіе люди, съ коими онъ въ одномъ находится обществѣ; изъ чегобъ и слѣдовало не минуемо, чтобъ жизнь каждаго частнаго человѣка, не могла быть въ безопасности. И такъ вольность гражданская, коею пользуются всѣ люди въ общество соединенные, есть не что иное, какъ вольность *природная, для пользы всего общеста*, закономъ человѣческимъ ограниченная. Но сіе принужденіе не должно простираться сверьхъ потребности; то есть, что оно уничтожается, какъ скоро не нужно здѣлается для общаго блага, и не полезно для общества.

По сему положенію, всѣ законы, здѣланные для недопущенія людей вредить взаимно другъ другу, сколькобъ они ни казались сокращающими природную

воль-

вольность, существенно споспѣшествують сохраненію и подкрѣпленію вольности гражданской. Напротивъ того законы, учрежденные безъ всякой важной причины, но или для угожденія любочестію, или для удовольствія частныхъ желаній, суть законы тиранскіе, Монархомъ ли здѣланы они, или Вельможами, или и цѣлымъ народомъ. Ибо всякой законъ, хотябъ онъ всѣмъ народомъ былъ одобренъ или отверженъ, клонится къ разрушенію вольности, естьли предметъ его есть не существенная польза, или естьли онъ дѣлаетъ *намъ принужденіе*, и предписываетъ пра́вила поведенію нашему въ вещахъ, ни мало не относящихся къ общему благу. Въ одномъ только случаѣ такой законъ можетъ имѣть мѣсто: а именно, когда слѣдствія самаго сего закона имѣютъ хотя нѣкоторое отношеніе ко всеобщей вольности всего народа. На примѣръ, при Эдуардѣ IV. изданъ былъ законъ, коимъ запрещалось простымъ дворянамъ, а не *Лордамъ*, носить башмаки или са-

ноги, у коихъ бы носки были длиною въ два вершка. Сей законъ былъ тиранской, ибо сколько ни смѣшно могло казаться обыкновенiе носить такую остроконечную обувь, мѣлкимъ дворянствомъ особливо наблюдаемое, токмо для общаго блага не было въ томъ ни пользы, ни вреда. При Карлѣ II. здѣланъ былъ законъ, погребать умершихъ въ Аглинской фланели. Съ перваго взгляду, предметъ сего закона покажется маловажнымъ для общаго блага; однакожъ разсмотрѣвъ со вниманiемъ, найдемъ, что законъ *сей* не противенъ *всеобщей вольности*; ибо онъ изданъ былъ для ободренiя во особливости шерстяныхъ фабрикъ, и всей коммерцiи вообще, коей приращенiе и распространенiе существенно соединено съ пользою всего народа. Изъ сего явствуетъ, что законы, благоразумно издаваемые не только не разрушаютъ вольности, но еще подкрѣпляютъ оную. По чему и Локкъ говоритъ, что гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ не можно быть истинной и вольности. Каждый законъ, каж-

каждый образъ правленія, каждое учрежденіе народное, долженствуютъ дѣланы быть единственно для утвержденія и сохраненія вольности гражданской, которая состоитъ въ томъ, чтобъ оставить гражданамъ свободу въ поступкахъ, когда общее благо не требуетъ, чтобъ они были ограничены, или совсѣмъ не позволены.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ гражданская вольность находится во всевозможномъ совершенствѣ, можетъ она поколебаться или ослабѣть; но совсѣмъ разрушиться ей почти не возможно; а естьли и случится сіе, то конечно отъ погрѣшности и неосторожности тѣхъ, кои пользуются ею. У насъ въ Англіи законы и судебныя мѣста учреждены единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пещись о сохраненіи сей вольности гражданской, и слѣдовательно для благоденствія какъ большаго, такъ и малаго изъ подданныхъ, коихъ какъ того, такъ и другаго собственная польза состоитъ въ томъ, чтобъ образъ

правленія остался не премѣненъ. Симъ-то правленіе Аглинское разнствуетъ почти отъ всѣхъ прочихъ въ Эвропѣ, кои наклонены въ пользу самопроизвольной или деспотической власти; и кажутся быть установленными единственно для Государей и для Вельможъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ учинить ихъ самодержавными повелителями подданныхъ, и малыхъ учинить зависящими отъ нихъ.

Сія вольность, толь глубоко въ образѣ правленія нашего впечатлѣнная, столько вкоренилась въ странѣ нашей, что и невольникъ Арапъ, пріѣхавшій въ Англію дѣлается вольнымъ человѣкомъ, хотя онъ и можетъ быть обязанъ служить своему господину по прежнему, но не какъ невольникъ, а какъ человѣкъ свободной.

Правà природныя каждаго Агличанина, въ политическомъ и пространномъ смыслѣ, обыкновенно называются *вольностьми*; а какъ сіи вольности осно-

снованы на природѣ и на разумѣ, и при томъ толь существенно сопряжены съ образомъ правленія нашего; то по тому онѣ и весьма мало претерпѣли отъ всѣхъ бывшихъ у насъ волненій и перемѣнъ. Впрочемъ правленіе наше толь изящно и превосходно, что хотя оно въ разныя времена и было угнѣтаемо Государями тираннами или предано безначалію, самому хуждшему изъ всѣхъ состояній политическихъ; [ибо гораздо лучше имѣть какой нибудь образъ правленія, нежели не имѣть никакого.] Однако и тогда не могло уничтожиться оно. Народъ нашъ всегда избавляемъ былъ отъ злоключеній своихъ силою вольнаго нашего правленія, и какъ скоро волненія преставали, то паки возстановляемо было равновѣсіе между правами и вольностьми нашими. Къ сему можемъ мы еще присоединить, что основанія правленія нашего бывали отъ времени до времени подкрѣпляемы не утомимымъ стараніемъ нашего Парламента, и что всякой разъ, когда правленіе наше бывало въ опасности,

сіе правительство новую давало ему силу.

Вопервыхъ оно получило свою силу великою грамотою, въ правленіе Короля Іоанна, оружіемъ пріобѣтенною, которая потомъ съ нѣкоторыми перемѣнами подтверждена была таковою же грамотою Генриха III. его сына. Въ сей грамотѣ не много находится новыхъ выгодъ для народа; но кои суть паче, какъ изъясняется Сарръ Эдуардъ Кокъ, истинное признаніе фундаментальныхъ Аглинскихъ законовъ, нежели Акты, *новыя выгоды народу возвѣщающія*. Напослѣдокъ сіи грамоты утверждены были особливымъ учрежденіемъ, *подтверждение* грамотъ (*) называемымъ, которое также какъ грамота Короля Іоанна и Короля Генриха III. послужило къ содѣланію общаго закона. Всѣ суды противные великой грамотѣ, по праву уничтожаются; а дабы сія грамота всѣмъ

(*) Cofirmatio cartarum.

всѣмъ была извѣстна, то ее читаютъ народу во всѣхъ церквахъ по два раза въ годъ, во всѣхъ трехъ Королевствахъ, и Пасторъ отлучаетъ отъ церкви всякаго, кто словомъ или дѣломъ, что противъ нея предпріиметъ. Сарръ Эдуардъ Кокъ объявляетъ, что 32. Статута здѣланы были для подтвержденія сей грамоты со времени Эдуарда I. до временъ Генриха IV. Потомъ спустя не малое время, здѣлано было называемое такъ *позобнопленіе права*, которое не что иное есть, какъ истинное обнародованіе отъ Парламента, Карломъ I. *при вступленіи* его на престолъ подтвержденное, всѣхъ вольностей народа Аглинскаго, кои послѣ того были утверждены многими Актами, и особливо однимъ именуемымъ *Габеасъ корпусъ*, во время государствованія Карла II. состоявшимся. (*) Когда Принцъ Оранж-

---

(*) Габеасъ корпусъ полатински *habeas corpus*, есть право, по которому всякой Агличанинъ, обвиняемый на судѣ, имѣетъ совершенную свободу къ оправданію и защищенію себя въ личной безопасности.

Оранжской прибылъ съ Принцессою Маріею своею супругою въ Англію и здѣлались Оныя Королемъ и Королевою, то имъ подано было представленіе о правахъ, которое они и приняли, и коему потомъ 13. Февраля 1688. Парламентомъ дана сила закона. Оное представленіе оканчивается словами толь полезными для вольности народа Аглинскаго, что мы за долгъ почитаемъ помѣстить ихъ здѣсь.

Агличане просятъ въ ономъ представленій, чтобъ права, а особливо коими они пользовались до подачи сего представленія, были имъ сохранены, яко права и вольности не сомнѣнно имъ принадлежащія и Парламентомъ признанныя; объявляя при томъ, что всѣ сіи права и вольности онымъ представленіемъ требуемыя, суть истинныя, древнія и подлинне суть права народа сего Королевства.

Напослѣдокъ самыя сіи вольности подтверждены были въ началѣ нынѣшняго

няго столѣтія Актомъ *установленія* [*Сетлементъ*] называемымъ, которой здѣланъ былъ для утвержденія Короны преславнѣйшему дому владѣющаго нынѣ Короля, и въ самомъ семъ Актѣ учинены были новыя нѣкоторыя прибавленія, для большаго утвержденія вѣры, законовъ и вольностей нашихъ. Въ немъ сказано также, что сіи права̀ народа Аглинскаго суть ему природныя, и что они всѣ согласны съ толкованіемъ общаго закона.

Что касается до вольностей и правъ нашихъ, то сего довольно; разсмотримъ теперь самыя оныя права̀. Они состоятъ во многихъ преимуществахъ частныхъ или особенныхъ, кои не что иное суть, какъ остатки природной вольности, пожертвованія которыми не можно ни отъ кого требовать ни подъ какимъ предлогомъ, относительнымъ къ общему благу, по причинѣ, что общество обязалося сохранять оныя, и что впрочемъ они замѣняютъ у пользующихся ими часть природной воль-

вольности, которой они самопроизвольно себя лишили, и которую они отъ родителей своихъ наслѣдовали. Въ другихъ странахъ самая сія часть природной вольности уничтожена или разрушена; по чему Аглинской народъ можетъ права имъ пріобрѣтенныя, и коими онъ пользуется, по справедливости называть правами *народа Аглинскаго*. Сіи правà можно привести въ слудующія три главнѣйшія, а именно: въ право личной безопасности, въ право личной вольности и въ право частной или особенной собственности. Нарушить *одно или другое изъ сихъ правъ, есть* нечто иное, какъ лишить человѣка всей его вольности, и здѣлать его невольникомъ; но когда онъ ими пользуется, какъ мы, тогда онъ есть существо совершенно *свободное*. Разсмотримъ теперь каждое изъ сихъ правъ особо.

I. Право личной безопасности состоитъ въ томъ, что человѣкъ пользуется законно и невозбранно жизнью своею, членами тѣла имѣніемъ, здравіемъ и честью.

1. Жизнь есть даръ Божій, наслѣдіе, которой каждой человѣкъ получаетъ отъ природы, и коимъ законы позволяютъ ему пользоваться прежде рожденія его и съ самаго зачатія его въ утробѣ матерней. По чему женщина, которая во время познанія беременности своей употребитъ, что либо къ истребленію младенца, почитается человѣкоубійцею; *такъ какъ* и кто учинивъ на нее нападеніе причинитъ смертъ младенцу, послѣ или прежде рожденія его, также признается за человѣкоубійцу, хотябъ онъ и доказалъ, *что онъ не имѣлъ* намѣренія причинить ему вредъ. Эдуардъ Кокъ въ семъ снисходительнѣе и не такъ строго судитъ сіе преступленіе; но полагаетъ его напротивъ того, въ число нещастныхъ случаевъ.

Младенецъ въ утробѣ еще матери своей, почитается закономъ ужѐ за рожденнаго. По оному можно ужѐ дѣлать въ пользу его завѣщанія, можно ему оставлять наслѣдство и назначать опеку-

куновъ. Онъ можетъ владѣть землями и имѣть доходы для своего содержанія. Въ семъ законы наши согласны съ Римскимъ закономъ, которой находящихся еще въ утробѣ матерней, признавать велитъ за рожденныхъ. [Qui in vtero ſunt pro iam natis habentur, quoties de eorum commodo quaeritur.]

2. Члены человѣческіе, о коихъ мы теперь говорить будемъ, суть орудія, могущія служить къ сохраненію его, и кои даны ему Создателемъ для защищенія себя противу всѣхъ нападеній, какія моглибъ на него *чинимы быть*, когда онъ *былъ въ естественномъ* состояніи. Законъ почитаетъ сохраненіе сихъ членовъ весьма для него нужнымъ и вмѣстѣ яко добро собственное и наслѣдованное, котораго онъ не можетъ быть лишенъ, и которымъ не можно запретить ему свободно пользоваться; развѣ въ такомъ случаѣ, когдабъ онъ явился виновнымъ въ какомъ либо намѣреніи противъ закона гражданскаго. Почему жизнь и члены человѣческіе толь

драгоцѣнными почитаетъ законъ Аглинской, что онъ прощаетъ и въ самомъ человѣкоубійствѣ того, кто учинитъ его защищая себя. Въ семъ случаѣ человѣку все позволено, и тогда необходимость его извиняетъ и дѣлаетъ невиннымъ такъ что, естьли въ Англіи человѣкъ изъ одного только страху потерянія жизни или какого члена употребивъ все закономъ предписаннымъ средство къ сохраненію себя отъ угрожающей опасности, убьетъ врага своего, защищая себя отъ нападенія его; то сіе дѣйствіе его почитается нещастнымъ *случаемъ* и *дѣйствіемъ*, которое учинилъ онъ защищая тѣло свое. Но мы пространнѣе истолкуемъ сіе въ главѣ четвертой.

Аглинской законъ полагаетъ два рода *крайности*, а именно: *перпая*, въ которой человѣкъ находится тогда, когда кто хочетъ отнять у него вольность или заключить его въ темницу, и о коей мы будемъ послѣ говорить: *нторая*, когда дѣлаемыя ему угрозы,

 при-

принуждают его бояться потерять жизнь, или получить раны, чрез кои члены его лишатся своего дѣйствія. Но и въ сей послѣдней крайности не можетъ человѣкъ дѣйствовать съ насиліемъ, какъ естьли оная имѣетъ справедливое основаніе. Брактонъ изъясняется о семъ слѣдующимъ образомъ: *не пустое подозрѣніе всякаго безразсуднаго и робкаго человѣка, но благоразумнаго и твердаго мужа почитать должно за справедливую опасность; ибо здѣсь разумѣется такой страхъ, гдѣ жизнь находится въ опасности или угрожается тѣлу мученіемъ.* (*) Изъ сего слѣдуетъ, что страхъ получить побои, сколькобъ онъ ни былъ основателенъ, по учиненнымъ угрозамъ, не даетъ пра́ва употребить насиліе, и нападать на своего непріятеля; такожъ естьлибъ онъ сжегъ домъ, раззорилъ или похитилъ имѣніе; по причинѣ, что обиженной можетъ прибѣгнуть къ закону

(*) Non ſuſpicio cuiuslibet vani et meticuloſi hominis, ſed talis quae poſſit cadere in virum conſtantem. Talis enim debet eſſe metus, qui in ſe contineat vitae periculum, aut corporis cruciatum.

кону и требовать удовлетворенія за нанесенную ему обиду или за причиненной убытокъ. Но какъ потеряніе глазъ или другихъ членовъ не можетъ ни коимъ образомъ возвращено быть, то всякое средство употребленное для сохраненія того или другаго, признавается за справедливое или позволенное и самымъ закономъ, въ которомъ сказано. *Прощается такому, кто какимъ бы то ни было образомъ соблюлъ кровь свою* (*).

Законъ не только наблюдаетъ сохраненіе жизни или членовъ человѣка, но еще и споспѣшетсвуетъ, чтобъ онъ пользовался обоими. По чему всякому человѣку, сколькобъ бѣденъ онъ ни былъ, закономъ дано право просить, у самыхъ богатѣйшихъ членовъ общества, способовъ къ содержанію себя. На сей конецъ здѣланы были многіе Парламентскіе Акты, послѣ которыхъ учреждены

(*) Ignoſcitur ei, qni ſanguinem ſuum qualiter qualiter redemptum voluit.

были для бѣдныхъ многія заведенія, кои всѣ единственнымъ предметомъ своимъ имѣютъ благосостояніе общества. У Римлянъ не было таковыхъ заведеній, и законами ихъ предписанъ былъ совсѣмъ особливой способъ къ вспомоществованію бѣднымъ. Императоръ Константинъ издалъ указъ, въ коемъ возлагалъ онъ на государственную казну содержаніе дѣтей, коихъ родители не въ состояніи были кормить ихъ. Симъ способомъ хотѣлъ Императоръ удержать бѣдныхъ родителей отъ отнятія жизни у дѣтей своихъ *или отъ* изверженія ихъ. Съ *такимъ же* намѣреніемъ учреждены у насъ домы для подкидышей. Подобной сему законъ находимъ мы въ книгѣ законовъ Θеодосіевой, но въ Юстиніановой оной отверженъ.

Человѣкъ не долженъ и не можетъ лишиться законно жизни или членовъ какъ двоякимъ образомъ: то есть, или естественною смертію, или гражданскою. Сія послѣдняя бываетъ, естьли

ли человѣкъ изгнанъ изъ отечества, правильнымъ осужденіемъ закона, или когда онъ вступаетъ въ монашество. Въ семъ случаѣ почитается онъ умершимъ гражданскою смертью и ближайшій родственникъ наслѣдуетъ имѣніе его, ибо онъ не признается ужѐ за члена общества. Да и дѣйствительно не есть онъ больше таковымъ по тому, что вступая въ монастырь, отрекается онъ отъ всѣхъ мірскихъ благъ, почитаетъ себя изъятымъ отъ всѣхъ должностей гражданскаго общества, и желаетъ избавиться отъ повиновенія *власти свѣтской*. Аглинскіе законы не допускаютъ сихъ мнимыхъ преимуществъ духовенства; и для того Монаховъ и почитали они всегда людьми умершими гражданскою смертію, и позволяли имъ прежде учиненія обѣтовъ своихъ, дѣлать духовную; а когда оной нѣтъ, то управленіе имѣніемъ ихъ поручалось ближайшимъ ихъ сродникамъ, какъ будтобъ они умерли безъ завѣщанія. Сіи душеприказщики имѣли власть дѣлать ращеты съ должни-

жниками оныхъ духовныхъ людей, и должники обязаны были имъ платить чѣмъ они могли быть должны, какъ будтобъ заимодавцы ихъ дѣйствительно померли. Прежде введенія Реформацкой вѣры, естьли случалось у насъ, что монахъ получалъ достоинство Игумена, то онъ вступалъ паки во всѣ свои права, могъ принудить душеприказщика дать себѣ отчетъ въ управленіи имѣніемъ своимъ, и заплатить все, что онъ получилъ въ то время, какъ онъ былъ простымъ монахомъ. Всякаго роду контракты и откупы *разрушались, какъ скоро* заключившій ихъ вступалъ въ монашество, и сіе основывалось на томъ, что въ Англіи контракты и откупы пребываютъ въ своей *силѣ*, пока продолжается натуральная или естественная жизнь. Во время Католицкаго исповѣданія, Аглинской законъ не освѣдомлялся совсѣмъ, какая вѣра исповѣдована была внѣ Королевства, и сіе по причинѣ, что судебныя онаго мѣста не могли судить того, что происходило за морями.

Есте-

Естественная жизнь есть, какъ-то уже я сказалъ выше, даръ Божїй, котораго никакой человѣкъ не можетъ отнять у другаго, ниже лишить онаго самъ себя, но коимъ однако Богъ позволяетъ располагать закону, для наказанїя нарушающихъ общества законы, кои симъ смертнымъ наказанїемъ время отъ времени больше утверждаются. Въ концѣ сихъ толкованїй будемъ мы разсуждать о справедливости и пространствѣ сего наказанїя; здѣсь же скажемъ только, что когда законами какого государства, дана власть одному человѣку или многимъ, лишать гражданина жизни или нѣкоторыхъ членовъ, по своему произволенїю, а не послѣдуя или сообразуяся законамъ; то такое установленїе надлежитъ почитать тиранскимъ; да и самые законы должно называть такими же, естьли за маловажныя погрѣшности опредѣляютъ они смертную казнь. Впрочемъ то справедливо, что такая жестокость можетъ быть нѣкоторымъ образомъ извиняема потому, что подданные знавъ

законъ, могутъ сохранить себя отъ наказанія, избѣгая оной погрѣшности; но сіе для нихъ совсѣмъ будетъ не возможно, естьли одинъ или нѣсколько человѣкъ могутъ располагать жизнію ихъ по своему произволенію. Уголовные законы въ Англіи весьма не жестоки. Они опредѣляютъ смертную казнь или лишеніе нѣкоторыхъ членовъ только за великія преступленія, общій же законъ и никогда оной не опредѣляетъ. Впрочемъ всякая самопроизвольная власть противна нашему законоположенію и совсѣмъ оному неизвѣстна, въ разсужденіи *жизни*, членовъ и собственности гражданъ. *Никакой вольной человѣкъ*, сказано въ великой картѣ, *не долженъ быть никакимъ образомъ истребленъ, развѣ по законному суду равныхъ себѣ, или по законамъ отечества.* (*) Въ сихъ словахъ, *никоимъ образомъ истребленъ*, заключается, по мнѣнію Эдуарда Кока, не

(*) Nullus liber homo, aliquo modo destruatur, nisi per legale iudicium parium suorum aut per legem terrae.

не только запрещеніе убить его или лишить какихъ членовъ, но такожъ и пытать. Сіе послѣднее наказаніе законы наши совершенно отвергаютъ, такъ какъ и всякое притѣсненіе незаконной власти. Въ Статутѣ, послѣдовавшемъ въ 5 лѣто царствованія Эдуарда III. въ гл. 9. сказано, что противно будетъ великой картѣ, естьли кто казненъ будетъ смертію или лишенъ какихъ членовъ, не бывъ прежде осужденъ на то закономъ. И въ Статутѣ, послѣдовавшемъ въ 29. лѣто царствованія тогожъ Государя въ гл. 3. *сказано, что никто не можетъ казненъ быть смертью, естьли онъ не* былъ прежде приведенъ въ судилище для выслушанія чинимыхъ на него обвиненій и для отвѣту противъ оныхъ.

3. Человѣкъ по тому же праву природному не только долженъ быть обезпеченъ въ сохраненіи членовъ своихъ, дабы онъ могъ защищать себя отъ всякихъ нападеній; но онъ имѣетъ еще право остерегать себя и отъ всѣхъ чинимыхъ ему угрозъ и привести

сти себя въ безопасность отъ всякихъ случаевъ.

4. Сохраненіе здравія и чести есть самая важнѣйшая вещь для людей, кои всѣ въ Англіи имѣютъ право предостерегать себя отъ всего, что можетъ клониться ко вреду того или другаго, и прибѣгать въ таковыхъ случаяхъ къ правосудію и къ законамъ; поколику за не имѣніемъ сего пра́ва, имъ не возможнобъ было пользоваться всѣми прочими выгодами жизни. Но какъ сіи три статьи не столько важны, какъ предъидущія, и тѣ, кои намъ еще должно разсматривать; то мы и остановимся въ разсужденіи ихъ на томъ, что уже нами о нихъ сказано, предоставляя изслѣдованіе дѣлъ, касающихся до нарушенія сихъ самыхъ правъ, къ окончанію сихъ толкованій въ главѣ о приватныхъ преступленіяхъ.

II. Колико ни печется Аглинской законъ о безопасности людей, но не меньше старается онъ и объ утвержденіи вольности каждаго человѣка. Сія

вольность состоитъ во власти, какую каждой человѣкъ имѣетъ перемѣнять мѣсто пребыванія своего и поселиться тамъ, гдѣ онъ за благо разсудитъ; при чемъ не можно его взять подъ стражу или посадить въ тюрьму, естьли того не было прежде опредѣлено закономъ. Аглинской законъ полагая самъ великую цѣну праву вольности, почитая его существеннымъ естеству человѣческому, никогда не повелѣвалъ отнимать вольности у людей, безъ сильныхъ и важныхъ причинъ. Онъ не допускаетъ, чтобъ человѣкъ лишался *вольности* по единому произволенію судьи; но по точному и законному опредѣленію. Въ великой картѣ говорится о семъ слѣдующимъ образомъ: *никакой свободной человѣкъ не можетъ быть взятъ подъ стражу, или заключенъ въ темницу иначе, какъ по осужденію или приговору своихъ Перовъ, и по дозволенію или по точному повелѣнію закона.* Такожъ въ изданныхъ послѣ того многихъ учрежденіяхъ, точно сказано, что никто не долженъ

быть

быть взятъ подъ стражу или заключенъ въ темницу, по чьей бы то прозьбѣ ни было, учиненной Королю или его совѣту, естьли прежде не было произведено надъ нимъ суда по предписаннымъ законами обрядамъ. Въ установленіи 3 Карты I. точно запрещается брать подъ стражу, и заключать въ темницу всякаго человѣка, не объявивъ ему напередъ причины его заключенія и не давъ времени и способу отвѣтствовать противъ учиненныхъ на него обвиненій. Въ установленіи 16 Карты I. сказано, что естьли кто лишенъ вольности *по повелѣнію* какого не закономъ учрежденнаго судилища, или по повелѣнію Его Величества Короля или его Совѣта; то по одной его прозьбѣ надлежитъ дать ему рескриптъ о взятьѣ его, называемый habeas corpus, дабы онъ представленъ былъ Королевскимъ Судьямъ, или Судьямъ какого слѣдуетъ судебнаго мѣста, кои и должны объявить справедливо ли и законно былъ онъ заключенъ въ темницу, и естьли онъ будетъ ими признанъ

до-

достойнымъ того, тогда правосудіе можетъ поступать съ нимъ, какъ съ узникомъ. Напослѣдокъ въ установленіи 31. Карты II. гл. 2. просто называемомъ, Актомъ *о прапѣ врать кого* [habeas corpus act.] толь ясно истолковано, какъ надлежитъ требовать онаго рескрипта, и право къ полученію онаго такъ утверждено, что пока сіе право будетъ имѣть свою силу, то никакого Аглинскаго подданнаго не можно будетъ задержать въ темницѣ ни по какой власти, кромѣ какъ закона. Но есть случай, когда и самое повелѣніе закона можетъ быть на время удержано, *а именно*, когда кто вызовется представить узника, и въ томъ обяжется или поручится; то въ установленіи, послѣдовавшемъ въ 1 лѣто царствованія Вильгельма и Маріи въ Статутѣ 2. главѣ 2. предписано, чтобъ не требовать *чрезмѣрно пеликаго* поручительства.

Для всякаго общества весьма важно и нужно, чтобъ вольность каждаго человѣка была твердо сохраняема: ибо естьлибъ Судьи нарочитую имѣли власть

заключать людей в темницу по одному своему произволенію, как-то дѣлается ежедневно во Франціи; тоб въ такой странѣ, какъ Англія наша, скоро всѣ прочія права и привилегіи совсѣмъ уничтожились. Нѣкоторые утверждали, что покушенія на жизнь и на собственность гражданина, по единому произволенію верьховнаго правительства учиненныя, не столько важны для общественнаго блага, какъ естьлибъ оныя устремлялись на вольность частнаго человѣка. *Лишить* человѣка жизни, отнять у него имѣніе, не произведя надъ нимъ никакого суда, конечно есть *насиліе,* удобное *произвесть замѣшательство* во всемъ государствѣ; но взять тайно человѣка подъ стражу, вдругъ заключить его въ темницу, въ которой онъ и остается никому не извѣстенъ и часто забытъ и самими тѣми, по чьему приказанію онъ заключенъ въ оной, былобъ дѣйствіе, которое по тому, что оно скрыто и не извѣстно, меньшебъ произвело чувствительности, нежели первое, но при всемъ томъ не меньшебъ было

было важно для общества: ибо власть взять по единому произволенію своему гражданина подъ стражу, есть оружіе весьма жестокое и весьма опасное во всякомъ самовластномъ правительствѣ. Однакожъ естьлибъ случилось, чтобъ цѣлое государство угрожаемо было настоящею опасностію, въ такомъ случаѣ власть самопроизвольно взять кого подъ стражу, былабъ весьма полезна. Но по свойству нашего правленія, не позволяется исполнительной власти употреблять насилія, хотябъ все государство находилось въ не минуемой опасности; развѣ *она уполномочена* будетъ на то отъ *власти законодательной* Парламентской, которая моглабъ тогда удержать Актъ о *правѣ брать подъ стражу*, дабы Король могъ приказать заключить въ темницу подозрительныхъ ему подданныхъ, не бывъ обязанъ сказать причинъ тому. Симъ-то образомъ Сенатъ Римской давалъ Диктаторамъ полную власть и указъ Сенатской, прежде избранія сего неограниченнаго начальника, и дѣлалъ между прочимъ слѣдующее

щее приказаніе: *Консулы должны стараться, чтобъ Республика не претерпѣла какого вреда*; (*) и сей указъ назывался: *опредѣленіемъ Сената крайне нужнымъ*. (**) Изъ сего слѣдуетъ, что не должно самопроизвольно никого заключать въ темницу, кромѣ какъ въ крайности; ибо когда сіе позволяется, то народъ лишается на нѣкоторое время вольности своей. Но какъ люди отказываются отъ вольности своей самопроизвольно единственно для лучшаго сохраненія оной, то самая сія побудительная причина дѣлаетъ сіе произвольное оставленіе *вольности* законнымъ.

Взять человѣка подъ стражу какимъ бы то ни было образомъ и въ какомъ бы ни было случаѣ; содержать его противъ его воли въ какомъ мѣстѣ; повелѣть взять его тайно и потомъ

(*) Dent operam Consules, ne quid Respublica detrimenti capiat.

(**) Senatus Consultum vltimae necessitatis.

томъ заключить; суть дѣйствія насильственныя и почитаются равными съ заключеніемъ кого въ темницѣ. Законы тѣмъ паче признаютъ таковыя дѣйствія беззаконными, что какой бы Актъ ни велѣно было узнику подписать для полученія свободы, почитаетъся не дѣйствительнымъ; напротивъ того Актъ подписанной узникомъ законно въ темницѣ содержащимся, почитается весьма дѣйствительнымъ. Чтобъ заключеніе въ темницѣ могло назваться законнымъ, то потребно, чтобъ напередъ учиненъ былъ судъ, въ *судебномъ мѣстѣ*; или чтобъ оное приказано *было начальникомъ*, имѣющимъ довольную къ тому власть: да и самое приказаніе сіе должно быть письменное, самымъ онымъ начальникомъ подписано и печатью герба утверждено. Въ семъ приказаніи должно показать причину заключенія, дабы, естьли узникъ получитъ рескриптъ о *правѣ, по чему онъ взятъ*, Судьи Королевскіе могли рѣшить справедливо ль и законно заключенъ онъ. Естьлижъ

лижъ при семъ приказанiи не будетъ наблюдено предписанныхъ закономъ обрядовъ, то стражъ тюремный не можетъ держать узника. Ибо законъ разсуждаетъ [какъ говоритъ Эдуардъ Кокъ], что не справедливо заключать человѣка въ темницу, не давъ знать ему преступленiя, въ которомъ онъ обвиненъ, дабы ему извѣстна была причина задержанiя его.

Каждой Агличанинъ, по праву вольности, можетъ жить въ Англiи толь долго, какъ самъ похочетъ; ибо его не можно выслать изъ оной, *какъ по* приговору *изгнанiя или ссылки.* Однакожъ Король, по королевской своей прерогативѣ, можетъ дать рескриптъ, *о не выѣздѣ изъ Королевства*, (*) коимъ запрещается подданнымъ выѣжжать изъ королевства безъ его позволенiя. Конечно польза отъ сего запрещенiя проистекающая, была побужденiемъ къ установленiю сей прерога-

(*) Ne exeat regnum.

гативы; но нѣтъ власти, кромѣ Парламента, которая моглабъ Агличанина и самого преступника принудить выѣхать изъ отечества, противъ его воли; ибо ссылка и переведеніе изъ одного мѣста въ другое, суть наказанія, не извѣстныя закону общему, изключая, когда таковое наказаніе налагается, или по выбору преступника самого, которой предпочтетъ его другому жесточайшему наказанію, или Парламентскимъ Актомъ. По чему въ великой Картѣ сказано, что никакой вольной человѣкъ не можетъ быть изгнанъ иначе, какъ по приговору своихъ Перовъ, учиненному согласно съ государственными законами. Да и Актъ *гавеасъ корпусъ* называемой, и содержащійся въ установленіи 31. гл. 2. Оной II. великой Карты, которую справедливо почесть можно огражденіемъ вольности нашей, запрещаетъ подданныхъ Аглинскихъ, какотобъ состоянія они ни были, посылать узниками въ Ирландію, Шотландію, Джѐрзе, Гѐрнзе и въ другія

 по

по ту сторону мо́ря находящіяся мѣста̀, въ коихъ ему не можно пользоваться выгодами закона общаго; объявляя при томъ всѣ наказанія незаконными, а тѣхъ, кои налагаютъ ихъ, не способными ни къ какимъ чинамъ и должностямъ, опредѣляя имъ еще наказаніе и *премунире* (*), и при томъ такъ, что и самъ Король не можетъ простить имъ сего нарушенія закона. Въ ономъ же законѣ *габеасъ корпусъ* дается власть тому, кто беззаконно будетъ заключенъ въ темницу, просить суда на того, по чьему приказанію сіе съ нимъ воспослѣдовало, равномѣрно *какъ* и на тѣхъ, кои были *исполнителями* онаго, и напослѣдокъ кто присовѣтовалъ такъ съ нимъ поступить, взыскать съ нихъ убытки съ лихвою и сверьхъ того втрое противъ того, во что ему сей судъ сталъ, за

(*) Премунире въ первоначальномъ смыслѣ значитъ преступленіе, когда кто Папской стороны держится, и власть Папскую въ испроверженіе Королевской поставляетъ; но нынѣ оное и къ другимъ преступленіямъ относительнымъ здѣлано и наказуется ссылкою штрафомъ, денежнымъ и конфискованіемъ именій.

за что меньше 500. фунтовъ стерлинговъ и самые судьи положить не могутъ.

Законъ столько имѣетъ вниманія ко всему относящемуся къ персональной вольности гражданъ, что отъемлетъ и у самого Короля власть высылать какого либо изъ подданныхъ своихъ изъ королевства, даже и для самой службы, изключая только солдатъ и мастеровъ; и потому Аглинской Король не можетъ никого изъ подданныхъ своихъ принудить противъ *воли*, ѣхать въ Ирландію для представленія *тамъ* его *особы*, или быть тамо Вицероемъ или Намѣстникомъ его; и сіе для того, что сей знакъ довѣренности, въ самомъ дѣлѣ могъ бы иногда служить Королю средствомъ къ почтенному изгнанію подданнаго своего, подъ видомъ награжденія.

III. Третье право всякому Агличанину собственное есть владѣнія имѣніемъ своимъ, состоящее въ вольномъ употребленіи и расположеніи симъ имѣніемъ,

ніемъ, такъ что въ разсужденіи сего никто не можетъ учинить ему какого либо принужденія или насилія, какъ токмо въ извѣстномъ случаѣ и при томъ предписаннымъ въ законѣ образомъ. Человѣку дано право сіе природою, какъ-то мы изъяснимъ сіе въ продолженіи сихъ толкованій; а естьли предписывается, какимъ образомъ человѣкъ можетъ сіе право отчуждать и доставить его потомкамъ своимъ, то и сіе учинено для пользы общества; и человѣкъ получаетъ отъ сего отчужденіе разныя выгоды, какъ бы въ замѣну за то, *что право* собственности его ограничивается нѣсколько.

Въ сходственность сему, въ великой Картѣ изъяснено, что никакого вольнаго человѣка не можно лишить владѣнія его, вольности, свободы въ куплѣ и продажѣ иначе, какъ по приговору равныхъ его, или по опредѣленію закона. Такожъ во многихъ Статутахъ послѣ великой Карты изданныхъ, именно сказано: что имѣніе вольнаго чело-

вѣ-

вѣка не можетъ быть у него отнято и описано на Короля, и такой поступокъ былъ бы совсѣмъ противенъ великой Картѣ и законамъ: въ оныхъ же Статутахъ пріобщено еще, что никто не можетъ лишенъ быть своего наслѣдства, или имѣнія, естьли онъ не былъ напередъ призыванъ въ судебное мѣсто, дабы тамо судиму быть по закону.

Пра́ва собственности Агличанъ не можно и тогда нарушить, когда дѣло идетъ объ общей пользѣ, естьлибъ на примѣръ, надобно было здѣлать новую дорогу, и надлежалобъ проложить ее через зе́мли какого либо частнаго человѣка; то должно, чтобъ правительство испросило напередъ позволенія у владѣльца оныхъ земель. Тщетно бы кто толковать хотѣлъ, что общественное благо должно предпочитать частному; сіе пра́вило показалось бы весьма опаснымъ, и по тому никогда не допуститъ законъ нашъ, чтобъ частной человѣкъ или какое судебное мѣсто

сто могло судить о томЪ, что сходно сЪ общественнымЪ благомЪ, и что оному противно. ВпрочемЪ общество ни о чемЪ столько не печется, какЪ о сохраненіи правЪ каждаго частнаго человѣка. Одна только законодательная власть можетЪ принудить частнаго человѣка повиноваться противЪ его воли тому, чего общее благо требуетЪ; но никогда не лишаетЪ его собственности самопроизвольно: напротивЪ того награждаетЪ его такЪ, что не имѣетЪ онЪ отЪ того никакого убытку. ВЪ семЪ случаѣ все общество почесть можно однимЪ человѣкомЪ, производящимЪ мѣну сЪ другимЪ, и власть законодательная обязываетЪ только владѣющаго назначить часть изЪ собственности своей, за умѣренную цѣну. Однако законодательная власть поступаетЪ всегда вЪ таковыхЪ случаяхЪ со всевозможною осторожностью.

Не вЪ семЪ одномЪ видѣ, о которомЪ мы говорили, Аглинской законЪ ограничилЪ права общаго блага; но дабы

бы утвердить за гражданами своими право собственности, признаетЪ онЪ его священнымЪ и не нарушимымЪ, изЪясняясь слѣдующимЪ образомЪ: *Никакой Агличанинъ не обязанъ платитъ подати, развѣ по своему и своего Депутата согласію, даже и тогда, когда дѣло дойдетъ до защищенія отечества или до содержанія правительства.* ВЪ СтатутѢ, послѣдовавшемЪ вЪ 28. лѣто царствованія Эдуарда I. вЪ гл. 5. и 6. узаконено, что Король не можетЪ налагать зборовЪ или податей иначе, какЪ сЪ общаго согласія всѣхЪ *жителей королевства*; и вЪ СтатутѢ 4. гл. 1. сего же самаго Государя сіе изЪяснено еще подробнѣе, а именно: что не можно налагать или собирать вновь податей безЪ согласія АрхіепископовЪ, ЕпископовЪ, ПрелатовЪ, ГрафовЪ, БароновЪ, КавалеровЪ, гражданЪ и другихЪ свободныхЪ людей. И еще вЪ СтатутѢ 2. состоявшемся вЪ 14. лѣто царствованія Короля Эдуарда III. вЪ гл. 1. сказано, что Прелаты, Графы, Бароны, граждане, мѣщане и купцы не

 мо-

могутъ обязаны быть платить какую либо пóдать безъ согласія дворянства и нижнихъ чиновъ въ Парламентъ созванныхъ. Но какъ сей законъ часто и безстыдно при многихъ Государяхъ нарушаемъ былъ насильственнымъ займомъ или принужденными подарками; то въ слѣдствіе сего здѣлано было установленіе 3. Карлы I. подъ именемъ *прапа*, *прошенія* въ которомъ именно сказано, что никого не можно принудить давать заимообразно, или учинить подарокъ, такожъ платить пóдать, безъ согласія Парламента. Напослѣдокъ въ Статутѣ, *состоявшемся* въ 1. лѣто царствованія Короля Вильгельма и Королевы Маріи, въ гл. 2. точно предписано, что всякой денежной зборъ для Короны, въ силу Королевской прерогативы учиненной, безъ предварительнаго согласія Парламента, почитать надлежитъ не законнымъ.

Но сего не довольно, чтобъ разсмотрѣть главнѣйшія права̀, каждому Агличанину собственно принадлежащія,

а надлежитъ истолковать какимъ образомъ нынѣшніе законы наши утверждаютъ имъ оныя. Законами нашими учреждены для сего права̀, кои можно назвать вспомогательными или служащими оградою противъ всего, чтобъ могло клониться къ нарушенію сихъ трехъ главнѣйшихъ правъ, безопасности людей, вольности и собственности ихъ.

Сіи вспомогательныя права̀ суть: 1. установленіе, власть и привилегіи Парламента, о которыхъ говорить буду я въ слѣдующей главѣ.

2. Прерогативы Королевскія ограниченныя предѣлами толь вѣрными, толь сильными и толь всѣмъ извѣстными, что безъ согласія народа не можно преступить ихъ. Пока законодательная власть пребудетъ такова, какова она нынѣ, и пока она будетъ въ силѣ своей, то почти не возможно здѣлать между нами законовъ, кои бы могли клониться къ разрушенію вольности нашей; чтожъ касается до прерогативы Королевской,

то

то въ такомъ состоянiи, въ какомъ оная нынѣ находится, можно сказать объ ней, что она сама ограничиваетъ власть исполнительную, и приводитъ оную въ щастливую невозможность учинить что либо противъ законовъ, Парламентомъ изданныхъ, или когда либо не согласоваться съ властiю законодательною.

3. Третье право вспомогательное или подчиненное, есть право, которымъ каждой Агличанинъ пользуется, и кое состоитъ въ томъ, что всякой можетъ просить въ судебныхъ мѣстахъ объ удовлетворенiи его за претерпѣнныя имъ обиды или оскорбленiя. Какъ сiи судилища всегда готовы покровительствовать и охранять собственность и вольность подданныхъ; то почти не возможно, чтобъ законы наши не были всегда почитаемы и наблюдаемы. А поелику Король въ законѣ Аглинскомъ есть органъ великой Карты, и подразумѣвается въономъ, какъ говоритъ, Эдуардъ Кокъ прису-

судствующимъ во всѣхъ судилищахъ и безпрестанно повторяющимъ въ оныхъ слѣдующія слова, въ той Картѣ находящіяся: *никому не продадимъ, никому не откажемъ и никому не отсрочимъ правды и справедливости*; (*) то изъ сего слѣдуетъ, прибавляетъ тотъ же Авторъ, что всякой подданной, духовной или свѣтской, можетъ прибѣгать къ закону и получать отъ онаго правосудіе, полное, совершенное и скорое, безъ покупки онаго, въ обидахъ причиненныхъ ему въ имѣніи его, въ земляхъ или и въ самой особѣ. Весьмабъ былъ я продолжителенъ, естьлибъ захотѣлъ привести здѣсь всѣ Акты Парламентомъ изданные о томъ, чтобъ частнымъ людямъ всегда доставляемо было правосудіе. Впрочемъ законъ между нами толико твердъ, непоколебимъ и непремѣненъ, толико ясенъ и толико точенъ, что Судья не можетъ учинить при-

(*) Nulli vendemus, nulli negabimus aut differemus rectum vel iustitiam.

приговора по своему только произволенію, по тому что всякъ можетъ знать то, что предписываетъ законъ судилищу, къ которому онъ прибѣгнулъ, и что одинъ только Парламентъ можетъ перемѣнить его. Я почиталъ для сего самаго себя обязаннымъ упомянуть о разныхъ Актахъ, Парламентомъ здѣланныхъ для воспрепятствованія, чтобъ, подъ предлогомъ Королевской прерогативы, не было остановлено отправленіе правосудія. Въ великой Картѣ узаконено, что никакого человѣка не можно лишить покровительства закона иначе, какъ *сообразно съ государственными законами*. Въ Статутѣ Эдуарда III. въ гл. 8. и въ Статутѣ Рихарда II. въ гл. 10. торжественно запрещается издавать указы или повелѣнія, подъ великою или малою печатью, которые бы противны были закону, также дѣлать препятствіе или причинять замедленіе исполненію общаго права. Въ оныхъ же Статутахъ повелѣвается Судьямъ не слушаться такихъ указовъ; что и самые

Су-

Судьи наблюдать обязуются присягою, данною при вступлении своемъ въ сіе достоинство. Въ Статутѣ 4. Эдуарда III. и въ Статутѣ 2. Вильгельма и Маріи, въ гл. 2. точно предписано, что право, которое Короли моглибъ присвоить себѣ, останавливать судъ и удерживать исполненіе онаго, всегда почитать должно не законнымъ, естьли оно не было одобрено Парламентомъ.

Но естьли сущность закона однимъ только Парламентомъ можетъ перемѣнена быть, то ему же одному только принадлежитъ власть перемѣнять и форму, *для произведенія закона* имъ же зделанную. Сіи формы надлежитъ почитать оградою закона, и естьлибъ сія ограда была разрушена, тобъ самой законъ подверженъ быть могъ частымъ возобновленіямъ. Король можетъ учредить новыя судилища, но въ заведеніи оныхъ не долженъ онъ удаляться отъ древняго общаго закона. Для сего-то въ Статутѣ при Карлѣ I. зделанномъ во время уничтоженія такъ называемой

Звѣ-

Звездопой камеры, объявлено, что Его Величество и тайной его Совѣтъ не имѣютъ пра́ва судопроизвожденія, ни власти вступаться въ разбирательство дѣлъ и представленій, которыя вышеупомянутая камера себѣ присвоила, и что Его Величество и его Совѣтъ не уполномочены брать къ себѣ дѣлъ, касающихся до земель и до имѣнія, коими они располагать не могутъ, по тому что все, что относится къ симъ разнымъ предметамъ, должно быть разбираемо, разсматриваемо и судимо въ Юстицкихъ мѣстахъ и по законамъ.

4. Естьлибъ случилось кому какая необыкновенная обида или какое оскорбленіе, илибъ явное послѣдовало нарушеніе правъ выше сего объявленныхъ, и чтобъ судебныя мѣста̀ не могли пода́ть въ семъ по́мощи; то въ такомъ случаѣ каждой человѣкъ можетъ прибѣгнуть къ четвертому вспомогательному праву, коимъ всякой частной человѣкъ можетъ тогда поль-

зоваться, и которое состоитъ въ томъ, что ему дозволяется подать челобитную Королю, или въ которой нибудь Парламентъ, для полученія удовлетворенія за свои обиды. Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій, здѣлалъ, сказываютъ, въ Россіи законъ, коимъ запрещалось подданнымъ его подавать ему челобитныя, не подавъ такой же напередъ двоимъ его Министрамъ; позволялось же то въ одномъ только случаѣ, когда сіи два Министра не здѣлаютъ правосудія: но естьли жалобы, въ челобитной изъясненныя, *будутъ* не законныя, тогда челобитчикъ подвергался смертной казни. Слѣдствіе сего закона было то, что никто не осмѣливался подавать сей третьей челобитной, такъ что, какъ жалобы и обиды подданныхъ его не могли доходить до него, то онъ никогда не бывалъ обязанъ, да и не могъ удовольствовать прошенія ихъ. Естьли въ Англіи ограничено право жителей ея подавать челобитныя Королю или Парламенту для испрошенія правосудія въ обидахъ своихъ; то

 сіе

сіе учинено единственно для сохраненія тишины внутри Королевства, но не съ намѣреніемъ притѣснить чрезъ то свободу гражданъ. Сіе крайне нужно было: ибо могло случиться, что подъ видомъ прошенія объ обидахъ своихъ, заводимы были замѣшательства и самые мятежи, какъ-то случилось при открытіи Парламента въ 1640. году. Для предупрежденія таковыхъ неустройствъ въ Статутѣ 1. послѣдовавшемъ въ 13. лѣто Карла II, въ гл. 5. предписано, чтобъ прошенія, Королю или Парламентамъ подаваемыя, о дѣлахъ государственныхъ или церковныхъ, подписываемы были только дватцетью человѣками, естьли сіи прошенія не были напередъ одобренныя тремя Судьями земскими или большею частію присяжныхъ судопроизводителей; и чтобъ въ разсужденіи города Лондона, были такія прошенія подписываемы Лордомъ Меромъ, Алдерманами и членами общаго Совѣта. Въ ономъ же Статутѣ сказано, чтобъ никакое прошеніе не было подаваемо, какъ только десятью человѣками вмѣстѣ

стѣ. Въ Статутѣ 2. въ гл. 2. послѣдовавшемъ при Вильгельмѣ и Маріи, именно изъяснено, что подданные имѣютъ право подавать прошеніе, и что всѣ препятствія, чинимыя челобитчику въ недопущеніи его прошенія, сутъ беззаконныя.

5. Пятое и послѣднее право вспомогательное, коимъ Агличане пользуются, состоитъ въ томъ, что они могутъ употреблять оружіе, сходственно съ званіемъ и состояніемъ ихъ. Сіе право утверждено тѣмъ же Статутомъ 2. въ гл. 2. Вильгельма и Маріи, и есть необходимое *слѣдствіе права* естественнаго, какое всѣ сіи люди имѣютъ пещись о сохраненіи своемъ, когда законъ не можетъ укротить насилія и притѣсненія.

И такъ права или иначе вольности Агличанъ состоятъ въ сихъ разныхъ статьяхъ, нами изъясненныхъ. Но слово вольности многими чаще произносится, нежели разумѣется; однакожъ весьма нужно, чтобъ люди всякаго чину и состоянія знали совершенно ея знаменова-

 ніе

ніе; иначе опасаться должно, чтобЪ не знающіе того на чемЪ вольность основывается, сЪ одной стороны не вдавались вЪ возмущенія и своевольство, а сЪ другой вЪ ослѣпленное и малодушное *повиновеніе*. ИзЪ вышесказаннаго мы видѣли что сіи природныя каждому права̀ наибольше заключаются вЪ свободномЪ наслажденіи всякаго человѣка своей безопасности, своей вольности и своей собственности, и что коль долго будемЪ мы безопасны вЪ разсужденіи самихЪ себя, вольностей и собственностей нашихЪ; то не возможно намЪ не быть вольнымЪ *народомЪ*: ибо не можетЪ *быть* у насЪ насилія и тиранства развѣ когда сіи права̀ будутЪ нарушены. Но дабы не допустить сему случиться, то необходимо потребно, чтобЪ право Парламента нашего сохранено было во всей цѣлости, и чтобЪ границы, прерогативу Королевскую опредѣляющія, были совершенно извѣстны; чтобЪ подданные, для удержанія правЪ своихЪ и для защищенія ихЪ, когда оныя кѣмЪ будутЪ нарушены, могли тотчасЪ

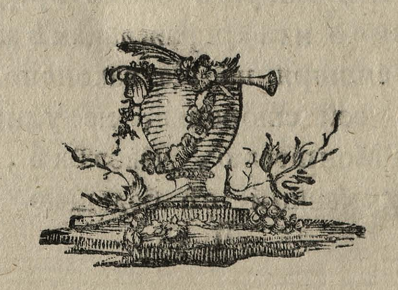
часъ являться въ судилища, для испрошенія покровительства законовъ, и подавать челобитныя свои Королю или Парламенту, для полученія удовлетворенія обидъ своихъ: и напослѣдокъ чтобъ имъ позволено было, употреблять, для защищенія своего, оружіе. Всѣми сими правами и вольностьми не нарушимыми пользоваться мы имѣемъ право отъ природы, естьли только оныхъ у насъ законы не ограничиваютъ по необходимости; да и самыя ограничиванія сихъ у насъ правъ законныя, суть столь умѣренны и сносны, что ни одинъ благоразумной и честной человѣкъ не пожелаетъ видѣть ихъ послабленными. Ибо мы можемъ свободно дѣлать все то, что доброй человѣкъ желаетъ дѣлать, и что естьли мы нѣкоторымъ образомъ ограничены, то единственно въ такихъ вещахъ, кои могутъ быть вредны или намъ самимъ или согражданамъ нашимъ. И такъ смотря на сіе законоположеніе наше съ сей стороны, не удивительно, что Монтескю, человѣкъ, писавшій и думавшій съ большею вольно-

 стію,

стію, силою и съ большимъ разумомъ, нежели кто либо изъ Французскихъ писателей, сказалъ въ самомъ отечествѣ своемъ, (*) что Аглинской народъ есть одинъ только въ цѣломъ свѣтѣ, у котораго политическая и гражданская вольность учинили превосходнѣйшую систему лучшихъ законовъ. И такъ совѣтуя учащимся законоискусству всемѣрно углубляться въ изслѣдованіе сего толь важнаго и пространнаго ученія, я окончу и мое о томъ примѣчаніе тѣмъ же самымъ желаніемъ, которое славный Отецъ Павелъ (**) при смерти своей произнесъ своему *отечеству: пребуди вѣчно* (***).

(*) Montеq. Sp. L. XI. 5.
(**) Fra. Paolo.
(***) Esto perpetua.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*строк.*	*напечатано*	*читай.*
8.	6.	со мнѣнія	сомнѣнія
18.	13.	award можежъ	можетъ
21.	22.	поправлевленія	поправленія
28.	8.	въ такъ	въ такомъ
29.	9.	вышему	вышшему
49.	23.	свѣстких	свѣтскихъ
59.	18.	протестанское	протестантское
71.	10.	всегга	всегда
91.	16.	экономію	экономіею
93.	2.	самымъ	самимъ
98.	26.	предпочитаетъ	предпочитаемъ
———	28.	образбмъ	образомъ
99.	21.	піужноженіи	піумноженіи
———	27.	сомолюбіемъ	самолюбіемъ
100.	8.	точщо	точно
———	10.	качесшвомъ	качествомъ
———	20.	Sympathyor	Sympathy or
———	27.	покваляемомъ	похваляемомъ
———	28.	сомолюбіемъ	самолюбіемъ
107.	19.	поколина	поколику
116.	2.	Парламенскія	Парламентскія
———	18.	тое	такое-то
124.	17.	коковая	каковая
129.	5.	всяаго	всякаго
137.	7.	прива	права
147.	17.	выщшею	вышшею
163.	23.	Алфереда	Алфреда
166.	7.	обнарованію	обнародованію
236.	23.	Kai nis's	Kaimes's
330.	послѣдняя	Cofirmatio	Confirmatio
334.	25.	тѣла	тѣла,
339.	23.	qni	qui
368.	17.	необыковенная	необыкновенная.

